Полный текст книги “И восходит солнце”

Смотрите другие форматы

КНИГИ из БИБЛИОТЕКИ SCRIBNER

вымысел

О Лене Гейер

“Возвращение в Вавилон” и другие рассказы Великий Гэтсби

Ночь нежна

Прекрасный и проклятый По эту сторону рая

Состоятельный человек

Прощание с оружием

По ком звонит колокол В наше время

Снега Килиманджаро и другие истории Солнце Тоже Встает

“Энеида” Вергилия Стрижка и другие истории
Распространенность ведьм Рамаяна

Золотой воин

Плачь, Любимая Страна Слишком поздно Фаларопе Годовалый ребенок

Последний пуританин

Эйб Линкольн в Иллинойсе

История

Совесть богатых Свет и тьма Новые люди

Чужие и братья Индиго

Местные обычаи Итан Фром

Дом веселья Римская лихорадка и другие истории Посмотри на дом, Ангел

Книги Эрнеста ХЕМИНГУЭЯ “Старик и море” “За рекой и среди деревьев” “По ком звонит колокол” “Пятая колонна” и первые сорок девять рассказов “Иметь и не иметь” “Зеленые холмы Африки” Победитель ничего не получает Смерть после полудня Прощание с оружием Мужчины без женщин Солнце тоже встает Весенние потоки В наше время

СЫНОВЬЯ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА

И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

Оцифровано Интернет-архивом в 2026 году

https://archive.org/details/sunalsorisesOO00erne_yOy7

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

Нью-Йорк СЫНОВЬЯ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1926 год, СЫНОВЬЯ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА; ОБНОВЛЕНИЕ АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1954 год, ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Эта книга предназначена для HapLxy

и для Джона Хапиея Никанора

“Вы все - потерянное поколение”. — ГЕРТРУДА СТАЙН в беседе

“Одно поколение проходит, и приходит другое поколение; но земля пребывает вечно… И солнце восходит, и солнце заходит, и спешит к тому месту, где оно взошло… - Ветер дует на юг и поворачивает на север; он постоянно кружится, и ветер возвращается снова в соответствии со своими кругами. …Все реки впадают в море, но море не переполняется; реки текут туда, откуда берут начало, и возвращаются обратно”. Экклезиаст

КНИГА!

Сис Ви МИТ эа тай |

Розерт Конн когда-то была чемпионкой по боксу в среднем весе Принстон. Не подумайте, что я очень впечатлен этим титулом как боксером, но для Кона он много значил. Бокс его совершенно не интересовал , на самом деле он ему не нравился, но он учился этому мучительно и тщательно, чтобы избавиться от чувства неполноценности и застенчивости, которые он испытывал, когда в Принстоне к нему относились как к еврею. Было определенное внутреннее утешение в том, что он мог сбить с ног любого, кто задирал нос, хотя, будучи очень застенчивым и очень милым мальчиком, он никогда не дрался, кроме как в спортзале. Он был Спайдером Лучшим учеником Келли. Спайдер Келли учил всех своих молодых джентльменов боксировать как легковесов, независимо от того, весили они сто пять или двести пять фунтов. Но Кону это, похоже , подходило. Он действительно был очень

быстрым. Он был настолько хорош, что Спайдер быстро одолел его и окончательно расплющил ему нос. Это усилило отвращение Кона к боксу, но при этом доставило ему определенное удовлетворение какого-то странного рода и, безусловно, улучшило его обоняние. На последнем курсе Принстона он слишком много читал и ходил на занятия в очках. Я не встречал никого из его однокурсников, кто бы помнил его.-

3

4 И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ.

Его любили. Они даже не помнили, что он был чемпионом по боксу в среднем весе.

Я не доверяю всем откровенным и простым людям, особенно когда их истории совпадают, и у меня всегда было подозрение, что, возможно Роберт Кон никогда не был чемпионом по боксу в среднем весе, и, возможно, лошадь наступила ему на лицо, или, может быть, его мать испугалась или что-то увидела, или, может быть, он, возможно, наткнулся на что-то, когда был маленьким ребенком, но в конце концов я нашел кого-то, кто подтвердил эту историю от Спайдера Келли. Спайдер Келли не только помнил Кона. Он часто задавался вопросом, что с ним стало.

Роберт Кон по отцу принадлежал к одной из богатейших еврейских семей Нью-Йорка, а по матери - к одной из старейших. В военном училище, где он готовился к Принстон, и он очень хорошо играл в футбольной команде, никто не заставлял его беспокоиться о расовой принадлежности. Никто никогда не давал ему почувствовать , что он еврей и, следовательно, отличается от других, пока он не поступил в Принстон. Он был милым, дружелюбным мальчиком и очень застенчивым, и это его ожесточало. Он проявил себя в боксе, закончил Принстон с болезненной застенчивостью и приплюснутым носом, и женился на первой же девушке, которая ему понравилась. Он был женат пять лет, имел троих детей, потерял большую часть из пятидесяти тысяч долларов, оставленных ему отцом, остальное состояние перешло к его матери, стал довольно непривлекательным из-за семейных неурядиц с богатой женой; и как раз в тот момент,

когда он принял решение уйти от жены она бросила его и ушла с художником-миниатюристом. Поскольку он уже несколько месяцев подумывал о том, чтобы уйти от жены, но не делал этого, потому что было бы слишком жестоко лишать ее себя, ее уход стал для него сильным потрясением.

Развод был оформлен, и Роберт Кон отправился в Побережье. В Калифорнии он попал в среду литераторов и, как он до сих пор

у него оставалось немного из пятидесяти тысяч, и вскоре он уже готовил “Обозрение искусств”. Обзор начал публиковаться в Кармел, Калифорния, и закончил в Провинстауне, Массачусетс. К тому времени Кон, которого все считали просто ангелом и чье имя фигурировало на редакционной странице просто как члена консультативного совета, стал единственным редактором. Это были его деньги, и он обнаружил, что ему нравится авторитет редактора. Он сожалел, когда журнал стал слишком дорогим, и ему пришлось отказаться от него.

Однако к тому времени у него уже были другие заботы. Его взяла под контроль дама, которая надеялась подняться вместе с журналом. Она была очень властной, и у Кона не было ни малейшего шанса не подчиниться. Кроме того, он был уверен, что любит ее. Когда эта дама увидела, что журнал не собирается продвигаться, она почувствовала некоторое отвращение к Кону и решила, что с таким же успехом может получить то, что можно получить, пока еще есть что-то доступное, поэтому она настояла на том, чтобы они поехали в Европу, где Кон мог бы писать. Они приехали в Европу, где леди получила образование, и прожили там три года. В течение этих трех лет, первый из которых Роберт Кон провел в путешествиях, а последние два - в Париже, у него было двое друзей, Брэддокс и я. Брэддокс был его литературным другом. Я была его подругой по теннису.

Женщина, у которой он родился, ее звали Фрэнсис, к концу второго года обучения обнаружила, что ее внешность пошла в гору, и ее отношение к Роберту изменилось с небрежного владения и эксплуатации на абсолютную решимость, что он

должен жениться на ней. В течение этого времени мать Роберта выплачивала ему пособие, около трехсот долларов в месяц. В течение двух с половиной лет я не верю, что Роберт Кон смотрел на другую женщину. Он был вполне счастлив, за исключением того, что, как и многие люди, живущие в Европе, он предпочел бы оказаться в Америке, и он открыл для себя литературу. Он написал роман, и на самом деле это был не такой уж

6. И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

“плохой роман”, как позже назвали его критики, хотя это был очень плохой роман. Он прочитал много книг, играл в бридж, теннис и занимался боксом в местном спортзале.

Впервые я узнал об отношении к нему его жены однажды вечером , после того как мы втроем поужинали вместе. Мы обедали в После этого они отправились в кафе “Версаль” выпить кофе. После кофе мы выпили еще несколько стаканчиков, и я сказал, что мне пора идти. Кон рассказывал о том, как мы вдвоем собирались куда -то съездить на выходные. Он хотел выбраться из города и хорошенько погулять. Я предложил слетать в Страсбург и прогуляться пешком до Сент-Одиль или еще где-нибудь в Эльзасе. “Я знаю девушку в Страсбурге, которая может показать нам город”, - сказал я.

Кто-то пнул меня под столом. Я подумал, что это случайность, и продолжил: “Она здесь уже два года и знает о городе все, что только можно знать.

Она замечательная девушка”.

Меня снова пнули под столом, и, оглянувшись, я увидел Фрэнсис, Дама Роберта вздернула подбородок, и ее лицо посуровело.

“Черт возьми, - сказал я, - зачем ехать в Страсбург? Мы могли бы поехать в Брюгге или в Арденны”.

Кон, казалось, испытал облегчение. Меня больше не пинали. Я пожелал ему спокойной ночи и вышел. Кон сказал, что хочет купить газету и прогуляется со мной до угла. “Ради бога, - сказал он, - зачем ты сказал это о той девушке в Страсбурге? Разве ты не видел Фрэнсис?

- Нет, с чего бы мне это делать? Если я знаю американскую девушку, которая живет в Страсбург, какое, черт возьми, это имеет отношение к Фрэнсис?”

- Это не имеет никакого значения. Любая девушка. Я бы не смогла пойти, вот и все”.

“Не говори глупостей”.

“Ты не знаешь Фрэнсис. Вообще ни одну девушку. Разве ты не видел, как она выглядела?”

“Ну что ж, - сказал я, - поехали в Санлис”.

“Не расстраивайся”.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ, И я

- Я не сержусь. Санлис - хорошее место, и мы можем остановиться в Съешь Гранд-Серф, прогуляешься по лесу и вернешься домой.”

- Хорошо, это будет прекрасно.

- Что ж, увидимся завтра в суде, - сказал я.

- Спокойной ночи, Джейк, - сказал он и направился обратно в кафе.

- Ты забыл взять газету, - сказал я.

- Это так. - Он проводил меня до киоска на углу. - Ты ведь не сердишься, Джейк? Он повернулся с газетой в руке.

- Нет, а почему я должен сердиться?

“Увидимся на теннисе”, - сказал он. Я смотрела, как он возвращается в кафе, держа в руках газету. Он мне даже нравился, и, очевидно, она обеспечила ему неплохую жизнь.

ГХАРАЛ Бап Иль

Той зимой Роберт Кон отправился в Америку со своим романом, и его приняло довольно хорошее издательство. Я слышал, что его отъезд вызвал ужасный скандал, и, думаю, именно там Фрэнсис его и потеряла , потому что в Нью-Йорке к нему хорошо относились несколько женщин, а когда он вернулся, то совсем изменился. Он был более увлечен Америкой, чем когда-либо, и он не был таким простым, и он не был таким милым. Издатели очень

высоко оценили его роман , и он вскружил ему голову. Затем несколько женщин проявили к нему любезность, и его кругозор расширился. В течение четырех лет его кругозор был полностью ограничен его женой. В течение трех лет, или почти трех, он не видел ничего дальше Фрэнсис. Я уверен, что он никогда в жизни не был влюблен. Он женился, чтобы оправиться от неприятных времен, которые у него были в колледже, и Фрэнсис приняла его, чтобы оправиться от его открытия , что он не был всем для своей первой жены. Он еще не был влюблен, но понял, что он привлекателен для женщин, и что тот факт, что женщина заботится о нем и хочет жить с ним, был не просто божественным чудом. Это изменилось

он был таким, что с ним было не так приятно общаться. Кроме того, играя по более высоким ставкам, чем он мог себе позволить, в некоторые довольно крутые игры в бридж со своими нью-йоркскими знакомыми, он держал в руках карты и выиграл несколько сотен долларов. Из-за этого он стал немного тщеславен своей игрой в бридж и несколько раз говорил о том, что человек всегда мог бы зарабатывать на жизнь игрой в бридж, если бы его к этому вынудили.

И еще кое-что. Он читал У. Х. Хадсона. Это звучит как невинное занятие, но Кон читал и перечитывал “Пурпурную страну”. “Пурпурная страна” - очень зловещая книга, если читать ее слишком поздно. В ней рассказывается о великолепных воображаемых любовных приключениях безупречного английского джентльмена в чрезвычайно романтичной стране, пейзажи которой очень хорошо описаны. Для мужчины в тридцать четыре года воспринимать это как путеводитель по жизни примерно так же безопасно, как для мужчины того же возраста войти в нее. Уолл-стрит прямо из французского монастыря, снабженный полным набором наиболее практичных книг Элджера. Кон, я полагаю, воспринимал каждое слово “Пурпурной страны” так буквально, как если бы это был отчет Р.Г. Дана. Вы

меня понимаете, у него были некоторые оговорки, но в целом книга показалась ему хорошей. Этого было достаточно, чтобы завести его. Я не осознавал, до какой степени это его завело, пока однажды он не появился в моем офисе.

“Привет, Роберт”, - сказал я. “Ты пришел, чтобы подбодрить меня?”

“Ты бы хотел поехать в Южную Америку, Джейк?” он спросил.

“нет.”

“почему нет?”

- Я не знаю. Я никогда не хотел туда ехать. Слишком дорого. В Париже и так можно увидеть всех южноамериканцев, каких захочешь”.

“Они не настоящие южноамериканцы”.

“Мне они кажутся ужасно настоящими”.

Мне нужно было успеть на морской поезд с недельными статьями по почте, а написана только половина из них.

“Ты знаешь что-нибудь компрометирующее?” Я спросил.

иНо.

10 И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

“Никто из твоих высокопоставленных знакомых не разводится?”

“Нет, послушай, Джейк. Если бы я взял на себя наши расходы, ты бы поехал со мной в Южную Америку?”

“Почему я?”

“Ты можешь говорить по-испански. И вдвоем было бы веселее ”.

“Нет, - сказал я, - мне нравится этот город, и летом я езжу в Испанию ”.

“Всю свою жизнь я мечтал о подобном путешествии”, - сказал Кон. Он сел. “Я буду слишком стар, прежде чем смогу это сделать”.

“Не будь дураком”, - сказал я. “Ты можешь поехать, куда захочешь. У тебя куча денег”.

“Не знаю. Но я не могу начать”.

“Не унывай”, - сказал я. “Все страны похожи на движущиеся картинки”.

Но мне было жаль его. Ему было очень плохо.

“Я не могу смириться с мыслью, что моя жизнь проходит так быстро, а я на самом деле не живу ею”.

“Никто никогда не проживает свою жизнь полностью, кроме тореадоров”.

“Меня не интересуют тореадоры. Это ненормальная жизнь. Я хочу вернуться в Южную Америку. У нас могло бы получиться отличное путешествие”.

“Ты когда-нибудь думал о том, чтобы поехать в Британскую Восточную Африку на съемки?”

“Нет, мне бы это не понравилось”.

“Я бы не поехал туда с тобой”.

“Нет, это меня не интересует”.

“Это потому, что ты никогда не читал книг об этом. Продолжай и прочти книгу, в которой полно любовных историй с прекрасными блестящими черными принцессами”.

“Я хочу поехать в Южную Америку”.

В нем была твердая, еврейская, упрямая жилка.

“Пойдем вниз, выпьем чего-нибудь”.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

“Ты разве не работаешь?”

“Нет”, - сказал я. Мы спустились по лестнице в кафе на первом этаже. Я обнаружил, что это лучший способ избавиться от друзей. Как только вы выпьете, все, что вам нужно было сказать, это: “Ну что ж, мне нужно вернуться и закончить кое-какие переговоры”, - и дело было сделано. В газетном бизнесе очень важно находить такие изящные выходы, как этот , где это настолько важная часть этики, что кажется, что вы никогда не должны работать. Как бы то ни было, мы спустились в бар и выпили виски с содовой. Кон посмотрел на бутылки в ящиках у стены. “Это хорошее место”, - сказал он.

“Здесь много спиртного”, - согласился я.

- Послушай, Джейк, - он наклонился вперед, облокотившись на стойку. - У тебя никогда не возникало ощущения, что вся твоя жизнь проходит мимо, а ты не используешь ее в своих интересах? Ты понимаешь, что уже прожил почти половину отпущенного тебе срока?

“Да, время от времени”.

“Ты знаешь, что примерно через тридцать пять лет мы будем мертвы?”

“Какого черта, Роберт”, - сказал я. “Какого черта”.

“Я серьезно”.

“Это единственная вещь, о которой я не беспокоюсь”, - сказал я.

“А тебе следовало бы”.

“У меня и так было много поводов для беспокойства. Я устал волноваться”.

“Ну, я хочу поехать в Южную Америку”.

“Послушай, Роберт, переезд в другую страну ничего не меняет . Я все это перепробовал. Ты не сможешь убежать от самого себя, переезжая из одного места в другое. В этом нет ничего особенного”.

“Но ты никогда не был в Южной Америке”.

“Черт возьми, Южная Америка! Если бы ты поехал туда так, как чувствуешь себя сейчас, это было бы точно так же. Это хороший город. Почему бы тебе не начать жить своей жизнью в Париже?”

12. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

“Меня тошнит от Парижа, и меня тошнит от Квартала”.

“Держись подальше от Квартала. Путешествуй в одиночестве и посмотри, что с тобой будет”.

“Со мной ничего не случится. Однажды я гулял один всю ночь, и ничего не произошло, если не считать того, что меня остановил полицейский на велосипеде и попросил показать мои документы.

“Разве город не был красивым ночью?”

“Мне не нравится Париж”.

Итак, вот и вы. Мне было жаль его, но с этим ничего нельзя было поделать, потому что сразу же натолкнулись на два упрямства: Южная Америка могла все исправить, и ему не нравился Париж. Первую идею он почерпнул из книги, и , полагаю, вторую тоже почерпнул из книги.

“Ну, - сказал я, - мне нужно подняться наверх и снять кое-какие провода”,

“Тебе действительно нужно идти?”

“Да, мне нужно отсоединить эти провода”.

“Вы не возражаете, если я поднимусь и посижу в кабинете?”

“Нет, поднимайтесь”.

Он сидел в приемной и читал газеты, а мы с редактором и издателем усердно работали в течение двух часов. Затем я рассортировала копии, проштамповала их, положила в пару больших конвертов из плотной бумаги и позвонила посыльному, чтобы он отнес их на вокзал Сен-Лазар. Я вышла в другую комнату и увидела Роберта Кон спал в большом кресле. Он спал, уронив голову на руки. Мне не хотелось его будить, но я хотел запереть кабинет и свалить. Я положил руку ему на плечо. Он покачал головой. “Я не могу этого сделать”, - сказал он и еще глубже обхватил голову руками. “Я не могу этого сделать. Ничто не заставит меня это сделать”.

“Роберт”, - сказал я и потряс его за плечо. Он поднял голову. Он улыбнулся и моргнул.

“Я что, только что сказал что-то вслух?”

“Что-то”. Но было неясно”,

“Боже, какой отвратительный сон!”

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ В 13 ЧАСОВ

“Ты что, заснул из-за пишущей машинки?”

“Думаю, да. Я не спал всю прошлую ночь”.

“В чем дело?”

“Разговаривал”, - сказал он.

Я мог себе это представить. У меня есть дурная привычка

представлять себе кровать-сцены в комнате моих друзей. Мы пошли в кафе “Наполитан” выпить по аперитиву и понаблюдать за вечерней толпой на бульваре.

ГАП ГЕР ЛЕ

Был теплый весенний вечер, и я сидел за столиком на террасе ” Наполитана” после ухода Роберта, наблюдая, как темнеет и загораются электрические указатели, красный и зеленый дорожные знаки “стоп-энд-гоу “, как мимо проходит толпа, как снуют конные экипажи.- пробираюсь сквозь плотный поток такси, а мимо поодиночке и парами проходят паули в поисках ужина. Я наблюдал, как мимо нашего столика прошла симпатичная девушка, и смотрел, как она пошла вверх по улице, и потерял ее из виду, и наблюдал за другой, а потом увидел, что первая возвращается снова. Она снова прошла мимо , и я поймал ее взгляд, она подошла и села за наш столик. Подошел официант.

- Ну, что будете пить? - спросил я. Я спросил.

“Перно”,

“ Это вредно для маленьких девочек.

- Сама маленькая девочка. Попробуйте гарсон и перно.

“Мне тоже перно”.

- В чем дело? - спросила она. “ Идешь на вечеринку?

“конечно. А ты нет?

“я не знаю. В этом городе никогда не знаешь наверняка.

- Тебе не нравится Париж?

“нет.”

“Почему бы тебе не пойти куда-нибудь еще?”

“Больше нигде нет”.

“Ты счастлива, все в порядке”.

“Счастлива, черт возьми!”

Перно - это зеленоватая имитация абсента. Когда добавляешь воды , получается молочный вкус. По вкусу он напоминает лакрицу и хорошо поднимает настроение, но при этом так же сильно портит настроение. Мы сидели и пили его, а девушка выглядела угрюмой.

“Ну что, - спросил я, - ты собираешься угостить меня ужином?”

Она улыбнулась, и я понял, почему она старалась не рассмеяться. С закрытым ртом она была довольно симпатичной девушкой. Я заплатил за тарелки, и мы вышли на улицу. Я подозвал кеб, и водитель остановил его у обочины. Усевшись в медленно катящийся фиакр, мы двинулись по авеню Оперы, миновали запертые двери магазинов, их витрины были освещены, проспект был широким, сверкающим и почти пустынным. Такси проехало мимо Нового Бюро “Йорк Геральд” с витриной, заставленной часами.

“Для чего все эти часы?” - спросила она.

“Они показывают время по всей Америке”.

“Не разыгрывайте меня”.

Мы свернули с проспекта на улицу Пирамид, миновали оживленное движение на улице Риволи и через темные ворота въехали в город. Тюильри. Она прижалась ко мне, и я обнял ее одной рукой. Она подняла голову, ожидая поцелуя. Она дотронулась до меня одной рукой и тут же убрала ее.

”Не обращай внимания”.

“В чем дело? Тебе плохо?”

Нес.”

16 И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

“Все больны. Я тоже болен”.

Мы вышли из Тюильри на свет и пересекли улицу. Сену, а затем свернул на улицу Сен-Пере.

“Тебе не следует пить перно, если ты болен”,

“Тебе тоже”.

“Для меня это не имеет никакого значения. Для женщины это не имеет никакого значения”.

“Как тебя зовут?”

“Жоржетта. Как вас зовут?”

“Джейкоб”.

“Это фламандское имя”.

“Тоже американец”.

“Вы не фламандец”.

“Нет, американец”.

“Хорошо, я терпеть не могу фламандцев”.

К этому времени мы уже были у ресторана. Я крикнул официанту, чтобы он остановился. Мы вышли, и Жоржетте не понравился вид заведения. “Это не самый лучший ресторан”.

“Нет”, - сказал я. “Может быть, ты лучше сходишь к Фойо. Почему бы тебе не взять такси и не поехать дальше?”

Я заехал за ней из-за смутной сентиментальной идеи, что было бы неплохо поужинать с кем-нибудь. Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз ужинала с гостями, и я уже забыла, насколько это может быть скучно. Мы вошли в ресторан, прошли мимо мадам Лавинь за стойкой и прошли в маленькую комнату. Жоржетта немного повеселела после еды.

“Здесь неплохо”, - сказала она. “Это не шикарно, но еда на

высоте”

.

“Лучше, чем в Льеже”.

“Ты имеешь в виду Брюссель”.

Мы выпили еще бутылку вина, и Жоржетта пошутила. Она улыбнулась, показав все свои плохие зубы, и мы чокнулись бокалами.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ 17

“Ты неплохой парень”, - сказала она. “Жаль, что ты болен. Мы хорошо ладим. Что с тобой такое?”

“Я была ранена на войне”, - спросила я.

- Ох уж эта грязная война.

Мы, вероятно, продолжили бы обсуждение войны и согласились бы с тем, что на самом деле это было бедствие для цивилизации, и за-возможно, этого лучше было бы избежать. Мне и так было скучно. В этот момент из соседней комнаты кто-то позвал: “Барнс! Я говорю, Барнс! Джейкоб Барнс!”

“Мне звонит друг”, - объяснил я и вышел.

‘За большим столом сидели Брэддоки и их компания: Кон, Фрэнсис Клайн, миссис Брэддокс и еще несколько человек, которых я не знал.

“Вы придете на танцы, не так ли?” Спросил Брэддокс.

“Какой танец?”

“Ну, танцы. Разве ты не знаешь, что мы их возродили?” - вмешалась миссис Брэддокс.

- Ты должен пойти, Джейк. Мы все идем”, - сказала Фрэнсис с

другого конца стола. Она была высокой и улыбчивой.

“Конечно, он придет”, - сказал Брэддокс. “Заходи и выпей с нами кофе, Барнс”.

“правильно”.

- И приведи своего друга, - смеясь, добавила миссис Брэддокс. Она была канадкой и обладала всеми их манерами общения.

“Спасибо, мы будем дома”, - сказал я. Я вернулся в маленькую комнату.

“Кто твои друзья?” Спросила Жоржетта.

”Писатели и художники”.

“На этом берегу реки их много”.

“Слишком много”.

“Думаю, да. Тем не менее, некоторые из них зарабатывают деньги”.

”О, да”.

Мы покончили с едой и вином. “Пошли”, - сказал я. - Мы собираемся выпить кофе с остальными.

18. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

Жоржетта открыла сумочку, несколько раз провела по лицу, глядя в маленькое зеркальце, подкрасила губы помадой и поправила шляпку.

“Хорошо”, - сказала она.

Мы вошли в комнату, полную людей и Брэддоков, и мужчины за его столиком встали.

“Я хочу представить вам мою невесту, мадемуазель Жоржетту Леблан”. Я сказал. Жоржетта улыбнулась своей чудесной улыбкой, и мы пожали друг другу руки

.

“Вы родственница певицы Жоржетты Леблан?” - спросила миссис Брэддокс.

“Да, это так”, - ответила Жоржетта.

“Но у вас такое же имя”, - сердечно настаивала миссис Брэддокс.

“Нет”, - ответила Жоржетта. “Вовсе нет. Меня зовут Хобин”.

“Но мистер Барнс представил вас как мадемуазель Жоржетту” Леблан. Конечно, он так и сделал, - настаивала миссис Брэддокс, которая от волнения, говоря по-французски, могла и не понимать, что говорит.

- Он дурак, - сказала Жоржетта.

- О, тогда это была шутка, - сказала миссис Брэддокс.

- Да, - сказала Жоржетта. - Чтобы посмеяться.

- Ты слышал это, Генри? - обратилась миссис Брэддокс к Брэддоксу через стол. - Мистер Барнс представил свою невесту как Мейд-Муазель Леблан, а на самом деле ее зовут Хобин.

- Конечно, дорогой. Мадемуазель Хобен, я знаю ее очень давно.

- О, мадемуазель Хобин, - позвала Фрэнсис Клайн, обращаясь к ней Говорила по-французски очень быстро и, похоже, не была так горда и удивлена, как миссис Брэддокс, тем, что это выходит по-настоящему по-французски. “Ты давно в Париже? Тебе здесь нравится? Ты любишь Париж, не так ли?”

“Кто она?” Жоржетта повернулась ко мне. “Мне обязательно с ней разговаривать?”

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ 19.

Она повернулась к Фрэнсис, которая сидела, улыбаясь, сложив руки на груди, приподняв голову на длинной шее и поджав губы,

готовая снова заговорить

.

“Нет, мне не нравится Париж. Он дорогой и грязный”.

“В самом деле? Я нахожу его необычайно чистым. Один из самых чистых городов во всей Европе”.

“Я нахожу его грязным”.

“Как странно! Но, возможно, вы пробыли здесь совсем недолго”.

“Я пробыл здесь достаточно долго”.

- Но там действительно живут приятные люди. Надо признать, что это так.

Жоржетта повернулась ко мне. - У тебя приятные друзья.

Фрэнсис была немного пьяна и хотела бы продолжить в том же духе, но принесли кофе, а Лавин - ликеры, и после этого мы все вышли и направились в танцевальный клуб Брэддокса.

Танцевальный клуб представлял собой бал-мюзетт на Рю-де-ла-Монтань Святая Женевьева. Пять вечеров в неделю трудящиеся города Там танцевал квартал Пантеон. Один вечер в неделю это был танцевальный клуб. По понедельникам заведение было закрыто. Когда мы приехали, там было совершенно пусто, если не считать полицейского, сидевшего у двери, жены владельца бара и самого владельца.

Когда мы вошли, по лестнице спустилась дочь хозяина . Там были длинные скамьи и столы, расставленные по всей комнате, а в дальнем конце - танцпол.

“Я бы хотел, чтобы люди пришли пораньше”, - сказал Брэддокс. Подошла дочь и спросила, что мы будем пить. Хозяин заведения взобрался на высокий табурет рядом с танцполом и начал играть на аккордеоне. На лодыжке у него была цепочка с колокольчиками , и он отбивал такт ногой. Все танцевали. Было жарко, и мы поднялись с пола, обливаясь потом.

“Боже мой”, - сказала Жоржетта. “В какой коробке можно потеть!”

“Жарко”.

“Жарко, боже мой!”

20 СЕНТЯБРЯ СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Сними шляпу”.

“Это хорошая идея”.

Кто-то пригласил Жоржетту потанцевать, и я подошел к бару. Было действительно очень жарко, и музыка аккордеона была приятной в эту жаркую ночь. Я выпил пива, стоя в дверях и вдыхая прохладный ветерок с улицы. По крутой улице спускались два такси. Оба они остановились перед зданием Бала. Из машины вышла толпа молодых людей, одни в футболках, другие без пиджаков. В свете, падающем из двери, я мог видеть их руки и только что вымытые волнистые волосы. Полицейский, стоявший у двери, посмотрел на меня и улыбнулся. Они вошли. Когда они вошли, в свете фонаря я увидел белые руки, волнистые волосы, белые лица, гримасы , жестикуляцию, разговоры. С ними была Бретт. Она выглядела очень мило и ей было очень хорошо с ними.

Один из них увидел Жоржетту и сказал: “Я заявляю. Это настоящая шлюха. Я собираюсь потанцевать с ней, Летт. Ты смотри на меня”.

Высокая темноволосая, по имени Летт, сказала: “Не торопись”.

Кудрявый блондин ответил: “Не волнуйся, дорогая”. И с ними был Бретт.

Я был очень зол. Почему-то они всегда выводили меня из себя. Я знаю, что они должны быть забавными, и вы должны быть терпимы, но я хотел наброситься на кого-нибудь, на кого угодно, на что угодно, чтобы разрушить это высокомерное, жеманное самообладание. Вместо этого я прогулялся по улице и выпил пива в баре на следующем балу. Пиво оказалось невкусным , а коньяк я выпил еще хуже, чтобы перебить привкус во рту. Когда Я вернулся на бал, там на танцполе была толпа, и Жоржетта танцевала с высоким светловолосым юношей, который танцевал размашисто-по-хипповски, склонив голову набок и подняв глаза к небу. Как только музыка смолкла, еще один из них пригласил ее потанцевать, и они подхватили ее. Тогда я понял, что все они будут танцевать с ней. Они такие.

Я сел за столик. Там сидел Кон. Фрэнсис была

танцуя, миссис Брэддокс привела кого-то и представила

он в роли Роберта Прентисса. Он был из Нью-Йорка, проездом Чикаго и был начинающим новым романистом. У него был какой-то английский акцент. Я предложил ему что-нибудь выпить.

“Большое спасибо, - сказал он, - я только что выпил”.

“Выпей еще”.

“Спасибо, я потом выпью”.

Мы пригласили хозяйку дома, и у каждого было по замечательному коктейлю.

- Мне сказали, что вы из Канзас-Сити, - сказал он,

“да.”

- Ты находишь Париж забавным?

“да.”

«действительно?»

Я был немного пьян. Не в прямом смысле этого слова, но ровно настолько, чтобы быть неосторожным.

“Ради бога, - сказал я, - да. А ты?”

“О, как очаровательно ты сердишься”, - сказал он. “Хотел бы я обладать такой способностью”.

Я встал и направился к танцполу. Миссис Брэд-Докс последовала за мной. “Не сердись на Роберта”, - сказала она. “Он еще совсем ребенок, ты же знаешь”.

“Я не сердилась”, - сказала я. - Я просто подумала, что меня сейчас стошнит.

- Ваша невеста пользуется большим успехом, - миссис Брэддокс посмотрела на танцпол, где Жоржетта танцевала в объятиях высокого брюнета по имени Летт.

- Разве это не так? Я сказал.

- Скорее, - ответила миссис Брэддокс.

Подошел Кон. “Давай, Джейк, - сказал он, - выпей чего-нибудь”. Мы подошли к бару. “Что с тобой такое? Ты, кажется , чем-то взволнован?”

“Ничего. Меня просто тошнит от всего этого шоу”.

Бретт подошел к бару.

22. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

“Привет, ребята”.

“Привет, Бретт”, - сказал я. “Почему ты не пьян?”

“Никогда больше не будешь пьян”. Я говорю, угости парня бренди с содовой.”

Она стояла, держа в руках бокал, и я увидел, что Роберт Кон смотрит на нее. Он выглядел так, как, должно быть, выглядел его соотечественник , когда увидел землю обетованную. Кон, конечно, был намного моложе. Но в его взгляде читалось нетерпеливое ожидание.

Бретт была чертовски хороша собой. На ней был облегающий трикотажный свитер и твидовая юбка, а волосы были зачесаны назад, как у мальчишки. Она все это затеяла. Она была сложена так, что изгибы ее тела напоминали корпус гоночной яхты, и в этом шерстяном свитере ты не упустил ни одной из них.

“У тебя прекрасная компания, Бретт”, - сказал я.

“Разве они не прекрасны? И ты, моя дорогая. Где ты это взял?”

“В ”Наполитане”.

“И как, приятно провел вечер?”

“О, бесценно”, - сказала я.

Бретт рассмеялась. “Это неправильно с твоей стороны, Джейк. Это оскорбление для всех нас. Посмотрите на Фрэнсис и Джо”.

Это для Кона.

“Это запрет на торговлю”, - сказала Бретт. Она снова рассмеялась.

“Вы удивительно трезвы”, - сказал я.

“да. Не так ли? И когда ты в такой компании, как я, ты тоже можешь пить в полной безопасности”

Заиграла музыка, и Роберт Кон сказал: “Не потанцуете ли вы со мной, леди Бретт?”

Бретт улыбнулась ему. “Я обещала станцевать этот танец с Джейкобом”, - рассмеялась она. ”У тебя чертовски библейское имя, Джейк”.

“Как насчет следующего?” - спросил Кон.

“Мы идем”, - сказала Бретт. “У нас свидание на Монмартре”.

Танцуя, я заглянул Бретт через плечо и увидел, что Кон, стоя у стойки бара, все еще наблюдает за ней.

“Ты завела себе новую подружку”, - сказал я ей.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ 23 СЕНТЯБРЯ

“Не говори об этом. Бедняга. Я только сейчас узнал об этом”.

“Ну что ж”, - сказал я. “Полагаю, тебе нравится их складывать”.

“Не говори глупостей”.

“Ты хочешь”.

“Ну, хорошо. А что, если я захочу?”

“Ничего”, - сказал я. Мы танцевали под аккордеон, и кто -то играл на банджо. Было жарко, и я чувствовал себя счастливым. Мы прошли мимо Жоржетты, танцующей с другим из них.

“Что на тебя нашло, что ты ее привел?”

”Не знаю, я только что привел ее”.

“Ты становишься чертовски романтичным”.

“Нет, скучно”.

“Сейчас?”

“Нет, не сейчас”.

“Давай уйдем отсюда. О ней хорошо позаботятся”.

“Ты хочешь?”

“Стал бы я просить тебя, если бы не хотел?”

Мы ушли, и я снял свое пальто с вешалки на стене и надел его. Бретт стояла у бара. Кон разговаривал с ней. Я остановился у стойки и попросил у них конверт. Посетительница нашла его. Я достал из кармана банкноту в пятьдесят франков, вложил ее в конверт, запечатал и протянул хозяйке.

“Если девушка, с которой я пришел, спросит обо мне, вы передадите ей это?” Я сказал. “Если она пойдет куда-нибудь с одним из этих джентльменов, вы не оставите это для меня?”

“Прошу прощения, месье”, - сказала хозяйка. “Вы уходите сейчас? Так рано?”

“Да”, - сказала я.

Мы направились к выходу. Кон все еще разговаривал с Бретт. Она пожелала мне спокойной ночи и взяла меня за руку. “Спокойной ночи, Кон”, - сказал я. Выйдя на улицу, мы стали искать такси.

- Ты потеряешь свои пятьдесят франков, - сказала Бретт.

“О, да”.

”Такси нет”“

“Мы могли бы дойти до Пантеона и взять одно из них”.

“Пойдем, выпьем в пабе по соседству и пошлем за ним”.

“Ты бы не перешел улицу”.

“Нет, если бы я мог иначе”.

Мы зашли в ближайший бар, и я послал официанта за такси.

“Ну, - сказал я, - мы ушли от них”.

Мы стояли у высокой цинковой стойки и молча смотрели друг на друга. Подошел официант и сказал, что такси ждет на улице. Бретт крепко пожал мне руку. Я дал официанту франк, и мы вышли. “Куда мне ему сказать?” Я спросил.

- О, скажи ему, пусть объедет вокруг.

Я велел водителю ехать в парк Монтсури, сел за руль и захлопнул дверцу. Бретт сидела, откинувшись в углу, с закрытыми глазами. Я забрался внутрь и сел рядом с ней. Такси резко тронулось с места.

- О, дорогая, я был таким несчастным, - сказал Бретт.

Гр ка Раб ЛУКАВЫЙ,

Такси поднялось на холм, миновало освещенную площадь, затем углубилось в темноту, продолжая подниматься, затем вырулило на темную улицу за Сент-Этьен-дю-Мон, плавно съехало по асфальту, проехало мимо деревьев и стоящего автобуса на площади Контрэскарп, затем свернуло на мощеную улицу Сент-Этьен-дю-Мон. улица Муфтар. По обеим сторонам улицы виднелись освещенные бары и открытые допоздна магазины. Мы

сидели порознь, но, идя по старой улице, прижались друг к другу. Бретт сняла шляпу. Ее голова была запрокинута назад. Я видел ее лицо в свете открытых магазинов, потом стемнело, потом я отчетливо увидел ее лицо , когда мы вышли на авеню Гобеленов. Улица была разбита, и мужчины работали на железнодорожных путях при свете ацетиленовых факелов. Лицо Бретт было белым, а в ярком свете факелов была видна длинная линия ее шеи. На улице снова стемнело, и я поцеловал ее. Наши губы были плотно прижаты друг к другу, а потом она отвернулась и вжалась в угол сиденья, как можно дальше. Ее голова была опущена.

“Не прикасайся ко мне”, - сказала она. “Пожалуйста, не прикасайся ко мне”.

- В чем дело? - спросил я.

2

26. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

”Я этого не вынесу”.

“О, Бретт”.

“Ты не должен. Ты должен знать. Я этого не вынесу, вот и все. О, дорогой, пожалуйста, пойми!”

“Разве ты меня не любишь?”

“Люблю тебя? Я просто превращаюсь в желе, когда ты прикасаешься ко мне”.

“Неужели мы ничего не можем с этим поделать?”

Она уже сидела. Я обнимал ее, а она прислонялась ко мне, и мы были совершенно спокойны. Она смотрела мне в глаза тем своим взглядом, который заставлял задуматься, действительно ли она видит собственными глазами. Они бы смотреть все дальше и дальше, после того как все остальные глаза в мире перестали бы смотреть на нее. Она выглядела так, словно на земле не было ничего , на что она не смотрела бы так, и на самом деле она

боялась очень многих вещей.

“И мы ни черта не можем поделать”, - сказал я.

“Я не знаю”, - сказала она. “Я не хочу снова проходить через этот ад ”.

“Нам лучше держаться подальше друг от друга”.

“Но, дорогая, я должен тебя увидеть. Это не все, что ты знаешь”.

“Нет, но так бывает всегда”.

“Это моя вина. Разве мы не платим за все, что делаем?”

Она все время смотрела мне в глаза. Ее глаза были разной глубины, иногда казались совершенно плоскими. Теперь в них можно было заглянуть насквозь.

“Когда я думаю о том, через какой ад я заставил пройти парней. Теперь я расплачиваюсь за все это”.

“Не говори глупостей”, - сказал я. “Кроме того, то, что со мной случилось , должно быть забавным. Я никогда об этом не думал”.

“О, нет. Клянусь, ты этого не сделаешь”.

- Ладно, давай помолчим об этом.

- Я и сам когда-то смеялся над этим. Она не смотрела на

мне. “Друг моего брата возвращался домой этим путем из Монса. Это показалось мне чертовски забавным. Парни никогда ничего не знают, не так ли?”

“Нет”, - сказал я. “Никто никогда ничего не знает”.

Я довольно хорошо изучил эту тему. В то или иное время я, вероятно, рассматривал ее с самых разных точек зрения, включая ту, что определенные травмы или несовершенства являются причиной-они вызывают чувство веселья, оставаясь при этом

довольно серьезными для человека , который ими обладает.

“Это забавно”, - сказал я. “Это очень забавно. И быть влюбленным тоже очень весело ”.

“Ты так думаешь?” ее глаза снова опустели.

“Я не имею в виду веселье в этом смысле. В некотором смысле, это приятное чувство”.

“Нет”, - сказала она. “Я думаю, что это ад на земле”.

“Мы рады видеть друг друга”.

“Нет. Я так не думаю.”

- А ты разве не хочешь?

- Я должен.

Теперь мы сидели как два незнакомца. Справа был тот самый Парк Монсури. Ресторан, где подают живую форель и где можно посидеть и полюбоваться видом на парк, был закрыт и темен. Водитель оглянулся.

“Куда вы хотите поехать?” Я спросил. Бретт отвернулась

.

“О, поезжайте в ”Селект”.

“Кафе Селект”, - сказал я водителю. ”Бульвар Монпарнас”. Мы поехали прямо вниз, обогнув Льва Бельфора, который охраняет проезжающие трамваи в Монруж. Бретт смотрела прямо перед собой. На бульваре Распай, откуда были видны огни Монпарнаса, Бретт сказал: “Ты не будешь возражать, если я попрошу тебя кое о чем?”

“Не говори глупостей”.

“Поцелуй меня еще раз, прежде чем мы приедем туда”.

28. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

Когда такси остановилось, я вышел и расплатился. Бретт вышла , надевая шляпу. Выходя, она протянула мне руку. Ее рука дрожала. - Слушай, я что, слишком неряшливо выгляжу? Она нахлобучила на голову свою мужскую фетровую шляпу и направилась к бару. Внутри, у стойки и за столиками, собралось почти все, кто был на танцах.

- Привет, ребята, - сказал Бретт. - Я собираюсь что-нибудь выпить.

“ О, Бретт! Бретт!” - маленький греческий художник-портретист, который называл себя герцогом и которого все звали Зизи, подбежал к ней. “Я хочу тебе кое-что сказать”.

“Привет, Зизи”, - сказал Бретт.

“Я хочу познакомить вас с другом”, - сказала Зизи. Подошел толстый мужчина.

“Граф Миппипополус, познакомьтесь с моей подругой леди Эшли”.

“Здравствуйте”, - сказал Бретт.

- Ну, как, ваша светлость, хорошо ли вы проводите время в Париже? спросил граф Миппипополус, у которого на цепочке от часов был зуб лося

.

“Скорее”, - ответил Бретт.

“Париж, несомненно, прекрасный город”, - сказал граф. “Но, я полагаю , у тебя самого в Лондоне довольно крупные дела”.

“О, да”, - сказал Бретт. ”Грандиозные”.

Брэддокс окликнул меня из-за столика. ”Барнс, - сказал он, - выпей чего-нибудь. Эта ваша девушка устроила ужасный скандал”.

“Из-за чего?”

“Что-то такое сказала дочь хозяйки. Скандал из-за пробок. Знаете,

она была просто великолепна. Показала свою желтую карточку и потребовала, чтобы дочь хозяйки тоже получила ее. Я говорю, что это был скандал.

“Что, в конце концов, произошло?”

“О, кто-то отвез ее домой. Симпатичная девушка. Прекрасно владеет идиомой. Пожалуйста, останьтесь и выпейте чего-нибудь.

“Нет”, - сказала я. “Мне пора уходить. Видели Кона?”

“Он пошел домой с Фрэнсис”, - вставила миссис Брэддок.

“Бедняга, он выглядит ужасно подавленным”, - сказал Брэддокс.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ 29 сентября

“Думаю, так оно и есть”, - сказала миссис Брэддокс.

“Мне пора”, - сказала я. “Спокойной ночи”.

Я пожелал Бретту спокойной ночи в баре. Граф покупал шампанское. ” Не выпьете ли с нами по бокалу вина, сэр? - спросил он.

“Нет. Огромное спасибо. Мне пора идти.

- Ты правда собираешься? - Спросил Бретт.

“Да”, - ответил я. “У меня ужасно болит голова”.

“Увидимся завтра?”

“Приходи в офис”.

“Вряд ли”.

“Хорошо, где я тебя увижу?”

“Где-нибудь около пяти часов”.

“Тогда давай на другой конец города”.

“хорошо. Я буду в ”Крийоне” в пять”.

“Постарайся быть там”, - сказал я.

“Не волнуйся”, - сказал Бретт. “Я никогда вас не подводил, не так ли?”

“Что слышно от Майка?”

“Сегодня пришло письмо”.

“Спокойной ночи, сэр”, - сказал граф.

Я вышел на тротуар и направился к Бульвар Сен-Мишель, прошел мимо столиков “Ротонды”, все еще переполненных, посмотрел через улицу на “Купол”, где столики тянулись до самого края тротуара. Кто-то помахал мне из-за столика, я не разглядел, кто это был, и пошел дальше. Я хотел вернуться домой. Бульвар Монпарнас был пустынен. Лавин был плотно закрыт, и столики у входа в “Клозери де Лила” были заняты. Я прошел мимо статуи Нея, стоящей среди каштанов с молодой листвой в свете дуги. К подножию был прислонен увядший фиолетовый венок. Я остановился и прочитал надпись: “от бонапартистских групп”, какая-то дата, не помню. Маршал Ней в своих высоких сапогах, размахивающий шпагой среди молодой зелени конского каштана, выглядел великолепно . Моя квартира находилась как раз напротив, чуть дальше по бульвару Сен-Мишель.

30. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

В комнате консьержки горел свет, я постучал в дверь, и она передала мне мою почту. Я пожелал ей спокойной ночи и поднялся наверх. Там было два письма и какие-то бумаги. Я просмотрел их при свете газового фонаря в столовой. Письма были из Штатов. Одно из них представляло собой банковскую выписку. На балансе было указано 2432 доллара 60 центов. Я достала свою чековую книжку и вычла из нее сумму четырех чеков, выписанных с первого числа месяца, и обнаружила, что у меня на балансе осталось 1832,60 доллара. Я написала это на обратной стороне заявления. В другом письме было объявление о свадьбе. Мистер и миссис Алоизиус Кирби объявляет о свадьбе своей дочери Кэтрин - я не знал ни девушку, ни мужчину, за

которого она выходила замуж. Они, должно быть, облетели весь город. Забавное название. Я был уверен, что смогу вспомнить кого-нибудь с таким именем, как Алоизиус. Это было хорошее католическое имя. На объявлении был герб. Как у греческого герцога Зизи. И этот граф. Граф был забавный. У Бретта тоже был титул. Леди Эшли. К черту Бретта. К черту вас, леди Эшли.

Я зажгла лампу у кровати, выключила газ и широко распахнула окна. Кровать стояла далеко от окон, и я сидел у кровати с открытыми окнами, раздевшись догола. Снаружи по трамвайным путям проехал ночной поезд, развозивший овощные столики по рынкам. Они шумели по ночам, когда вы не могли уснуть. Раздеваясь, я посмотрела на себя в зеркало большого шкафа, стоящего рядом с кроватью. Это был типично французский способ обставить комнату. Полагаю, к тому же практичный. Из всех возможных способов получить травму. Наверное, это было забавно. Я надел пижаму и лег в постель. У меня были две газеты о бое быков, и я снял с них обертки . Одна была оранжевая. Другая желтая.. В них были одни и те же новости, так что, какую бы я не прочитал первой, она испортила бы все остальные. “Ле Торил” была лучшей газетой, поэтому я начал читать ее. Я прочитал ее от начала до конца, включая небольшую переписку и

надписи. Я задул лампу. Возможно, я смог бы заснуть.

Моя голова начала работать. Старая обида. Что ж, это был самый обычный способ получить ранение и выставить себя на посмешище, как итальянец. В итальянском госпитале мы собирались создать общество. У него было забавное название на итальянском. Интересно, что стало с остальными, с итальянцами. Это было в Оспедале Маджоре в Милане, Падильоне Понте. Следующим зданием был Падильоне Зонда. Там была статуя Понте, или, может быть, это была Зонда. Именно там полковник связи навестил меня. Это было забавно. Это была, пожалуй , первая забавная вещь. Я был весь забинтован. Но ему сказали об этом. Затем он произнес замечательную речь: “Вы, иностранец, англичанин (любой иностранец был англичанином), отдали

больше, чем свою жизнь". Что за речь! Я бы хотел, чтобы она была иллюстрирована и висела в офисе. Он никогда не смеялся. Я думаю, он ставил себя на мое место. "Да здравствует удача! Да здравствует удача!

Раньше я, наверное, этого не осознавал. Я стараюсь подыгрывать и просто не создавать проблем людям. Возможно, у меня никогда не было бы никаких проблем, если бы я не столкнулся с Бретт, когда они отправили меня в Англию. Я полагаю, она хотела только того, чего не могла получить. Что ж, люди такие. К черту людей. Католик У Черча был отличный способ справиться со всем этим. В любом случае, хороший совет. Не стоит об этом думать. О, это был отличный совет. Попробуйте как-нибудь воспользоваться им. Попробуйте и примите его.

|?

Я лежала без сна, размышляя, и мысли мои метались из стороны в сторону. Потом я не смогла удержаться от этого и начала думать о Бретте , и все остальное исчезло. Я думала о Бретте, и мои мысли перестали скакать по кругу, а пошли какими -то плавными волнами. И вдруг я расплакалась. Потом, через некоторое время, мне стало лучше, и я лежал в постели и слушал , как по улице проезжают тяжелые трамваи, а потом я заснул.

Я проснулся. На улице происходил какой-то скандал. Я прислушался, и мне показалось, что я узнал чей-то голос. Я надел халат и вышел

32. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

к двери. Внизу разговаривала консьержка. Она была очень рассержена. Я услышал свое имя и окликнул ее с лестницы.

"Это вы, месье Барнс?" позвал консьерж.

"да. Это я".

“Здесь женщина такого типа, что перебудила всю улицу. Что за грязное дело в такое время суток! Она говорит, что должна тебя увидеть. Я сказал ей, что ты спишь”.

Потом я услышал голос Бретта. Спросонья я был уверен, что это Жоржетта. Я не знаю почему. Она не могла знать моего адреса.

- Вы не могли бы пригласить ее наверх, пожалуйста?

Бретт поднялся по лестнице. Я увидел, что она была сильно пьяна. “Глупый поступок”, - сказала она. “Устроила ужасный скандал. Я спрашиваю, ты ведь не спал, правда?”

“А что, по-твоему, я делал?”

“Не знаю. Который час?”

Я посмотрела на часы. Было половина пятого. “Понятия не имела, который час”, - сказала Бретт. “Слушай, можно, парень, присядет?” Не сердись, дорогой. Только что ушел от графа. Он привел меня сюда.

“Какой он?” Я как раз брала бренди с содовой и стаканы.

“Совсем немного”, - сказала Бретт. “Не пытайся меня напоить. Граф? О, скорее. Он один из нас”.

“Он что, граф?”

“Вот как. Я, пожалуй, так и думаю. Во всяком случае, заслуживает этого. Чертовски много знает о людях. Не знаю, откуда у него все это. Владеет сетью кондитерских в Штатах.”

Она отпила из своего бокала.

- По-моему, он назвал это цепочкой. Что-то вроде того. Связал их все воедино. Немного рассказал мне об этом. Чертовски интересно. Тем не менее, он один из нас. О, вполне. Без сомнения. Это всегда видно”.

Она сделала еще глоток.

“Как мне быть со всем этим? Ты ведь не возражаешь, правда? Он ведь заступается за Зизи, ты же знаешь”.

“А Зизи действительно тоже герцог?”

“Не стоит удивляться. Грек, знаете ли. Художник из него никудышный. Мне больше нравился граф”.

“Куда вы с ним ходили?”

“О, везде. Он только что привез меня сюда. Предложил мне десять тысяч долларов, чтобы я поехала с ним в Биарриц. Сколько это в фунтах стерлингов?

“Около двух тысяч”.

“Много денег”. Я сказала ему, что не могу этого сделать. Он отнесся к этому очень мило. Сказала ему, что у меня слишком много знакомых в Биаррице.

Бретт рассмеялась.

“Я бы сказала, что ты медленно соображаешь”, - сказала она. Я только пригубила бренди с содовой. Я сделал большой глоток.

“Так-то лучше. Очень забавно”, - сказал Бретт. “Потом он захотел, чтобы я поехал с ним в Канны. Сказал ему, что у меня слишком много знакомых в Каннах. Монте-Карло. Сказал ему, что у меня слишком много знакомых в Монте-Карло. Сказала ему, что у меня повсюду слишком много знакомых. И это чистая правда. Поэтому я попросила его привезти меня сюда”

Она посмотрела на меня, положив руку на стол и подняв бокал. “Не смотри так”, - сказала она. - Сказала ему, что влюблена в тебя. Это тоже правда. Не смотри на меня так. Он был чертовски любезен. Хочет пригласить нас завтра на ужин. Хочешь пойти?

“почему нет?”

А сейчас мне лучше уйти.”

“почему?”

“Просто хотел тебя увидеть. Чертовски глупая идея. Не хочешь

одеться и спуститься вниз? Его машина стоит чуть дальше по улице”.

”Граф?”

“Сам. И шофер в ливрее. Собираешься покатать меня по окрестностям и позавтракать в Булонском лесу. Корзины с продуктами. Все это есть у Зелли. Дюжина бутылок “Маммса”. Соблазнить тебя?”

“Мне утром на работу”, - сказал я. “Я слишком отстал от тебя, чтобы догонять и доставлять удовольствие”.

34 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Не будь ослом”.

“Не могу этого сделать”.

верно. Пошлешь ему нежное послание?”

“Все, что угодно. Обязательно.”

“Спокойной ночи, дорогой”.

“Не будь сентиментальным”.

- Мне от тебя плохо.

Мы поцеловались на прощание, и Бретт вздрогнула. - Я, пожалуй, пойду, - сказала она. “ Спокойной ночи, дорогой”

- Тебе не обязательно уходить.

“да.”

Мы снова поцеловались на лестнице, и, когда я вызвал оцепление , консьержка что-то пробормотала за своей дверью. Я поднялся наверх и из открытого окна наблюдал, как Бретт идет по улице к большому лимузину, припаркованному у тротуара под дуговым фонарем. Она села в машину, и все началось. Я обернулся. На столе стояли пустой стакан и стакан, наполовину наполненный бренди с содовой. Я отнес то и другое на кухню и вылил недопитый стакан в раковину. Я выключила газ в столовой, сбросила тапочки, сидя на кровати, и забралась в постель. Это был Бретт, из-за которого мне хотелось плакать. Потом я вспомнил, как она шла по улице и садилась в машину, такой, какой я видел ее в последний раз, и, конечно, через некоторое время мне снова стало чертовски плохо. Днем ужасно легко быть непримиримым ко всему, но ночью это совсем другое дело.

Гис Ви дд

Утром я прогулялся по бульвару до улицы Суфло , чтобы выпить

кофе и съесть бриошь. Это было прекрасное утро. В Люксембургском саду цвели конские каштаны. Было приятное ощущение жаркого раннего утра. За чашечкой кофе я почитал газеты , а затем выкурил сигарету. Продавщицы цветов возвращались с рынка и раскладывали свои ежедневные покупки. Мимо проезжали студенты, направлявшиеся в юридическую школу или на кладбище. Бульвар был забит трамваями и людьми, направлявшимися на работу. Я сел в автобус и доехал до площади Мадлен, стоя на задней площадке. Выйдя из “Мадлен”, я пошел вдоль С бульвара Капуцинов до Оперы и наверх, в мой офис. Я прошел мимо человека с прыгающими лягушками и человека с игрушечными боксерами. Я отошел в сторону, чтобы не наступить на нить, которой его ассистентка манипулировала с боксерами. Она стояла , глядя в сторону, держа нить в сложенных руках. Мужчина уговаривал двух туристов купить что-нибудь. Еще трое туристов остановились и наблюдали за ним. Я шел за мужчиной, который толкал по тротуару валик с надписью “ЧИНЗАНО”, покрытый влажной

36 И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

буквы. Все время люди шли на работу. Было приятно идти на работу. Я перешел улицу и направился к своему офису.

Наверху, в офисе, я прочитал французские утренние газеты, покурил, а затем сел за пишущую машинку и хорошенько поработал с утра. В одиннадцать часов я поехал на набережную Орсе на такси, зашел внутрь и посидел с дюжиной корреспондентов, в то время как представитель иностранного ведомства, молодой журнал “Нувель Ревю”, Французский дипломат в очках в роговой оправе беседовал и отвечал вопросы на полчаса. Председатель Совета находился в Лайонс произносил речь, или, скорее, он возвращался обратно. Сев-несколько человек задавали вопросы, чтобы послушать самих себя, и было несколько вопросов, заданных сотрудниками службы новостей, которые хотели знать ответы. Новостей не было. Я возвращался на такси с набережной Орсе вместе с Вулси и Крамом.

“Чем ты занимаешься по вечерам, Джейк?” - спросил Крам. “Я никогда не видел тебя поблизости”.

“О, я живу в Квартале”.

“Я зайду как-нибудь вечером”. “Динго”. Это замечательное место, не так ли?

“да. Это или вот это новое заведение, ”Селект”.

- Я собирался покончить с этим, - сказал Крам. - Впрочем, ты знаешь, каково это - иметь жену и детей.

“Играете в теннис?” Спросил Вулси.

“Ну, нет”, - ответил Крам. “Не могу сказать, что играл в этом году. Я пытался вырваться, но по воскресеньям всегда шел дождь, и корты были чертовски переполнены”.

“У всех англичан выходной по субботам”, - сказал Вулси.

“Счастливчики”, - сказал Крум. “Что ж, я вам скажу. Когда-нибудь я не буду работать в агентстве. Тогда у меня будет достаточно времени, чтобы выбраться за город.

“Это то, что нужно делать. Жить в деревне и иметь маленькую машину”.

“Я тут подумал, не купить ли мне машину в следующем году”.

Я постучал в стекло. Шофер остановился. “Вот моя улица”, - сказал я. “Заходи и выпей чего-нибудь”.

“Спасибо, старина”, - сказал Крам. Вулси покачал головой. “Я должен записать ту фразу, которую он произнес сегодня утром”.

Я сунул Краму в руку монету в два франка.

“Ты сумасшедший, Джейк”, - сказал он. “Это за мой счет”.

“В любом случае, это все зависит от офиса”.

“Нет. Я сам хочу это сделать”.

Я помахал рукой на прощание. Крам высунул голову. “Увидимся за ланчем в среду”.

“Еще бы”.

Я поднялся в офис на лифте. Роберт Кон ждал меня. - Привет, Джейк, ” сказал он“ - Пойдешь куда-нибудь пообедать?

“да. Дай-ка я посмотрю, есть ли что-нибудь новенькое”.

“Где мы будем есть?”

“Куда угодно”.

Я заглянул за свой стол. “Где бы вы хотели перекусить?”

“Как насчет “Ветцель”? У них отличные закуски”.

В ресторане мы заказали закуски и пиво. Сомелье принес пиво, высокое, холодное, с бусинками на стенках кружек. Было подано с дюжину различных закусок

.

“Было весело вчера вечером?” - спросил Джей.

“Нет. Я так не думаю”.

“Как продвигается работа над книгой?”

“Отвратительно. Я не могу довести до конца вторую книгу”.

“Такое случается со всеми”.

“О, я в этом уверен. Хотя это меня беспокоит”.

“Ты еще не думал о поездке в Южную Америку?”

“Я серьезно”.

“Что ж, почему бы тебе не отправиться в путь?”

“Фрэнсис”.

38 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Что ж, - сказал я, - возьми ее с собой”.

“Ей бы это не понравилось. Это не то, что ей нравится. Ей нравится, когда вокруг много людей”.

“Скажи ей, чтобы она шла к черту”.

“Я не могу. У меня есть определенные обязательства перед ней”.

Он отодвинул нарезанные огурцы и взял маринованную селедку.

“Что ты знаешь о леди Бретт Эшли, Джейк?”

“Ее зовут леди Эшли. Бретт - это ее собственное имя. Она милая девушка, ” сказал я. - Она разводится и собирается замуж Майк Кэмпбелл. Он сейчас в Шотландии. Почему?”

- Она удивительно привлекательная женщина.

“Не правда ли?”

“В ней есть определенное качество, определенная утонченность. Она кажется абсолютно нормальной”.

“Она очень милая”.

“Я не знаю, как описать это качество”, - сказал Кон. “Я полагаю, это размножение”.

“Ты говоришь так, как будто она тебе очень понравилась”.

“я делаю. Я бы не удивился, если бы был в нее влюблен”.

“Она пьяница”, - сказал я. “Она влюблена в Майка Кэмпбелла и собирается за него замуж. Однажды он станет чертовски богатым ”.

“Я не верю, что она когда-нибудь выйдет за него замуж”.

“почему нет?”

“я не знаю. Я просто не могу в это поверить. Вы давно ее знаете?

“Да”, - сказал я. “Она была военврачом в госпитале, в котором я лежал во время войны”.

“Она, должно быть, была тогда совсем ребенком”.

- Сейчас ей тридцать четыре.

- Когда она вышла замуж за Эшли?

“Во время войны”. Ее настоящая любовь только что умерла от дизентерии”.

“Вы говорите с горечью”.

“прости. Я не хотел. Я просто пытался изложить вам факты.”

“Я не верю, что она вышла бы замуж за того, кого не любила”.

“Ну, - сказал я. “Она сделала это дважды”.

“Я в это не верю”.

“Ну, - сказал я, - не задавай мне глупых вопросов, если тебе не нравятся ответы”.

“Я тебя об этом не спрашивал”.

“Ты спрашивал меня, что я знаю о Бретте Эшли”.

“Я не просил тебя оскорблять ее”.

“О, иди к черту”.

Он встал из-за стола с белым лицом и стоял там , бледный и злой, перед тарелочками с закусками.

“Садись”, - сказал я. “Не будь дураком”.

“Ты должен взять свои слова обратно”.

“О, хватит этих школьных штучек”.

“Возьми свои слова обратно”.

“конечно. Что-нибудь. Я никогда не слышал о Бретте Эшли. Как вам это?”

“Нет. Только не это. О том, что я попаду в ад.”

“О, не ходи к черту”, - сказал я. “ Оставайся здесь. Мы только начинаем обед.”

Кон снова улыбнулся и сел. Казалось, он был рад сесть. Что бы, черт возьми, он делал, если бы не сел? “Ты говоришь такие чертовски оскорбительные вещи, Джейк”.

“мне жаль. У меня скверный язык. Я никогда не говорю гадостей всерьез.”

“Не знаю’, - сказал Кон. “Ты действительно мой лучший друг , Джейк”.

“Да поможет тебе Бог”, - подумал я. “Забудь, что я сказал”, - сказал я вслух. “мне жаль.”

40 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Все в порядке. Все в порядке. Мне просто стало больно на минуту.”

“хорошо. Давай поедим чего-нибудь еще”.

Покончив с обедом, мы отправились в кафе “Де ла”. Пообедали и выпили кофе. Я чувствовал, что Кон хотел снова заговорить о Бретте , но я удержал его от этого. Мы поговорили о том о сем, и я оставил его, чтобы пойти в офис.

Джузеппе Рави)

Около пяти часов я был в отеле “Крийон”, ожидая Бретт. Ее там не было, поэтому я сел и написал несколько писем. Это были не очень хорошие письма, но я надеялся, что то, что они были напечатаны на бумаге Crillon , поможет им. Бретт не появился, поэтому примерно без четверти шесть я спустился в бар и выпил “Джек Роуз” с барменом Джорджем. Бретт в баре тоже не было, поэтому, выходя, я поискал ее наверху и взял такси до кафе “Селект”. Пересекая Сену, я увидел вереницу барж, которые порожняком тащили на буксире вниз по течению, они высоко поднимались, гребцы на веслах приближались к мосту. Река выглядела красиво. В Париже всегда приятно пересекать мосты.

Такси обогнуло статую изобретателя семафора , занятого тем же самым, и повернуло на бульвар Распай, и Я откинулся на спинку сиденья, чтобы пропустить эту часть поездки. На бульваре Распай всегда было скучно ехать. Это было похоже на определенный отрезок пути между Фонтенбло и Монтеро, который всегда вызывал у меня чувство скуки, омертвения и уныния, пока не заканчивался. Я полагаю, что это некая ассоциация идей, которая превращает эти мертвые места в путешествие. В Париже есть и другие улицы, столь же уродливые, как бульвар Распай.

42. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

Я совсем не против прогуляться по этой улице. Но терпеть не могу ездить по ней верхом. Возможно, я когда-то что-то читал о ней. Именно так Роберт Кон относился ко всему Парижу. Я задавался вопросом, откуда у Кона такая неспособность наслаждаться Парижем. Возможно, от Менкен. По-моему, Менкен ненавидит Париж. Так много молодых людей получают свои симпатии и антипатии от Менкена.

Такси остановилось перед “Ротондой”. В какое бы кафе на Монпарнасе вы ни попросили таксиста отвезти вас с правого берега реки, вас всегда отвезут в “Ротонду”. Через десять лет, вероятно, это будет “Купол”. В любом случае, это было достаточно близко . Я прошел мимо унылых столиков “Ротонды” к “Селекту”. В баре было несколько человек, а снаружи в одиночестве сидел Харви Стоун. Перед ним стояла стопка тарелок, и ему не мешало бы побриться.

“Садись, - сказал Харви, “ я тебя искал”.

“В чем дело?”

“Ничего. Просто искал тебя”.

”Был на скачках?”

“Нет. Ни разу с воскресенья.

“Что слышно из Штатов?”

“Ничего. Абсолютно ничего”.

”В чем дело?”

“я не знаю. Я покончил с ними. [я абсолютно покончил с ними.”

Он наклонился вперед и посмотрел мне в глаза.

“Хочешь кое-что узнать, Джейк?”

“Да”,

“Я ничего не ел пять дней”.

Я быстро прикинул в уме. Три дня назад, когда Харви выиграл у меня двести франков, играя в кости для покера в нью-йоркском баре.

“В чем дело?”

“Денег нет. Деньги не пришли, - он помолчал, - говорю вам, это

странно, Джейк. Когда я в таком состоянии, мне просто хочется побыть одной. Я хочу остаться в своей комнате. Я как кошка.

Я пошарила в кармане.

“Тебе поможет сотня, Харви?”

беспорядок:

“Да ладно тебе. Пойдем поедим”.

“Спешить некуда. Выпей чего-нибудь”.

“Лучше поешь”.

“Нет. Когда я в таком состоянии, мне все равно, ем я или нет”.

Мы выпили. Харви добавил мое блюдце к своей стопке.

“ Ты знаешь Менкена, Харви?

“да. Почему?”

“Какой он?”

“С ним все в порядке. Он говорит довольно забавные вещи. В прошлый раз , когда мы с ним ужинали, мы говорили о Хоффенхаймере. “Проблема в том, что он сказал: “Он любитель подвязок”. Это неплохо”.

“Это неплохо”.

“Теперь с ним покончено”, - продолжил Харви. “Он написал обо всем , что знает, а теперь взялся за то, чего не знает”.

“Думаю, с ним все в порядке”, - сказал я. “Я просто не могу его понять”.

“О, его сейчас никто не читает, - сказал Харви, - кроме тех, кто раньше читал ”Институт Александра Гамильтона“. ”

“Что ж”, - сказал я. ”Это тоже было здорово”“

“Конечно”, - сказал Харви. Итак, мы немного посидели и глубоко задумались.

“Хотите еще портвейна?”

“Хорошо”, - сказал Харви.

“А вот и Кон”, - сказал я. Роберт Кон переходил улицу.

“Этот придурок”, - сказал Харви. Кон подошел к нашему столику.

“Привет, бездельники”, - сказал он.

“Привет, Роберт”, - сказал Харви. “Я только что говорил Джейку, что

ты идиот”.

В 44 ГОДУ СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

“Что ты имеешь в виду?”

“Скажи нам сразу. Не думай. Чем бы ты предпочел заняться , если бы мог делать все, что захочешь?”

Кон задумался.

“Не думай. Говори прямо”.

“Я не знаю”, - сказал Кон. “В чем вообще дело?”

“Я имею в виду, чем бы ты предпочел заняться. Что первым придет тебе в голову . Неважно, насколько это глупо”.

“Я не знаю”, - сказал Кон. “Думаю, я бы предпочел снова поиграть в футбол, используя то, что я знаю о том, как держать себя в руках”.

“Я недооценил тебя”, - сказал Харви. “Ты не идиот. У тебя просто задержка в развитии”.

“Ты ужасно забавный, Харви”, - сказал Кон. “Когда-нибудь кто-нибудь столкнется с тобой лицом к лицу”.

Харви Стоун рассмеялся. “Ты так думаешь. Но они этого не сделают. Потому что для меня это ничего бы не изменило. Я не боец”

“Для тебя было бы важно, если бы кто-нибудь это сделал”.

“Нет, это не так. Вот тут-то ты и совершаешь свою большую ошибку. Потому что ты не слишком умен”.

“Перестань говорить обо мне”.

“Конечно”, - сказал Харви. “Для меня это не имеет никакого значения. Ты для меня ничего не значишь”.

“Брось, Харви”, - сказал я. “Выпей еще порто”.

”Нет”, - сказал он. “Я пойду перекушу на другой стороне улицы. Увидимся позже, Джейк”.

Он вышел и зашагал по улице. Я наблюдал, как он переходит улицу между такси, маленький, грузный, неторопливый, уверенный в себе в потоке машин.

“Он всегда выводит меня из себя”, - сказал Кон. “Я его терпеть не могу”.

“Он мне нравится”, - сказал я. “Он мне нравится. Ты же не хочешь на него сердиться”.

“Я знаю это”, - сказал Кон. “Он просто действует мне на нервы”.

“Напишешь сегодня днем?”

“Нет. У меня ничего не получалось. Это сложнее, чем написать мою первую книгу. Я с трудом справляюсь с этим”.

Здоровое самомнение, которое было у него, когда он вернулся из Америка ранней весной исчезла. Тогда он был уверен в своей работе, но теперь у него появилась личная тяга к приключениям. Теперь от уверенности не осталось и следа. Почему-то мне кажется, что я еще не показала Роберту Ясно, что Кон. Причина в том, что до тех пор, пока он не влюбился в Бретт, Я никогда не слышал от него ни одного замечания, которое каким-либо образом отличало бы его от других людей. За ним было приятно наблюдать на теннисном корте, у него было красивое тело, и он поддерживал его в форме; он хорошо играл в бридж, и в нем было что-то от студента . Когда он был в толпе, его слова ничем не выделялись. В школе он носил то, что раньше называлось рубашками-поло, и , возможно, так оно и есть до сих пор, но в профессиональном плане он не отличался молодостью. Я не думаю, что он много думал о своей одежде. Внешне он сформировался в Принстоне. Внутренне он был сформирован двумя женщинами, которые его тренировали. В нем была приятная мальчишеская жизнерадостность, которую никто из него не воспитывал, и Я, вероятно, не проявлял ее. Он любил выигрывать в теннис. Он , вероятно, любил побеждать не меньше, чем Ленглен, например. С другой стороны, он не злился, когда его обыгрывали. Когда он влюбился в Бретт, его игра в теннис пошла прахом. Его обыгрывали люди , у которых никогда не было шансов победить его. Он был очень любезен.

Как бы то ни было, мы сидели на террасе кафе “Селект”, и Харви Стоун как раз переходил улицу.

“Пойдем в ”Лилас”, - сказал я.

“У меня свидание”.

“Во сколько?”

“Фрэнсис придет сюда в семь пятнадцать”.

”А вот и она”.

Фрэнсис Клайн направлялась к нам с противоположной стороны

улицы. Это была очень высокая девушка, которая двигалась очень быстро. Она помахала нам рукой и улыбнулась. Мы смотрели, как она переходит улицу.

46 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Привет, - сказала она, - я так рада, что ты здесь, Джейк. Я давно хотела с тобой поговорить”.

“Привет, Фрэнсис”, - сказал Кон. Он улыбнулся.

- Привет, Роберт. Ты здесь? Она продолжала быстро говорить. - У меня было ужасное время. Этот, — она покачала головой в сторону Кона, — не пришел домой на обед.

- Я не должен был этого делать.

- О, я знаю. Но ты ничего не сказал об этом повару. Потом у меня у самого было свидание, а Полы не было в офисе. Я поехал в “Ритц” и подождал ее, но она так и не пришла, и, конечно же, У меня не было денег на ланч в ”Ритце”…

“Что ты делал?”

“О, конечно, пошел куда-то”. Она говорила, имитируя радостную манеру. - Я всегда прихожу на свои встречи. В наши дни никто не приходит на свои . Мне следовало бы знать лучше. Кстати, как у тебя дела, Джейк?

“хорошо”.

“На танцах с тобой была прекрасная девушка, а потом ты ушел с этой Бретт”.

“Она тебе не нравится?” спросил Кон.

“Не думаю, что она совершенно очаровательна. Не так ли?”

Кон ничего не ответил.

“Послушай, Джейк. Я хочу поговорить с тобой. Ты не мог бы пойти со мной в “Купол”? Ты ведь останешься здесь, Роберт? Пойдем, Джейк”.

Мы перешли бульвар Монпарнас и сели за столик, Парень принес “Пэрис таймс”, я купила одну и открыла ее.

“В чем дело, Фрэнсис?”

“О, ничего, - сказала она, - кроме того, что он хочет меня бросить”.

“Что ты имеешь в виду?”

- О, он всем говорил, что мы собираемся пожениться, и… Я рассказала своей матери и всем остальным, а теперь он не хочет этого делать.

“В чем дело?”

“Он решил, что прожил недостаточно. Я знала, что это случится , когда он уехал в Нью-Йорк”.

Она подняла голову, глаза ее блестели, и она старалась говорить как можно непринужденнее. ‘

- Я бы не вышла за него замуж, если бы он этого не хотел. Конечно, я бы не стала. Я бы ни за что не вышла за него сейчас. Но мне кажется, что сейчас уже немного поздно, после того, как мы ждали три года, и я только что развелся”.

Я ничего не сказал.

“Мы собирались отпраздновать это, а вместо этого у нас просто были сцены. Это так по-детски. У нас случаются ужасные сцены, и он плачет и умоляет меня быть благоразумной, но он говорит, что просто не может этого сделать”.

“Ему не везет”.

“Я бы сказала, что ему не везет”. Я потратила на него два с половиной года. И теперь я не знаю, захочет ли когда-нибудь какой-нибудь мужчина жениться на мне. Два года назад в Каннах я могла выйти замуж за любого, за кого хотела. Все те, кто хотел выйти замуж за кого-нибудь шикарного и остепениться, были без ума от меня. Теперь я не думаю, что смогу кого-нибудь найти”.

“Конечно, ты можешь выйти замуж за кого угодно”.

“Нет, я в это не верю. И он мне тоже нравится. И я бы хотела

иметь детей. Я всегда думала, что у нас будут дети”.

Она очень весело посмотрела на меня. - Я никогда особо не любила детей, но я не хочу думать, что у меня их никогда не будет. Я всегда думал, что Я бы их съел, а потом они бы мне понравились.

“ У него есть дети.

- О, да. У него есть дети, и у него есть деньги, и у него богатая мать, и он написал книгу, но никто не хочет публиковать мои работы, совсем никто. Это тоже неплохо. А у меня совсем нет денег. Я могла бы получить алименты, но развелась самым быстрым способом”.

Она снова посмотрела на меня очень весело.

48. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ.

“Это неправильно. Я сам виноват, но это тоже не так. Мне следовало бы быть умнее. И когда я говорю ему об этом, он просто плачет и говорит, что не может жениться. Почему он не может жениться? Я была бы хорошей женой. Со мной легко ладить. Я оставляю его в покое. Это ни к чему хорошему не приводит”.

“Это ужасный позор”.

“Да, это ужасный позор. Но говорить об этом бесполезно, не так ли? Давай вернемся в кафе”

- И, конечно, я ничем не могу помочь.

“Нет. Только не говори ему, что я разговаривал с тобой. Я знаю, чего он хочет”. Теперь она впервые отбросила свою веселую манеру держаться. “Он хочет вернуться в Нью-Йорк один и быть там, когда выйдет его книга, чтобы она понравилась многим маленьким цыплятам . Это то, чего он хочет”.

“Может быть, им это не понравится. Я не думаю, что он такой. Правда”.

“Ты не знаешь его так, как я, Джейк. Это то, что он хочет делать.

Я знаю это. Я знаю это. Вот почему он не хочет жениться. Он хочет устроить большой триумф этой осенью в одиночестве.

“Хочешь вернуться в кафе?”

“да. Давай же.”

Мы встали из—за стола — нам так и не принесли выпить - и направились через улицу в “Селект”, где Кон сидел и улыбался нам из-за стола с мраморной столешницей.

“Ну, чему ты улыбаешься?” Спросила его Фрэнсис. “Чувствуешь себя вполне счастливым?”

“Я улыбался вам с Джейком, когда вы делились своими секретами”.

“О, то, что я рассказал Джейку, не является секретом. Все скоро об этом узнают . Я просто хотел преподнести Джейку достойную версию”.

“Что это было? О твоей поездке в Англию?”

“Да, о моей поездке в Англию. О, Джейк! Я забыла тебе сказать. Я собираюсь в Англию”.

“Разве это не прекрасно!”

- Да, так принято в самых лучших семьях. Роберт посылает меня. Он собирается дать мне двести фунтов, а потом

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ.

Я собираюсь навестить друзей. Разве это не будет чудесно? Друзья пока об этом не знают?

Она повернулась к Кону и улыбнулась ему. На этот раз он не улыбался.

“Ты собирался дать мне всего сто фунтов, не так ли, Роберт? Но я заставила его дать мне двести. Он действительно очень щедрый. Не так ли, Роберт?”

Я не понимаю, как люди могут говорить мне такие ужасные вещи. Роберт Кон. Есть люди, которым вы не могли бы сказать ничего важного. Они создают у вас ощущение, что мир был бы разрушен, на самом деле был бы разрушен у вас на глазах, если бы вы сказали определенные вещи. Но в данном случае Кон принимал все это. Все это происходило прямо передо мной, и у меня даже не возникло желания попытаться остановить это. И это была дружеская шутка по отношению к тому, что произошло позже.

“Как ты можешь говорить такие вещи, Фрэнсис?” Прервал ее Кон.

- Послушай его. Я еду в Англию. Я собираюсь навестить друзей. Ты когда-нибудь навещал друзей, которые не хотели тебя видеть? О, им придется взять меня с собой. “Как поживаешь, моя дорогая? Мы так давно тебя не видели. А как поживает твоя дорогая мама? Да, как поживает моя дорогая мама? Она вложила все свои деньги во французские военные облигации. Да, она это сделала. Вероятно, единственный человек в мире, который это сделал. ‘А как насчет Роберта?” - или еще: “Будь очень осторожен, говоря о Роберте”. “Ты должен быть очень осторожен и не упоминать о нем, мой дорогой. Бедняжка Фрэнсис пережила такое несчастье’. Разве это не будет забавно, Роберт? Тебе не кажется, что это будет весело, Джейк?”

Она повернулась ко мне со своей ослепительной улыбкой. Она была очень довольна, что у нее есть аудитория для этого.

“А где будешь ты, Роберт? Это я сама виновата, ладно. Я сам виноват. Когда я заставил тебя избавиться от твоей маленькой секретарши в журнале, я должен был догадаться , что ты избавишься от меня таким же образом. Джейк об этом не знает. Должен ли я сказать ему?”

” Ради бога, Фрэнсис, заткнись.

50 И СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

“Да, я передам ему”. У Роберта в журнале была маленькая секретарша. Просто самое милое создание на свете, и он считал ее замечательной, а потом появилась я, и он тоже решил, что я замечательная. Так что я заставила его избавиться от нее, и он привез ее в Провинстаун из Кармела, когда переезжал в другой магазин, и даже не оплатил ей обратный проезд до побережья. И все это, чтобы доставить мне удовольствие. Тогда он думал, что я вполне ничего. А ты?, Роберт?

“Ты не должен меня неправильно понять, Джейк, у нас с секретаршей были абсолютно платонические отношения. Даже не платонические. На самом деле, ничего особенного. Просто она была такой милой. И он сделал это, чтобы доставить мне удовольствие. Что ж, я полагаю, что мы, живущие с мечом, от меча и погибнем. Разве это не литературно? Ты хочешь запомнить это для своей следующей книги, Роберт?

“Ты знаешь, что Роберт собирается собрать материал для новой книги. Не так ли, Роберт? Вот почему он уходит от меня. Он решил, что я плохо снимаюсь. Понимаете, он был так занят все то время, что мы жили вместе, работая над этой книгой, что ничего о нас не помнит. Так что теперь он отправляется за новым материалом. Что ж, я надеюсь, у него получится что-нибудь ужасно интересное.

“Послушай, Роберт, дорогой. Позволь мне кое-что тебе сказать. Ты ведь не будешь возражать, правда? Не устраивай сцен со своими юными леди. Постарайся этого не делать. Потому что ты не можешь устраивать сцен без слез, а потом так сильно жалеешь себя, что не можешь вспомнить, что сказал другой человек. Так ты никогда не сможешь запомнить ни одного разговора. Просто постарайся быть спокойной. Я знаю, это ужасно тяжело. Но помните, что это ради литературы. Мы все должны чем-то жертвовать ради литературы. Посмотри на меня. Я еду в Англию без возражений. Все ради литературы. Мы все должны помогать молодым писателям. Тебе так не кажется, Джейк? Но ты ведь не молодой писатель. Не так ли, Роберт? Тебе тридцать четыре. И все же, я полагаю, это слишком рано для великого писателя. Посмотри на Харди. Посмотри на Анатоля Франса. Он умер совсем недавно. Роберт, однако, не считает, что от него есть какой-то толк. Некоторые из его

Так сказали ему друзья-французы. Он и сам не очень хорошо читает по-французски . Он не был таким хорошим писателем, как ты, не так ли, Роберт? Как ты думаешь, ему когда-нибудь приходилось искать материал? Как вы думаете, что он говорил своим любовницам, когда отказывался на них жениться? Интересно, он тоже плакал? О, я только что кое о чем подумала” Она поднесла руку в перчатке к губам. - Я знаю настоящую причину, почему Роберт не хочет жениться на мне, Джейк. Это только что пришло мне в голову. Мне это было послано в видении в кафе “Селект”. Разве это не мистика? Когда-нибудь они установят табличку. Как в Лурде. Ты хочешь услышать, Роберт? Я тебе расскажу. Это так просто. Интересно, почему я никогда не задумывался об этом? Видите ли, Роберт всегда хотел завести любовницу, и если он на мне не женится, значит, она у него была. Она была его любовницей больше двух лет. Видите, как это бывает? И если он женится на мне, как он всегда обещал, это будет концом всей нашей романтики. Тебе не кажется, что с моей стороны очень умно это понимать? Это тоже правда. Посмотри на него и убедись, что это не так. Куда ты идешь, Джейк?”

“Мне нужно на минутку зайти к Харви Стоуну”.

Кон поднял голову, когда я вошел. Его лицо было белым. Почему он сидел там? Почему он продолжал так себя вести?

Стоя у стойки бара и глядя на улицу, я мог видеть их через окно. Фрэнсис продолжала что-то говорить с ним, лучезарно улыбаясь, заглядывая ему в лицо каждый раз, когда спрашивала: “Не так ли, Роберт?” А может, она не спрашивала об этом сейчас. Возможно, она сказала что-то еще. Я сказал бармену, что не хочу ничего пить, и вышел через боковую дверь. Выходя, я оглянулся через толстое стекло и увидел, что они сидят там. Она все еще разговаривала с ним. Я спустился по боковой улочке к Бульвар Распай. Подъехало такси, я сел в него и дал водителю адрес своей квартиры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда я начал подниматься по лестнице, консьержка постучала в стеклянную дверь своей сторожки, и, когда я остановился, она вышла. У нее было несколько писем и телеграмма.

“Вот почта. И здесь была дама, которая хотела вас видеть”.

- Она оставила визитку?

“Нет. Она была с джентльменом. Это был тот, кто был здесь Прошлой ночью. В конце концов, я нахожу, что она очень милая”.

- Она была с моим другом? - спросил я.

“я не знаю. Он никогда не был здесь раньше. Он был очень крупным. Очень, очень крупным. Она была очень милой. Очень, очень милой. Прошлой ночью она была, пожалуй, немного… — Она подперла голову рукой и покачала ею вверх-вниз. - Я буду говорить совершенно откровенно, месье Барнс. Прошлой ночью она показалась мне не такой воспитанной. Прошлой ночью у меня сложилось о ней другое представление. Но послушайте, что я вам скажу. Она настоящая, настоящая джентилони. Она из очень хорошей семьи. Это сразу видно”.

“Они не оставили никаких известий?”

“да. Они сказали, что вернутся через час.”

- Пришлите их сюда, когда они придут.

52

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ.

- Да, месье Барнс. А вон та леди, вон та леди - это кто-то другой. Возможно, она эксцентрична, но хороша собой, хороша собой!

Консьержка, до того как стать консьержкой, владела конторой по

продаже напитков на парижских ипподромах. Работа ее жизни была связана с “пелузом”, но она приглядывала за жителями “песажа” и с большой гордостью рассказывала мне, кто из моих гостей хорошо воспитан, кто из хорошей семьи, кто занимается спортом - французское слово, произносимое с ударением на мужчин. Единственная проблема заключалась в том, что людям, которые не попадали ни в одну из этих трех категорий, очень часто говорили, что дома никого нет , кроме Барнса. Один из моих друзей, маляр чрезвычайно истощенного вида , который, по мнению мадам Дузинель, не был ни хорошо воспитан, ни из хорошей семьи, ни спортсменом, написал мне письмо , в котором спрашивал, могу ли я достать ему пропуск у консьержа, чтобы он мог иногда приходить ко мне по вечерам.

Я поднялся в квартиру, гадая, что Бретт сделал с консьержкой. Это была телеграмма от Билла Гортона, в которой сообщалось, что он прибывает рейсом “Франс”. Я положил почту на стол, вернулся в спальню, разделся и принял душ. Я вытиралась , когда услышала, как позвонили в дверь. Я надела халат и тапочки и подошла к двери. Это была Бретт. За ее спиной стоял граф. В руках у него был огромный букет роз.

“Привет, дорогой”, - сказал Бретт. “Ты не собираешься впустить нас?”

“Пойдем. Я только что мылся”.

“Ну разве ты не счастливчик?” Купался.

“Всего лишь душ. Присаживайтесь, граф Миппипополус. Что вы будете пить?

- Не знаю, любите ли вы цветы, сэр, - сказал граф, - но я взял на себя смелость принести вот это.

- Вот, дай их мне. - Бретт взял их. - Налей мне сюда воды , Джейк. На кухне я налила воды в большой глиняный кувшин , Бретт поставила в него розы и расставила их в центре обеденного стола,

54 И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

- Я говорю. У нас был выдающийся день”.

- Ты ничего не помнишь о свидании со мной в Крийон?”

“Нет. У нас был такой? Должно быть, я был слеп.”

“Ты была сильно пьяна, моя дорогая”, - сказал граф.

“А я не был пьян?” И граф, безусловно, был молодцом”.

“У тебя теперь адские проблемы с консьержкой”.

“Я должен был это сделать. Дал ей двести франков”.

“Не будь идиотом”.

“Его”, - сказала она и кивнула на счет.

“Я подумала, что мы должны дать ей что-нибудь за вчерашний вечер. Было уже очень поздно”.

“Он замечательный”, - сказала Бретт. “Он помнит все, что случилось”.

“Ты тоже помнишь, моя дорогая”.

“Прикольно”, - сказала Бретт. “Кто бы этого хотел?” Слушай, Джейк, может , выпьем чего-нибудь?”

“Ты займешься этим, пока я иду одеваться. Ты знаешь, где это”.

“Скорее”.

Пока я одевался, я услышал, как Бретт поставил на стол стаканы, а затем сифон, а затем услышал их разговор. Я медленно оделся, сидя на кровати. Я чувствовала себя усталой и совершенно разбитой. Бретт вошла в комнату со стаканом в руке и села на кровать.

“Что случилось, дорогой? Ты плохо себя чувствуешь?”

Она холодно поцеловала меня в лоб.

“О, Бретт, я так сильно тебя люблю”, - сказала она.

”Дорогой”. Затем: “Ты хочешь, чтобы я отослала его ?”

“Нет. Он милый”.

Я отошлю его подальше.”

“Нет, не надо”.

“Да, я прогоню его”.

“Ты не можешь просто так”.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

“А я не могу? Ты останешься здесь. Он без ума от меня, говорю тебе”.

Она вышла из комнаты. Я лег лицом вниз на кровать. Мне было очень плохо. Я слышала, как они разговаривали, но не прислушивалась. Бретт вошла и села на кровать.

“Бедняжка”. Она погладила меня по голове.

“Что ты ему сказала?” Я лежала, отвернувшись от нее. Я не хотела ее видеть.

“Послала его за шампанским. Он любит пить шампанское”.

Затем, позже: “Тебе лучше, дорогая? С головой у тебя все в порядке?”

“Уже лучше”.

“Лежи спокойно. Он уехал на другой конец города”.

“А мы не могли бы жить вместе, Бретт? А мы не могли бы просто жить вместе?”

“Я так не думаю. ’я просто буду издеваться над тобой вместе со всеми. Ты бы этого не вынес”.

“Я и сейчас это переношу”.

“Это было бы по-другому. Это моя вина, Джейк. Я так устроена”.

“А мы не могли бы ненадолго уехать за город?”

- Из этого не вышло бы ничего хорошего. Я пойду, если хочешь. Но я не мог жить дальше тихо в деревне. Только не с моей настоящей любовью.

“я знаю.”

- Разве это не отвратительно? Бесполезно говорить, что я люблю тебя”.

“Ты же знаешь, что я люблю тебя”.

“Это не разговоры. Все разговоры - чушь собачья. Я ухожу от тебя, а потом вернется Майкл”.

“Почему ты уезжаешь?”

“Так лучше для тебя. Так лучше для меня”.

“Когда ты уезжаешь?”

“Как только смогу”.

“Куда?”

“В Сан-Себастьян”.

56 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“А мы не можем пойти вместе?” “Нет. Это была бы отличная идея, после того как мы все обсудили ”.

“Мы так и не пришли к согласию”.

“О, ты знаешь это не хуже меня. Не будь упрямой, дорогая.

- О, конечно, - сказал я. - Я знаю, что ты прав. Я просто подавлен, и когда Я подавлен, я говорю как дурак”.

Я села, наклонилась, нашла свои туфли возле кровати и надела их. Я встала.

“Не смотри так, дорогая”.

“Как ты хочешь, чтобы я выглядела?”

“О, не будь дурой. Завтра я уезжаю”.

- Завтра?

“да. Разве я не говорил? Да, так и есть.

- Тогда давайте выпьем. Граф скоро вернется.

“да. Он должен был вернуться. Ты же знаешь, он очень любит покупать шампанское. Для него это очень много значит.

Мы прошли в столовую. Я взял бутылку бренди и налил Бретту и себе тоже. Раздался звонок в дверь. Я подошел к двери и увидел графа. За ним стоял шофер с корзиной шампанского в руках.

“Куда я должен попросить его это поставить, сэр?” - спросил граф.

“На кухню”, - сказал Бретт.

- Поставь его туда, Генри, - махнул граф. “ А теперь спустись и принеси лед” Он стоял у кухонной двери, присматривая за корзинкой. - Я думаю, ты найдешь, что это очень хорошее вино, - сказал он. “Я знаю, что у нас не так уж много шансов оценить хорошее вино в мире. Сейчас это в штатах, но я купил это у своего друга, который занимается этим бизнесом.”

- О, у тебя всегда есть кто-нибудь на примете, - сказал Бретт.

- Этот парень выращивает виноград. У него его тысячи акров

.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ.

“Как его зовут?” - спросила Бретт. ”Вдова Клико?”

“Нет”, - ответил граф. “Мамочки”. Он барон”

“Разве это не чудесно?” - спросила Бретт. - У всех нас есть титулы. Почему у вас нет титула, Джейк?

- Уверяю вас, сэр, - граф положил руку мне на плечо. - Это никогда не приносит человеку пользы. В большинстве случаев это стоит денег.

“О, я не знаю. Иногда это бывает чертовски полезно”, - сказал Бретт.

“Никогда не думал, что это принесет мне какую-то пользу”.

“Ты не использовал это должным образом. У меня было чертовски много заслуг”.

- Присаживайтесь, граф, - сказал я. - Позвольте мне взять эту трость.

Граф смотрел на Бретт через стол, освещенный газовым светильником. Она курила сигарету и стряхивала пепел на ковер. Она заметила, что я это заметил. “Послушай, Джейк, я не хочу портить твои коврики. Ты не мог бы подарить кому-нибудь пепельницу?”

Я нашел несколько пепельниц и расставил их повсюду. Шофер принес ведерко, полное соленого льда. - Поставь туда две бутылки, Генри, - позвал граф.

- Что-нибудь еще, сэр?

“Нет. Подождите внизу, в машине. Он повернулся к Бретту и ко

мне. - Мы не хотели бы поужинать в Булонском лесу?

“Если хотите”, - сказал Бретт. ”Я не смог ничего съесть”.

“Я всегда люблю вкусно поесть”, - сказал граф.

“Принести вина, сэр?” - спросил шофер.

“да. Принеси, Генри, - сказал граф. Он достал тяжелый портсигар из свиной кожи и предложил его мне. “Не хочешь попробовать настоящую американскую сигару?”

“Спасибо”, - сказал я. ”Я докурю сигарету”.

Он отрезал кончик сигары золотым ножничком, который носил на цепочке от часов.

“Я люблю, когда сигара затягивается по-настоящему”, - сказал граф. “Половина сигар , которые вы курите, не затягиваются”.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ.

Он закурил сигару и затянулся, глядя через стол на Бретт. - И когда вы разведетесь, леди Эшли, у вас не будет титула.

“Нет. Какая жалость.

- Нет, - сказал граф. “ Вам не нужен титул. В вас и так чувствуется класс

.

«спасибо. Ужасно благородно с вашей стороны.

- Я не шучу, - граф выпустил облако дыма. - Ты самый классный из всех, кого я когда-либо видел. Ты понял. Вот и все.

- Очень мило с твоей стороны, - сказала Бретт. “ Мама была бы довольна. Не могли бы вы написать это, а я отправлю ей это в письме?

- Я бы тоже сказал ей, - сказал граф. “ Я не шучу. Я никогда подшучивайте над людьми. Подшучивая над людьми, вы наживаете врагов. Вот что я всегда говорю”.

“Ты прав”, - сказал Бретт. “Ты совершенно прав. Я всегда подшучиваю над людьми, и у меня нет ни одного друга на свете. Кроме Джейка”.

“С ним шутки плохи”.

- Вот так.

- А ты? - спросил граф. - Ты шутишь над ним?

Бретт посмотрела на меня и в уголках ее глаз появились морщинки.

- Нет, - сказала она. - Я бы не стала с ним шутить.

- Вот видишь, - сказал граф. - С ним шутки плохи.

- Это чертовски скучный разговор, - сказал Бретт. “ Как насчет шампанского ?

Граф наклонился и покрутил бутылки в блестящем ведерке. - Еще не остыло. Ты все время пьешь, моя дорогая. Почему бы тебе просто не поговорить?

“Я и так слишком много болтаю. Я все рассказала Джейку”.

“Я бы хотела услышать, как ты говоришь по-настоящему, моя дорогая. Когда ты разговариваешь со мной, ты вообще никогда не заканчиваешь свои предложения”.

“Предоставляю тебе закончить их. Пусть кто-нибудь заканчивает их так, как он хочет.

нравится”.

“Тт - очень интересная система”, - граф наклонился и…

покрутил бутылки в руках. - И все же я хотел бы как-нибудь послушать, что ты говоришь

.

- Ну разве он не дурак? - Спросила Бретт.

- А теперь, - граф взял бутылку. “Я думаю, это круто”.

Я принесла полотенце, и он насухо вытер бутылку и поднял ее. Не люблю пить шампанское из “магнума”. Вино вкуснее , но его было бы слишком сложно охладить. Он подержал бутылку, разглядывая ее. Я расставила бокалы.

- Я говорю. Ты могла бы открыть его, - предложила Бретт.

- Да, моя дорогая. Сейчас я открою.

Шампанское было потрясающим.

- Я говорю, это вино, - Бретт подняла свой бокал. - Мы должны за что-нибудь выпить. ”Выпьем за королевскую семью”.

“Это вино слишком хорошо для того, чтобы произносить тосты, моя дорогая. Не стоит смешивать эмоции с таким вином. Вы теряете вкус”.

Бокал Бретта был пуст.

“Вам следовало бы написать книгу о винах, граф”, - сказал я.

“Мистер Барнс, - ответил граф, - все, чего я хочу от вин, - это наслаждаться ими”.

- Давай еще немного насладимся этим, - Бретт пододвинула к себе свой бокал. Граф наливал очень осторожно. - Вот, моя дорогая. Теперь наслаждайся медленно, а потом можешь напиться.

“ Пьяна? Пьяна?

- Моя дорогая, вы очаровательны, когда пьяны.

“ Послушайте этого человека”

- Мистер Барнс, - граф наполнил мой бокал. “Она единственная леди, которую я когда-либо знал, которая была так же очаровательна, когда была пьяна , как и когда была трезвой”.

“Ты ведь нечасто бывала в обществе, не так ли?”

“Да, моя дорогая. Я очень часто бывал в обществе. Я многое повидал на своем веку.

- Выпей своего вина, - сказал Бретт. - Мы все повидали на своем веку. Я осмелюсь

скажите, что Джейк повидал столько же, сколько и вы”.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

“Моя дорогая, я уверен, что мистер Барнс многое повидал. Не думайте, что я так не думаю, сэр. Я тоже многое повидал”.

- Конечно, слышала, моя дорогая, - сказал Бретт. - Я просто пошутил.

- Я участвовал в семи войнах и четырех революциях, - сказал граф.

- Служил солдатом? - Спросил Бретт.

- Иногда, моя дорогая. И у меня раны от стрел. Вы когда-нибудь видели раны от стрел?”

“Давайте взглянем на них”.

Граф встал, расстегнул жилет и распахнул рубашку. Он задрал майку на груди и встал, его грудь была черной, а большие мышцы живота выпирали на свету.

“Ты видишь их?”

Ниже линии, где заканчивались его ребра, были два выпуклых белых рубца. “Видишь, на спине, там, где они выходят”. Над поясницей виднелись те же два шрама, но толщиной с палец.

- Ничего не скажешь. Это уже что-то.

“Насквозь”.

Граф заправлял рубашку.

“Где ты их взял?” Я спросил.

“В Абиссинии. Когда мне был двадцать один год”.

“Чем ты там занимался?” - спросил Бретт. “Ты служил в армии?”

“Я был в командировке, моя дорогая”.

“Я же говорил тебе, что он был одним из нас. Разве не так?” - Бретт повернулась ко мне. “Я люблю вас, граф. Вы такой милый”.

“Вы делаете меня очень счастливой, мой дорогой. Но это неправда”.

“Не будь ослом”.

- Видите ли, мистер Барнс, именно потому, что я очень много прожил, я теперь могу наслаждаться всем на свете. Вы так не считаете?

“да. Безусловно.

- Я знаю, - сказал граф. - В этом-то и заключается секрет. Вы должны ознакомиться с ценностями”.

“А с твоими ценностями никогда ничего не случается?” Спросил Бретт.

“Нет. Больше нет”.

“Никогда не влюблялся?”

“Всегда”, - сказал граф. “Я всегда влюблен”.

“Как это влияет на твои ценности?”

“Это тоже относится и к моим ценностям”.

“У тебя нет никаких ценностей. Ты мертва, вот и все”.

“Нет, моя дорогая. Ты не права. Я вовсе не умер”.

Мы выпили три бутылки шампанского, и граф оставил корзинку у меня на кухне. Мы поужинали в ресторане в Булонском лесу. Это был хороший ужин. Еда занимала особое место в ценностях графа. Как и вино. Граф был в прекрасной форме во время ужина. Бретт тоже. Это была отличная вечеринка.

“Куда бы вы хотели пойти?” - спросил граф после ужина. Мы были единственными, кто остался в ресторане. Два официанта стояли у двери. Они хотели уйти домой.

“Мы могли бы подняться на холм”, - сказал Бретт. “Разве у нас не была великолепная вечеринка?”

Граф сиял. Он был очень счастлив.

“Вы очень милые люди”, - сказал он. Он снова закурил сигару. “Почему бы вам двоим не пожениться?”

“Мы хотим жить своей жизнью”, - сказал я.

“У нас есть карьера”, - сказал Бретт. - Ну же. Давайте покончим с этим.

“ Выпейте еще бренди, - сказал граф.

- Выпейте его на холме.

“Нет. Проведите его здесь, где тихо”.

“Ты и твоя тишина”, - сказал Бретт. “Что чувствуют мужчины по этому поводу тихий?”

- Нам это нравится, - сказал граф. - Как будто ты любишь шум, моя дорогая.

- Хорошо, - сказал Бретт. - Давай выпьем по одной.

- Сомелье! - позвал граф.

62 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Да, сэр”.

“Какой у вас самый старый бренди?”

“Восемнадцать одиннадцать, сэр”.

“Принесите нам бутылку”.

“Я говорю”. Не выпендривайтесь. Отзовите его, Джейк”.

“Послушай, моя дорогая. Я ценю старый бренди больше , чем любой другой антиквариат”.

“У тебя много антиквариата?”

“У меня полный дом антиквариата”.

Наконец мы отправились на Монмартр. В “Зелли” было многолюдно, накурено и шумно. Музыка оглушала, когда ты заходил. Мы с Бреттом танцевали. Было так тесно, что мы едва могли двигаться. Барабанщик -негр помахал Бретту. Мы оказались в центре внимания, танцуя на одном месте перед ним.,

“Как ты?”

“Здорово”.

“Это здорово”.

Он был весь в зубах и губах.

“Он мой большой друг”, - сказал Бретт. “Чертовски хороший ударник”.

Музыка смолкла, и мы направились к столику, за которым сидел граф. Затем музыка заиграла снова, и мы начали танцевать. Я посмотрела на графа. Он сидел за столом и курил сигару. Музыка снова смолкла.

- Давай перейдем к делу.

Бретт направился к столику. Заиграла музыка, и мы снова начали танцевать, окруженные толпой.

“Ты никудышный танцор, Джейк. Майкл - лучший танцор из всех, кого я знаю”.

“Он великолепен”.

- В нем есть свои плюсы.

- Он мне нравится, - сказал я. - Он мне чертовски нравится.

“Я собираюсь за него замуж”, - сказала Бретт. “Забавно. Я не вспоминала о нем целую неделю”.

“Ты ему не пишешь?”

“Только не я. Никогда не пишу писем”.

“Бьюсь об заклад, он тебе пишет”.

“Скорее да. И письма тоже чертовски хорошие”.

“Когда ты собираешься замуж?”

“Откуда мне знать? Как только мы сможем оформить развод. Майкл пытается уговорить свою мать заплатить за это”.

“Чем я могу вам помочь?”

“Не будь ослом. У родственников Майкла куча денег”.

Музыка смолкла. Мы подошли к столу. Граф встал.

- Очень мило, - сказал он. - Вы выглядели очень, очень мило.

- Вы не танцуете, граф? Я спросил.

“Нет. Я слишком стар”.

- Да ладно, - сказал Бретт.

“Дорогая, я бы сделал это, если бы мне это доставляло удовольствие. Мне нравится смотреть , как ты танцуешь”.

”Великолепно”, - сказал Бретт. “Когда-нибудь я станцую для тебя снова. Я говорю. А как же твоя маленькая подружка Зизи?

“Позволь мне сказать тебе. Я поддерживаю этого мальчика, но не хочу, чтобы он был рядом”.

“Он довольно жесткий”.

“Ты знаешь, я думаю, что у этого мальчика есть будущее. Но лично я не хочу, чтобы он был рядом”.

- Джейк, пожалуй, такой же.

- Он дарит мне ”виллис”.

- Что ж, - граф пожал плечами. - О его будущем никогда нельзя сказать наверняка. В любом случае, его отец был большим другом моего отца”

- Да ладно. Давай потанцуем, - предложила Бретт.

Мы танцевали. Было многолюдно и тесно,

64 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“О, дорогая, - сказал Бретт, - я так несчастен“.

У меня было такое чувство, что я переживаю нечто такое, что уже случалось раньше. “Минуту назад ты была счастлива”.

Барабанщик закричал: “Ты не можешь повторить…”

”Все пропало”.

“В чем дело?”

“я не знаю. Я просто ужасно себя чувствую”.

это все”, - пропел барабанщик. Затем взялся за палочки.

“Хочешь пойти?”

У меня было такое чувство, как в кошмарном сне, что все это повторяется, что я уже прошел через это и теперь должен пройти снова.

”ЭЙ”, - тихо пропел барабанщик.

“Поехали”, - сказал Бретт. “Ты не возражаешь?” - крикнул барабанщик и улыбнулся Бретту.

“Хорошо”, - сказал я. Мы вышли из толпы. Бретт пошел в раздевалку.

“Бретт хочет пойти”, - сказал я графу. Он кивнул. - Правда? Все в порядке. Возьмите машину. Я собираюсь остаться здесь на некоторое время, мистер Барнс.

Мы пожали друг другу руки.

“Это было замечательное время”, - сказал я. “Я бы хотел, чтобы вы позволили мне ответить на это”. Я достал из кармана записку.

“Мистер Барнс, не будьте смешным”, - сказал граф.

Бретт подошла, накинув шаль. Она поцеловала графа и положила руку ему на плечо, чтобы он не встал. Когда мы выходили за дверь, я оглянулась и увидела, что за его столиком сидят три

девушки. Мы сели в большую машину. Бретт назвала шоферу адрес своего отеля.

“Нет, не поднимайтесь”, - сказали ей в отеле. Она позвонила, но дверь оказалась незапертой.

«действительно?»

“Нет. Пожалуйста.”

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ ЧЕРЕЗ 65 минут

“Спокойной ночи, Бретт”, - сказал я. “Мне жаль, что ты плохо себя чувствуешь”.

“Спокойной ночи, Джейк. Спокойной ночи, дорогой. Я больше тебя не увижу”. Мы поцеловались, стоя у двери. Она оттолкнула меня. Мы снова поцеловались. “О, не надо!” Сказал Бретт.

Она быстро повернулась и вошла в отель. Шофер отвез меня домой. Я дал ему двадцать франков, он прикоснулся к кепке, сказал: “Спокойной ночи, сэр”, - и уехал. Я позвонил в колокольчик. Дверь открылась, я поднялся наверх и лег спать.

J (опустить * раду Пил. кто? Сал Баал нора, это было в прошлом году, и это привело к эффекту 2 ; это то, что нужно для того, чтобы определить тип лодки ; -. > что такое ” odloge “ar) SSS ® = один из 7 пунктов, которые должны быть выполнены? 8. По-моему, это самый лучший способ, которым я пользуюсь, чтобы приготовить что-нибудь вкусненькое , и он должен быть очень вкусным.

= es eb i <от a ДО ha = ary xs s 4 — ie ; ” оаэ “7 54 c.“9 < =

=) 4

это | война

. 4

сентября 7 795 года ты был моим другом, ты был моим другом, ты был моим другом, © :

9

7 x

- ~ *% Sid *’| @< ¥rh Al BA ” 7.

Сколько у тебя денег на 7-й день?)

В 2016 году было 16 месяцев, в 2016 году - 3 года, в 2017 году - 7 лет, в 2017 году - 10 лет. > она стала такой, какой была раньше.

сейчас 20 часов, а прошло всего 5 лет “

я рад, что ты здесь Да, в лектории! Окунись и вылечи себя Я хочу, чтобы ТЫ помог мне».

я@@

а с а

КНИГА ВТОРАЯ

=

—-

ГЕ Аодель ЭБ ол ах

Я больше не видел Бретт, пока она не вернулась из Сан-Себастьяна. Оттуда от нее пришла одна открытка. На нем была изображена Конча, и сказал: “Дорогая. Очень спокойный и здоровый. С любовью ко всем ребятам. Братцы”.

Роберта Кона я тоже больше не видел. Я слышал, Фрэнсис уехала

в Англия и я получили записку от Кона, в которой говорилось, что он уезжает за город на пару недель, он не знал куда, но хотел пригласить меня на рыбалку в Испанию, о которой мы говорили прошлой зимой. Он писал, что я всегда мог связаться с ним через своих банкиров.

Бретта не стало, проблемы Кона меня не беспокоили, мне даже нравилось, что не нужно играть в теннис, было много работы, Я часто ходил на скачки, обедал с друзьями и проводил дополнительное время в офисе, приводя дела в порядок, чтобы можно было доверить это моей секретарше, когда мы с Биллом Гортоном отправимся в Испанию в конце июня. Билл Гортон приехал, пожил пару дней в квартире и отправился в Вену. Он был очень весел и сказал, что Штаты замечательные. Нью-Йорк был замечательным. “Там

7° “СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ”

это был великолепный театральный сезон, в котором участвовала целая плеяда отличных молодых полутяжеловесов. Любой из них был хорошей перспективой для того, чтобы вырасти, набрать вес и подтянуть Демпси. Билл был очень счастлив. Он заработал кучу денег на своей последней книге и собирался заработать еще больше. Мы хорошо провели время, пока он был в Париж, а потом он уехал в Вену. Он собирался вернуться через три недели, и мы собирались отправиться в Испанию, чтобы порыбачить и побывать на празднике в Памплоне. Он написал, что Вена была чудесной. Затем пришла открытка из Будапешта: “Джейк, Будапешт замечательный”. Потом я получила телеграмму: “Вернусь в понедельник”.

В понедельник вечером он появился на квартире. Я услышала, как остановилось его такси , подошла к окну и окликнула его; он помахал рукой и начал подниматься по лестнице, неся свои сумки. Я встретил его на лестнице и взял одну из сумок.

“Что ж, - сказал я, - слышал, у вас была замечательная поездка”.

“Замечательно”, - сказал он. “Будапешт просто замечательный”.

“Как насчет Вены?”

“Не очень хорошо, Джейк. Не очень хорошо. Мне показалось, что это лучше, чем было на самом деле”.

“Что ты имеешь в виду?” Я доставал стаканы и сифон.

“Крепко, Джейк. Я был крепко пьян”.

“Странно. Лучше выпей чего-нибудь”.

Билл потер лоб. “Поразительная вещь”, - сказал он. “Не знаю, как это случилось. Это случилось внезапно”.

“Долго продержалось?”

“Четыре дня, Джейк. Продержалось всего четыре дня”.

“Куда ты ходил?”

“Не помню. Написал тебе открытку. Прекрасно помню ”.

“Делал что-нибудь еще?”

“Не уверен. Возможно.”

“Продолжай. Расскажи мне об этом”.

“Не могу вспомнить. Расскажу тебе все, что смог вспомнить”.

“Продолжай. Выпей и вспомни”.

“Возможно, я что-то вспомню”, - сказал Билл. “Помню что-то о призовом бое. Грандиозном призовом бое в Вене. Там был негр . Отлично помню этого негра”.

“Продолжайте”.

“Замечательный негр. Похож на Тигровые цветы, только в четыре раза крупнее. Внезапно все начали швыряться вещами. Только не

я. Ниггер только что сбил с ног местного парня. Ниггер поднял перчатку. Хотел произнести речь. Ужасно благородный негр. Начал произносить речь. Затем местный белый парень ударил его. Затем он сбил с ног белого парня. Затем все начали швыряться стульями. Ниггер поехал с нами домой на нашей машине. Не смогли забрать его одежду. Надел мое пальто. Теперь я все вспоминаю. Важный спортивный вечер."

"что случилось?"

- Одолжил негру кое-что из одежды и ходил с ним по округе, пытаясь выманить у него деньги. Утверждали, что ниггер задолжал им денег за "вредительство" . (кстати, кто переводил? Это был я?"

"Вероятно, это был не ты".

ты прав. Это был совсем не я. Был еще один парень: Кажется, мы называли его местным выпускником Гарварда. Теперь мы его помним. Изучал музыку.

"Как ты вышел из группы?"

"Не очень-то хорошо, Джейк. Несправедливость повсюду. Промоутер заявил , что ниггер пообещал позволить местному парню остаться. Заявил, что ниггер нарушил контракт. Не могу нокаутировать Vienna boy в Вене. "Боже мой, мистер… Гортон, - сказал ниггер, - я ничего не делал там в течение сорока минут, но попытался позволить ему остаться. Этот белый парень, должно быть, расшибся, когда замахивался на меня. Я его так и не ударил".

"У тебя были деньги?"

"Денег нет, Джейк. Все, что мы смогли раздобыть, - это одежда ниггера. Кто-то забрал и его часы. Великолепный негр. Я совершил большую ошибку , приехав в Вену. Не очень-то хорошо, Джейк. Не очень-то хорошо".

"Что стало с ниггером?"

72 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Вернулся в Кельн. Живет там. Женатый. У него семья. Собирается написать мне письмо и отправить деньги, которые я ему одолжил., Замечательный негр. Надеюсь, я дал ему правильный адрес.”

- Скорее всего, так оно и было.

- Ну, в любом случае, давай поедим, - сказал Билл. - Если только ты не хочешь, чтобы я рассказал тебе еще несколько историй о путешествиях.

“ Продолжай”

- Давай поедим.

Теплым июньским вечером мы спустились по лестнице и вышли на бульвар Сен-Мишель

.

“Куда мы пойдем?”

“Хочешь поесть на острове?”

“конечно”.

Мы пошли по бульвару. На пересечении улицы На бульваре Денфер-Рошеро стоит статуя двух мужчин в развевающихся одеждах.

- Я знаю, кто они такие. - Билл посмотрел на памятник. - Джентльмены , которые изобрели аптеку. Не пытайтесь обмануть меня насчет Парижа”

Мы пошли дальше.

“А вот и магазин таксидермистов”, - сказал Билл. “Хочешь что-нибудь купить? Хорошая плюшевая собачка?”

“Пойдем”, - сказал я. “У тебя глазастый вид”.

“Довольно симпатичные мягкие собачки”, - сказал Билл. “Несомненно, это украсит твою квартиру”.

”Давай”.

“Только одна мягкая собачка. Я могу взять ее с собой или оставить в покое. Но послушай, Джейк. Только одна мягкая собачка”.

“Давай”.

“Значит для вас все на свете, после того как вы его купили. Простой обмен ценностями. Вы даете им деньги. Они дарят вам мягкую собачку”.

“Мы купим такую же на обратном пути”.

“Хорошо. Будь по-твоему. Дорога в ад вымощена некупленными плюшевыми собачками. Это не моя вина”.

Мы продолжили.

“Почему ты так неожиданно отнесся к собакам?”

“Всегда так относился к собакам. Всегда был большим любителем мягких игрушек”.

Мы остановились и выпили.

“Конечно, люблю выпить”, - сказал Билл. “Тебе стоит попробовать это несколько раз, Джейк”.

“Ты опережаешь меня примерно на сто сорок четыре балла”.

“Это не должно тебя пугать. Никогда не пугайся. Секрет моего успеха. Никогда не пугался. Никогда не пугался публично”.

“Где ты пил?”

- Зашел в “Крийон”. Джордж приготовил мне пару пирожных “Джек Розы. Джордж - великий человек. Знаете, в чем секрет его

успеха? Он никогда не был обескуражен”.

“Вы будете обескуражены после еще трех порций ”перно””.

“Только не на людях. Если я почувствую, что меня что-то пугает, я уйду один. В этом я как кошка”.

“Когда вы видели Харви Стоуна?”

“В “Крийоне”. Харви был просто немного напуган. Не ел три дня. Больше ничего не ест. Просто ведет себя как кошка. Очень грустно”.

“С ним все в порядке”.

“Великолепно. Хотя хотелось бы, чтобы он перестал вести себя как кошка. Меня это нервирует”.

“Что мы будем делать сегодня вечером?”

“Это не имеет никакого значения. Только давайте не будем впадать в уныние. Может, у них здесь есть яйца вкрутую? Если бы здесь были яйца вкрутую, нам бы не пришлось тащиться на весь остров , чтобы поесть”.

“ Никс, ” сказал я. - У нас будет обычная еда.

74. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

“Просто предложение”, - сказал Билл. “Хочешь начать прямо сейчас?”

“Пошли”.

Мы снова двинулись по бульвару. Мимо нас проехал кеб. Билл посмотрел на него.

“Видишь тот кеб? Собираюсь заказать тебе на Рождество чучело лошади-извозчика. Собираюсь подарить всем своим друзьям мягкие игрушки. Я увлекаюсь природой”.

Мимо проехало такси, кто-то в нем помахал рукой, а затем попросил водителя остановиться. Такси подрулило к тротуару, в

нем была Бретт.

“Прекрасная леди”, - сказал Билл. “Собирается нас похитить”.

”Привет!” Сказал Бретт. ”Привет!”

“Это Билл Гортон. Леди Эшли”.

Бретт улыбнулась Биллу. - Я же говорю, я только что вернулась. Даже не принимала ванну. Майкл придет сегодня вечером.

“хорошо. Давай, поешь с нами, и мы все пойдем его встречать”.

“Мне нужно привести себя в порядок”.

“О, чушь собачья! Да ладно тебе”.

“Надо принять ванну. Он придет только в девять”.

“Тогда пойдем выпьем чего-нибудь перед тем, как примешь ванну”.

“Может, так и сделаем. Теперь ты не несешь чушь”.

Мы сели в такси. Водитель оглянулся.

“Остановись у ближайшего бистро”, - сказал я.

“Мы могли бы с таким же успехом зайти в ”Клозери”, - сказал Бретт. “Я не могу пить эти тухлые бренди”.

““Клозери де Лила”.

Бретт повернулся к Биллу.

“Ты давно в этом ужасном городе?”

“Только сегодня прилетел из Будапешта”.

“Как тебе Будапешт?”

“Замечательно. Будапешт был замечательным”.

“Спроси его о Вене”.

“Вена, - сказал Билл, - странный город“.

“Очень похоже на Париж”, - Бретт улыбнулась ему, и в уголках ее глаз появились морщинки.

“Точно”, - сказал Билл. “Сейчас я очень похож на Париж”.

”У тебя хорошее начало”.

Сидя на террасе “Лилас”, Бретт заказал виски с содовой, я тоже взял себе, а Билл - еще “перно”.

”Как дела, Джейк?”

“Отлично”, - сказал я. ”Я хорошо провела время”.

Бретт посмотрела на меня. “Я была дурой, что уехала”, - сказала она. “Надо быть полной дурой, чтобы уехать из Парижа”.

“Ты хорошо провела время?”

- О, ладно. Интересный. Не слишком забавно”.

“Никого не видел?”

“Нет, почти никого. Я никуда не выходил”.

“Ты не плавал?”

“Нет. Ничего не делал”.

“Похоже на Вену”, - сказал Билл.

Бретт прищурилась, глядя на него.

“Так вот как это было в Вене”.

“В Вене все было как обычно”.

Бретт снова улыбнулась ему.

“У тебя хороший друг, Джейк”.

“С ним все в порядке”, - сказал я. ”Он таксидермист”.

“Это было в другой стране”, - сказал Билл. “И, кроме того, все животные были мертвы”.

- Еще одно, - сказала Бретт, - и я должна бежать. Пожалуйста, пошлите официанта за такси”

- Там целая очередь. Прямо перед входом.

“хорошо.”

Мы выпили и усадили Бретт в ее такси.

- Не забудь быть в “Селекте” около десяти. Заставь его прийти. Ми-

чел будет там”.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

“Мы тоже будем там”, - сказал Билл. Такси тронулось, и Бретт помахал ему рукой. “Отличная девушка”, - сказал Билл. “Она чертовски милая. Кто такой Майкл?” - Мужчина, за которого она собирается выйти замуж.

- Ну и ну, - сказал Билл. - Я всегда так с кем-нибудь знакомлюсь . Что я им пошлю? Как думаешь, им понравится пара плюшевых скаковых лошадей?

“Нам лучше поесть”.

“Она действительно леди или что-то в этом роде?” Спросил Билл в такси , когда мы ехали на остров Сент-Луис.

“О, да. В племенной книге и все такое”.

“Так, так”.

Мы поужинали в ресторане мадам Леконт на дальнем конце острова. Там было полно американцев, и нам пришлось стоять и ждать, пока освободится место. Кто-то принес это в американский ресторан. Women’s Club - это необычный ресторан на парижской

набережной, еще не тронутый американцами, поэтому нам пришлось ждать столик сорок пять минут . Билл обедал в этом ресторане в 1918 году, сразу после перемирия, и мадам Леконт подняла большой шум из-за встречи с ним.

“Правда, столик нам не достался”, - сказал Билл. “Однако, замечательная женщина ”.

Мы отлично поужинали: запеченный цыпленок, молодая зеленая фасоль, картофельное пюре, салат и яблочный пирог с сыром.

- У вас здесь все в порядке с миром, - сказал Билл мадам Леконт. Она подняла руку. “О, боже мой!”

“Ты будешь богат”.

“Я надеюсь на это”.

После кофе и штрафа мы получили счет, как обычно, написали мелом на грифельной доске, что, несомненно, было одной из “необычных” особенностей, оплатили его, пожали друг другу руки и вышли.

“Вы больше сюда не придете, месье Барнс”, - мадам. - Сказал Леконт.

“ Слишком много соотечественников.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ в 7 утра

“Приходите в обеденное время. Тогда там не так людно”.

“хорошо. Я скоро спущусь.”

Мы гуляли под деревьями, которые росли над рекой на той стороне острова, что на Орлеанской набережной. На другой стороне реки виднелись разрушенные стены старых домов, которые сносили.

“Они собираются прорезать улицу”.

- Они бы так и сделали, - сказал Билл.

Мы пошли дальше и обогнули остров. Река была темной, и мимо проплыл бато-муш, весь в огнях, он двигался быстро и тихо, пока не скрылся из виду под мостом. Ниже по реке был Собор Парижской Богоматери, возвышающийся на фоне ночного неба. Мы перешли на левый берег Сены по деревянному пешеходному мосту с набережной де Бетьюн, остановился на мосту и посмотрел вниз по реке на Собор Парижской Богоматери. Стоя на мосту, остров казался темным, дома вырисовывались на фоне неба, а деревья отбрасывали тени.

“Это довольно величественно”, - сказал Билл. “Боже, как я люблю возвращаться сюда”.

Мы облокотились на деревянные перила моста и посмотрели вверх по реке на огни больших мостов. Внизу вода была гладкой и черной. Сваи моста не издавали ни звука. Мимо нас прошли мужчина и девушка. Они шли , обнявшись.

Мы перешли мост и пошли вверх по улице Кардинала Лемуан. Подъем был крутой, и мы дошли до площади Контрэскарп. Дуговой фонарь просвечивал сквозь листву деревьев на площади, а под деревьями стоял автобус S , готовый к отправлению. Из дверей “Негр Жуайе” доносилась музыка. Через окно кафе для любителей я увидел длинную цинковую стойку бара. Снаружи, на террасе, выпивали рабочие. На открытой кухне “Любителей” девушка готовила картофельные чипсы в масле. На столе стояла железная кастрюля с тушеным мясом. Девушка положила немного на тарелку пожилому мужчине, который стоял, держа в одной руке бутылку красного вина.

“Хочешь чего-нибудь выпить?”

78 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Нет”, - сказал Билл. “Мне это не нужно”.

Мы свернули направо от площади Контрэскарп и пошли по гладким узким улочкам с высокими старыми домами по обеим сторонам. Некоторые дома выдавались на улицу. Другие были вырублены . Мы вышли на улицу Пот-де-Фер и шли по ней, пока она не привела нас к северному и южному ответвлениям улицы Сент Затем они направились на юг, мимо Валь-де-Грас, за внутренний двор и железную ограду, к бульвару Порт Королевский.

- Что ты хочешь делать? - спросил я. Я спросил. - Пойти в кафе и повидаться с Бреттом и Майком?

“почему нет?”

Мы шли по Порт-Роялю, пока он не превратился в Монпарнас, а затем мимо магазинов “Лила”, “Лавин” и всех маленьких кафе “Дамуа”, перешли улицу и направились к “Ротонде”, мимо ее огней и столиков к Выбирать.

Майкл вышел к нам из-за столиков. Он был загорелый и выглядел здоровым.

“Привет, Джейк”, - сказал он. “Привет! Привет! Как дела, старина Джад?”

“Ты выглядишь очень подтянутым, Майк”.

“О, да. Я в отличной форме. Я только и делал, что ходил пешком. Гулял весь день напролет. Мы с мамой пили чай раз в день”.

Билл зашел в бар. Он стоял и разговаривал с Бретт, которая сидела на высоком табурете, скрестив ноги. На ней не было обуви.

- Рад тебя видеть, Джейк, - сказал Майкл. - Знаешь, я немного напряжен . Удивительно, не правда ли? Вы видели мой нос?

На переносице у него было пятно засохшей крови.

“Это сделали сумки пожилой женщины”, - сказал Майк. “Я

протянул руку, чтобы помочь ей с ними, и они упали на меня”.

Бретт указала на него из-за стойки бара мундштуком и сморщила уголки глаз.

- Пожилая дама, - сказал Майк. - Ее сумки упали на меня. Давайте зайдем

И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ.

и я вижу Бретт. Я говорю, она великолепна. Ты очаровательная леди, Бретт. Где ты взяла эту шляпку?”

“Этот парень купил ее для меня. Тебе она не нравится?”

“Это ужасная шляпа. Купи себе хорошую шляпу”.

“О, у нас столько денег”, - сказала Бретт. “Слушай, ты еще не познакомился с Биллом? Ты прекрасный хозяин, Джейк”.

Она повернулась к Майку. “Это Билл Гортон. Этого пьяницу зовут Майк Кэмпбелл. Мистер Кэмпбелл - несостоявшийся банкрот”.

“А я разве нет? Знаете, вчера я встретил своего бывшего партнера в Лондон. Парень, который меня прикончил.”

“Что он сказал?”

“Угостил меня выпивкой. Я подумал, что с таким же успехом могу это принять. Я говорю, Бретт, ты просто прелесть. Тебе не кажется, что она красивая?”

“Красивая. С таким носом?”

“Какой прелестный носик. Давай, покажи его мне. Разве она не прелесть?”

“Почему мы не могли оставить этого мужчину в Шотландии?”

“Послушай, Бретт, давай ляжем спать пораньше”.

- Не веди себя неприлично, Майкл. Не забывай, что в этом баре есть дамы.

- Разве она не прелесть? Ты так не думаешь, Джейк”

- Сегодня вечером будет драка, - сказал Билл. - Хочешь пойти?

“Дерись”, - сказал Майк. “Кто дерется?”

“Т.Эду и еще кто-то”.

“Он очень хорош, Леду”, - сказал Майк. — Я бы с удовольствием на это посмотрел, — он пытался взять себя в руки, - но я не могу пойти. У меня было назначено свидание с этой штукой. Послушай, Бретт, купи-ка новую шляпу.

Бретт надвинул фетровую шляпу поглубже на один глаз и улыбнулся из-под нее. “Вы двое, идите на бой. Мне нужно немедленно отвезти мистера Кэмпбелла домой”.

“Я не в настроении”, - сказал Майк. - Может быть, совсем чуть-чуть. Послушай, Бретт, ты просто прелесть.

80 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

“Продолжай сражаться”, - сказал Бретт. “Мистер. Кэмпбеллу становится все труднее. Что это за вспышки нежности, Майкл?

- Я бы сказал, что ты просто прелесть.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи. - Извини, я не могу пойти, - сказал Майк. Бретт рассмеялся. Я оглянулся от двери. Майк оперся одной рукой о стойку бара и наклонился к Бретту, разговаривая. Бретт смотрела на него довольно холодно, но в уголках ее глаз играла улыбка.

На улице, на тротуаре, я спросил: “Ты хочешь пойти на бой?”

“Конечно”, - сказал Билл. “Если нам не придется идти пешком”.

“Майк был в восторге от своей подруги”, - сказал я в такси.

“Ну что ж”, - сказал Билл. “Ты не можешь его так сильно винить”.

СПАСИБО за ВСЕ.

Бой Тур Леду-Кид Фрэнсис состоялся вечером 20 июня. Это был хороший бой. На следующее утро после боя я получил письмо от Роберта Кона, написанное из Андайи. У него был очень тяжелый день. по его словам, он проводил время в тишине, купался, играл в гольф и бридж. В Андае был великолепный пляж, но ему не терпелось отправиться на рыбалку. Когда я приеду? Если я куплю ему леску с двойным конусом, он заплатит мне, когда я приеду.

В то же утро я написал Кону из офиса, что счет и Я бы выехал из Парижа 25-го, если бы не телеграфировал ему об обратном, и встретился бы с ним в Байонне, где мы могли бы пересесть на автобус, идущий через горы в Памплону. В тот же вечер, около семи часов, я заехал в “Селект”, чтобы повидаться с Майклом и Бреттом. Их там не было, и я пошел в “Динго”. Они были внутри , сидели за стойкой бара.

- Привет, дорогой. Бретт протянула руку.

- Привет, Джейк, - сказал Майк. - Я понимаю, что был пьян прошлой ночью.

- А вот ты - нет, - сказал Бретт. “ Позорное дело.

82 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Послушай, - сказал Майк, - когда ты собираешься в Испанию? Ты не будешь возражать, если мы поедем с тобой?”

“Это было бы здорово”.

“Ты же не будешь возражать, правда?” Я был в Памплоне, знаешь ли. Бретт с ума сходит от желания поехать. Ты уверен, что мы не станем для него пустой тратой времени?

“Не говори глупостей”.

“Я немного пьян, знаешь ли. Я бы не стал просить тебя об этом, если бы не был таким. Ты уверен, что не возражаешь?

“О, заткнись, Майкл”, - сказал Бретт. “Как мужчина может сейчас говорить, что он против? Я спрошу его позже”.

“Но ты ведь не возражаешь, правда?”

“Не спрашивай об этом больше, если не хочешь меня разозлить. Мы с Биллом отправляемся туда утром 25-го”.

“Кстати, где Билл?” - спросила Бретт.

“Он ужинает с какими-то людьми в Шантильи”.

“Он хороший парень”.

“Отличный парень”, - сказал Майк. “Он такой, знаешь ли”.

“Ты его не помнишь”, - сказал Бретт.

“я делаю. Прекрасно его помню. Послушай, Джейк, мы приедем вечером 25-го. Бретт не сможет встать утром.

“Конечно, нет!”

“Если придут наши деньги и ты уверен, что не возражаешь”.

- Все будет в порядке. Я позабочусь об этом.

“Скажи мне, за какой снастью послать”.

“Купи две или три удочки с катушками, леской и мушками”.

“Я не буду ловить рыбу”, - вставил Бретт.

“Тогда купи две удочки, и Биллу не придется покупать ни одной”.

”Хорошо”, - сказал Майк. “Я отправлю телеграмму хранителю”.

“Разве это не великолепно?” - сказал Бретт. “Испания! Мы повеселимся”.

“25-го. Когда это будет?”

“В субботу”.

“Нам нужно подготовиться”.

- Не говори, - сказал Майк, - что я иду в парикмахерскую.

- Мне нужно принять ванну, - сказал Бретт. - Пойдем со мной в отель, Джейк. Будь хорошим парнем.

“У нас самый красивый отель”, - сказал Майк. “По-моему, это бордель!”

“Мы оставили свои сумки в “Динго”, когда приехали, и в этом отеле нас спросили, не хотим ли мы снять номер только на вторую половину дня. Казалось, он был страшно рад, что мы останемся здесь на всю ночь”.

“Я думаю, это бордель”, - сказал Майк. “И мне следовало бы знать”.

“О, заткнись и иди подстригись”.

Майк вышел. Мы с Бреттом посидели в баре.

“Выпьешь еще?”

“Можно”.

“Мне это было нужно”, - сказал Бретт.

Мы прогулялись по улице Деламбр.

“Я не видел тебя с тех пор, как вернулся”, - сказал Бретт.

“нет.”

- Как дела, Джейк? - спросила я.

“хорошо”.

Бретт посмотрела на меня. - Послушай, - сказала она, - Роберт Кон собирается в эту поездку?

“да. Почему?”

“Тебе не кажется, что это будет для него немного жестоко?”

“А почему бы и нет?”

“С кем, по-твоему, я ездил в Сан-Себастьян?”

“Поздравляю”, - сказал я.,

Мы пошли дальше.

“Зачем ты это сказал?”

“Я не знаю. Что бы ты хотел, чтобы я сказал?”

Мы пошли дальше и завернули за угол.

“Он тоже вел себя неплохо. Он становится немного скучным”.

“Правда?”

“Я подумал, что это пойдет ему на пользу”.

84. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ.

“Ты могла бы заняться социальной работой”.

“Не будь такой противной”.

“Я - женщина”.

“Ты действительно не знала?”

“Нет”, - сказал я. “Наверное, я не думал об этом”.

“Ты не думаешь, что это будет слишком жестоко по отношению к нему?”

“Это зависит от него”, - сказал я. “Скажи ему, что ты приедешь. Он всегда может не приехать”.

“Я напишу ему и дам шанс отказаться от этого”.

Я больше не видел Бретта до вечера 24 июня.

“У тебя есть новости от Кона?”

“Скорее. Он в восторге от этого”.

“Боже мой!”

“Я и сам подумал, что это довольно странно”.

- Говорит, что не может дождаться, когда увидит меня.

- Он думает, ты придешь одна?

“Нет. Я сказала ему, что мы приедем все вместе. Майкл и все остальные”

“Он замечательный”.

”Правда?”

Они ожидали получить деньги на следующий день. Мы договорились встретиться в Памплоне. Они должны были отправиться прямо в Сан-Себастьян и сесть там на поезд. Мы все должны были встретиться в отеле Montoya в Памплоне. Если они не появятся самое позднее в понедельник, мы отправимся в горы Бургете, чтобы заняться рыбной ловлей. До Бургете ходил автобус. Я составил маршрут, чтобы они могли следовать за нами.

Мы с Биллом сели на утренний поезд с вокзала Орсе. День был чудесный, не слишком жаркий, и местность с самого начала казалась прекрасной. Мы вернулись в закусочную и позавтракали. Уходя

в вагоне-ресторане я попросил у проводника билеты на первый Услуга.

“Ничего до пятого”.

”Что это?”

В этом поезде никогда не подавали больше двух порций ланча , и всегда хватало мест на двоих.

“Все места зарезервированы”, - сказал проводник вагона-ресторана. “В три тридцать будет пятая служба”.

“Это серьезно”, - сказал я Биллу.

“Дай ему десять франков”.

“Вот, - сказал я. “Мы хотим поесть на первой службе”.

Кондуктор сунул десять франков в карман.

“Спасибо”, - сказал он. “Я бы посоветовал вам, джентльмены, взять несколько бутербродов. Все места на первые четыре услуги были забронированы в офисе компании”.

“Ты далеко пойдешь, брат”, - сказал ему Билл по-английски. “Полагаю, если бы я дал тебе пять франков, ты посоветовал бы нам спрыгнуть с поезда”.

”Прокомментируешь?”

“Пошел ты к черту!” - сказал Билл. - Приготовь бутерброды и бутылку вина. Скажи ему, Джейк.

- И отправь это в следующий вагон. - Я описал, где мы находимся.

В нашем купе находились мужчина, его жена и их маленький сын.

“Я полагаю, вы американцы, не так ли, - спросил мужчина, -

хорошо путешествуете?”

“Замечательно”, - сказал Билл.

“Это то, чем вы хотите заниматься. Путешествуйте, пока вы молоды. Мы с мамой всегда хотели перебраться сюда, но нам пришлось немного подождать”.

“Ты мог бы приехать сюда десять лет назад, если бы захотел , - сказала жена. “Ты всегда говорил: “Сначала посмотри на Америку!’ Я скажу, что мы многое повидали, так или иначе воспринимайте это”.

“Послушайте, в этом поезде много американцев”, - сказал муж

сказал. “У них семь машин из Дейтона, штат Огайо. Они совершили паломничество в Рим, а теперь направляются в Биарриц и Лурд”.

“Так вот, кто они такие. Паломники. Проклятые пуритане, - сказал Билл.

- Из какой части Штатов вы, ребята, родом?

- Из Канзас-Сити, - спросил я. - Он из Чикаго.

- Вы оба собираетесь в Биарриц?

“Нет. Мы собираемся порыбачить в Испании”.

“Ну, лично мне это никогда не нравилось. Хотя там, откуда я родом, есть чем заняться. У нас одна из лучших рыбалок в штате Монтана. Я гуляла с ребятами, но мне это никогда не нравилось”.

- “Ничего себе рыбалку вы устраивали во время этих поездок”, - сказала его жена.

Он подмигнул нам.

“Вы же знаете, каковы эти дамы. Если появляется кувшин или ящик пива, они думают, что это ад и проклятие”.

“Таковы мужчины”, - сказала нам его жена. Она погладила свои удобные колени. - Я голосовала против сухого закона, чтобы угодить ему, и потому что люблю, чтобы в доме было немного пива, а потом он заговорил таким тоном. Удивительно, что они вообще находят кого-нибудь, кто согласился бы на них жениться.

“Слушай, - сказал Билл, - а ты знаешь, что банда отцов-пилигримов заперла вагон-ресторан до половины четвертого пополудни?”

“Что ты имеешь в виду? Они не могут так поступить”.

“Ты попробуй занять места”.

“Что ж, мама, похоже, нам лучше вернуться и позавтракать еще раз”.

Она встала и поправила платье.

“Вы, мальчики, присмотрите за нашими вещами? Пошли, Хьюберт”.

Они все трое отправились в ресторан “Фургон”. Вскоре после того, как они ушли, прошел стюард, объявивший о начале первой службы, и паломники со своими священниками начали собираться

дальше по коридору. Наш друг и его семья не вернулись. По коридору прошел официант с нашими бутербродами и бутылкой шабли, и мы позвали его войти.

“Вам сегодня на работу”, - сказал я.

Он кивнул головой. ”Они начинаются сейчас, в десять тридцать”.

“Когда мы будем есть?”

“Ха! Когда же я буду есть?”

Он оставил два стакана в обмен на бутылку, и мы заплатили ему за сэндвичи и оставили чаевые.

‘Я принесу тарелки, - сказал он, - или принесу их с собой”.

Мы съели бутерброды, выпили шабли и посмотрели на окрестности из окна. Зерно только начинало созревать , и поля были полны маков. Пастбища были зелеными, и там росли прекрасные деревья, а иногда и большие реки, и замки среди деревьев.

В Туре мы вышли и купили еще бутылку вина, а когда вернулись в купе, джентльмен из Монтаны, его жена и сын Хьюберт уже удобно сидели в нем.

“В Биаррице хорошо купаться?” - спросил Хьюберт.

“Этот мальчик просто сумасшедший, пока не научится плавать”, - сказала его мать. “Детям довольно тяжело путешествовать”.

“Там хорошо плавать”, - сказала я. “Но там опасно, когда море бурное”.

“Ты перекусил?” Спросил Билл.

“Конечно, перекусили. Мы сидели прямо там, когда они начали заходить, и они, должно быть, просто подумали, что мы на вечеринке. Один из официантов что-то сказал нам по-французски, и тогда они просто отослали троих обратно”.

“Они подумали, что мы придурки”, - сказал мужчина. “ Это, безусловно, показывает силу католической церкви. Жаль , что вы, ребята, не католики. Тогда вы могли бы перекусить.

“ Да, ” сказал я. “ Вот что меня так бесит.

88 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

Наконец, в четверть пятого мы пообедали. Биллу пришлось нелегко. Он схватил за пуговицу священника, который возвращался с одной из вереницы паломников.

“Когда у нас, протестантов, будет возможность поесть, святой отец?”

“Я ничего об этом не знаю. У вас нет билетов?”

“Этого достаточно, чтобы заставить человека вступить в Клан”, - сказал Билл. Священник оглянулся на него.

В вагоне-ресторане официанты накрывали на стол пятый раз подряд. Официант, который нас обслуживал, промок насквозь. Его белая куртка под мышками стала фиолетовой.

“Он, должно быть, выпил много вина”.

“Или носить фиолетовые майки”. “Давайте спросим его”.

“Нет. Он слишком устал”.

Поезд остановился на полчаса в Бордо, и мы вышли на станции, чтобы немного прогуляться. У нас не было времени заехать в город. Потом мы проехали через ланды и полюбовались закатом солнца. В соснах были прорезаны широкие просветы для костра , и, глядя на них, как на аллеи, можно было увидеть лесистые холмы вдали. Около половины восьмого мы поужинали и наблюдали за окрестностями через открытое окно закусочной. Это была песчаная сосновая местность, поросшая вереском. На небольших прогалинах стояли дома, и время от времени мы проезжали мимо лесопилки. Стемнело , и мы почувствовали, что за окном жаркая, песчаная и темная местность, и около девяти часов мы добрались до Байонны. Мужчина, его жена и Хьюберт пожали нам руки. Они направлялись в Ланегресс, чтобы сделать пересадку на Биарриц.

“Что ж, я надеюсь, вам повезет”, - сказал он.

“Будьте осторожны с этими боями быков”.

“Возможно, мы увидимся с вами в Биаррице”, - сказал Хьюберт.

Мы вышли с нашими сумками и футлярами для удочек и прошли через темную станцию к огням, веренице такси и отелю

автобусы. Там, рядом с курьерами из отеля, стоял Роберт Кон. Сначала он нас не заметил. Потом двинулся вперед.

“Привет, Джейк. Хорошо доехали?”

“Отлично”, - сказал я. “Это Билл Гортон”.

“Как твои дела?”

“Пошли”, - сказал Роберт. ”Я поймал такси”. Он был немного близорук . Я никогда раньше этого не замечал. Он смотрел на Билла, пытаясь разглядеть его. Он тоже был застенчив.

“Мы поедем ко мне в отель. Все в порядке. Это довольно мило.”

Мы сели в кэб, извозчик положил сумки на сиденье рядом с собой, забрался сам, щелкнул кнутом, и мы поехали по темному мосту в город.

- Я ужасно рад с вами познакомиться, - сказал Роберт Биллу. “Я так много слышала о тебе от Джейка и читала твои книги. Ты понял мою реплику, Джейк?”

Такси остановилось перед отелем, мы все вышли и вошли внутрь. Это был хороший отель, и люди за стойкой регистрации были очень жизнерадостными, и у каждого из нас был хороший маленький номер.

(24 апреля 2018 года)

Утром было светло, улицы города посыпали дождевальной водой, и мы все позавтракали в кафе. Байонна - приятный город. Это похоже на очень чистый испанский городок, расположенный на берегу большой реки. Уже в этот ранний час на мосту через реку было очень жарко. Мы вышли на мост, а затем прогулялись по городу.

Я совсем не был уверен, что удилища Майка привезут из Шотландии вовремя, поэтому мы отправились в магазин рыболовных снастей и в конце концов купили удилище для Билла , расположенное этажом выше, над магазином сухих продуктов. Человека, который продавал снасти, не было дома, и нам пришлось ждать, пока он вернется. Наконец он вернулся, и мы купили по дешевке неплохую удочку и две рыболовные сети.

Мы снова вышли на улицу и взглянули на собор. Кон как-то обмолвился, что это очень хороший пример чего-то такого, не помню чего. Мне показалось , что это красивый собор, уютный и полутемный, как испанские церкви. Затем мы проехали мимо старого форта и направились к местному офису Синдиката инициатив, откуда должен был отправляться автобус. Там нам сказали , что автобусное сообщение начнется только 1 июля. Мы узнали, что

идти

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ.

в туристическом бюро, сколько мы должны заплатить за автомобиль, чтобы Памплоне и взял напрокат машину в большом гараже за углом Муниципального театра за четыреста франков. Машина должна была заехать за нами в отель через сорок минут, и мы остановились в кафе на площади, где позавтракали, и выпили пива. Было жарко, но в городе пахло прохладой и свежестью раннего утра , и сидеть в кафе было приятно. Подул легкий ветерок, и стало чувствоваться, что воздух дует с моря. На площади паслись голуби , а дома были желтого, выжженного солнцем цвета, и мне не хотелось уходить из кафе. Но нам нужно было идти в отель, чтобы собрать вещи и оплатить счет. Мы заплатили за пиво, мы совпали, и, по-моему, заплатил Кон, и

отправились в отель. Нам с Биллом обошлось всего по шестнадцать франков, плюс десять процентов за обслуживание, и мы отправили сумки вниз и стали ждать Роберта Кона. Пока мы ждали, я увидел на паркетном полу таракана, который был, должно быть, не меньше трех дюймов в длину. Я указал на него Биллу и наступил на него ботинком. Мы решили, что он, должно быть, только что вернулся из сада. Это был действительно ужасно чистый отель.

Наконец Кон спустился, и мы все пошли к машине. Это была большая закрытая машина, с водителем в белом пыльнике с синим воротником и манжетами, и мы попросили его опустить заднюю часть машины. Он погрузил сумки, и мы двинулись вверх по улице к выезду из города. Мы миновали несколько прекрасных садов и как следует осмотрели город, а потом оказались за городом, в зелени и холмистой местности, и дорога все время поднималась в гору. Мы миновали множество басков с волами или крупным рогатым скотом, которые тащили по дороге повозки, и красивые фермерские дома с низкими крышами и белой штукатуркой. В стране Басков вся земля выглядит очень богатой и зеленой, а дома и деревни - зажиточными и чистыми. В каждой деревне была площадка для игры в пелоту , и на некоторых из них дети играли под жарким солнцем. На стенах церквей висели таблички , гласившие, что играть с ними в пелоту запрещено, а на домах в деревнях были установлены

g2 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

красные черепичные крыши, а потом дорога свернула и начала подниматься, и мы ехали совсем близко по склону холма, а внизу была долина, и холмы тянулись до самого моря. Моря не было видно. Это было слишком далеко. Вы могли видеть только холмы и еще холмы, и вы знали, где находится море.

Мы пересекли испанскую границу. Там был небольшой ручей и мост, а по одну сторону - испанские карабинеры в лакированных шляпах Бонапарта и с короткими ружьями за спиной, а по другую - толстые французы в кепи и с усами. Они открыли только одну сумку, достали паспорта и просмотрели их. По обе стороны линии были универсальный магазин и гостиница. Шоферу пришлось зайти в дом и заполнить какие-то бумаги по поводу машины, а мы вышли и пошли к ручью посмотреть, нет ли там форели. Билл попытался немного поговорить по-испански с одним из карабинеров, но у него ничего не вышло. Роберт Кон спросил, указывая пальцем, водится ли в ручье форель, и карабинер ответил, что да, но немного.

Я спросил его, ловил ли он когда-нибудь рыбу, и он ответил, что нет, что ему это не нравится.

В этот момент к мосту широкими шагами подошел старик с длинными, выгоревшими на солнце волосами и бородой, в одежде, которая выглядела так, словно была сшита из мешковины. В руках у него был длинный посох, а на спине висел козленок, привязанный за четыре лапы так, что голова свисала вниз.

Карабинер взмахом меча отогнал его. Мужчина повернулся, ничего не сказав, и зашагал обратно по белой дороге в Испанию.

“Что случилось со старым?” Я спросил.

“У него нет паспорта”.

Я предложил охраннику сигарету. Он взял ее и поблагодарил меня.

- Что он собирается делать? Я спросил.

Охранник сплюнул в пыль.

“О, он просто перейдет ручей вброд”.

“У вас много контрабанды?”

“О, - сказал он, - они проходят”.

Шофер вышел, сложил бумаги и сунул их во внутренний карман пальто. Мы все сели в машину, и она покатила по белой пыльной дороге в Испанию. Какое-то время местность была почти такой же, как прежде; затем, все время поднимаясь в гору, мы перевалили через вершину холма, дорога петляла сама по себе, и вот это была настоящая Испания. Там были длинные коричневые горы, несколько сосен и далекие буковые леса на некоторых склонах гор. Дорога шла вдоль вершины седловины, а затем резко пошла вниз, и водителю пришлось посигналить, сбавить скорость и свернуть, чтобы не врезаться в двух ослов, которые спали прямо на дороге. Мы спустились с гор и прошли через дубовый лес, а в лесу паслись белые коровы . Внизу были поросшие травой равнины и прозрачные ручьи, а потом мы пересекли ручей, миновали маленькую мрачную деревушку и снова начали подниматься в гору. Мы взбирались все выше и выше, пересекли еще одно высокое седловину и повернули вдоль нее, а дорога пошла вниз, направо, и мы увидели на юге целую гряду новых гор, коричневых на вид и испещренных бороздами странной формы.

Через некоторое время мы спустились с гор, и по обеим сторонам дороги выросли деревья, и ручей, и поля спелых злаков, и дорога пошла дальше, очень белая и прямая, а затем поднялась на небольшой подъем, и слева показался холм с старый замок, тесно окруженный зданиями, и хлебное поле, подступающее прямо к стенам и колышущееся на ветру. Я сидел впереди , рядом с водителем, и обернулся. Роберт Кон спал, но Билл посмотрел на него и кивнул головой. Затем мы пересекли широкую равнину, и справа показалась большая река, сверкающая на солнце между деревьями, а вдали виднелось плато Памплоны, возвышающееся над равниной, и городские стены , и огромный коричневый собор, и разрушенный горизонт города

94 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

другие церкви. За плато виднелись горы, и , куда ни глянь, были другие горы, а впереди по равнине тянулась белая дорога, ведущая в Памплону.

Мы въехали в город с другой стороны плато, дорога круто поднималась вверх, пыльная, с тенистыми деревьями по обеим сторонам, а затем выровнялась и пошла через новую часть города, которую застраивают за старыми стенами. Мы проехали арену для боя быков, высокую , белую, в лучах солнца похожую на бетон, затем по боковой улочке въехали на большую площадь и остановились перед отелем Монтойя.

Водитель помог нам спуститься с багажом. Толпа ребятишек наблюдала за машиной, и на площади было жарко, и деревья были зелеными, и на их древках висели флаги, и было приятно укрыться от солнца в тени аркады, которая тянется вдоль всей площади. Монтойя был рад нас видеть, пожал нам руки и предоставил хорошие комнаты с видом на площадь, а потом мы умылись, привели себя в порядок и спустились в столовую пообедать. Водитель тоже остался пообедать, а потом мы расплатились с ним, и он отправился обратно в Байонну.

В отеле “Монтойя” есть две столовые. Одна из них находится на втором этаже и выходит окнами на площадь. Другой находится на один этаж ниже уровня площади и имеет дверь, которая открывается на заднюю улочку, по которой проходят быки, когда они бегут по улицам ранним утром по пути на ринг. В столовой внизу всегда прохладно, и мы отлично пообедали. Первый прием пищи в Испании всегда был потрясающим : закуски, блюдо из яиц, два мясных блюда, овощи, салат, десерт и фрукты. Вам нужно выпить много вина, чтобы все это усвоить. Роберт Кон пытался сказать, что не хочет второго мясного блюда, но мы не стали переводить за него, и поэтому официантка принесла ему что-то другое на замену , кажется, тарелку с мясным ассорти. Кон был довольно нервным с тех пор , как мы встретились в Байонне. Он не знал, знакомы ли мы с Бреттом

я был с ним в Сан-Себастьяне, и это его несколько смутило.

”Ну, - сказал я, - Бретт и Майк должны приехать сегодня вечером“.

“Я не уверен, что они приедут”, - сказал Кон.

“почему нет?” Билл сказал. “Конечно, они придут”.

“Они всегда опаздывают”, - сказал я.

“Я бы предпочел, чтобы они не пришли”, - сказал Роберт Кон.

Он произнес это с видом знатока, который разозлил нас обоих.

- Ставлю пятьдесят песет, что они будут здесь сегодня вечером, - сказал Билл. Он всегда делает ставки, когда злится, и обычно делает это по глупости.

- Я возьму это, - сказал Кон. “хорошо. Ты помнишь это, Джейк. Пятьдесят песет”.

“Я сам это запомню”, - сказал Билл. Я видел, что он разозлился, и хотел его успокоить.

“Они обязательно придут”, - сказал я. “Но, может быть, не сегодня вечером”.

“Хочешь отменить это?” - спросил Кон.

“Нет. С какой стати я должен это делать? Пусть будет сотня, если хотите.

“Хорошо. Я возьму это”.

“Этого достаточно”, - сказал я. “Или вам придется написать книгу и поделиться со мной некоторыми из них”.

“Я удовлетворен”, - сказал Кон. Он улыбнулся. - Ты, наверное , все равно отыграешь их в бридж.

- У тебя их еще нет, ” сказал Билл.

Мы вышли прогуляться под аркадой и зашли в кафе Ируфия для приготовления кофе. Кон сказал, что пойдет побриться.

” Слушай, - обратился ко мне Билл, - а у меня есть какие-нибудь шансы на это пари?

- У тебя очень мало шансов. Они больше никогда не приходили вовремя-где. Если они не получат деньги, то, скорее всего, сегодня вечером они их не получат”.

“Я пожалел об этом, как только открыл рот. Но я должен был позвонить ему. Думаю, с ним все в порядке, но откуда у него это внутри

дела? Майк и Бретт договорились с нами о том, чтобы мы пришли сюда.

Я увидел, как Кон пересекает площадь.

“Вот и он идет”.

“Ну, пусть он не строит из себя высокомерного еврея”.

“Парикмахерская закрыта”, - сказал Кон. ”Она откроется только в четыре”.

Мы выпили кофе в “Ируфии”, сидя в удобных плетеных креслах и глядя из прохладной галереи на большую площадь. Через некоторое время Билл отправился писать какие-то письма, а Кон отправился в парикмахерскую. Кафе все еще было закрыто, поэтому он решил подняться в отель и принять ванну, а я посидел перед кафе, а потом пошел прогуляться по городу. Было очень жарко, но я держался теневой стороны улиц, прошелся по рынку и хорошо провел время, снова увидев город. Я отправился в Аюнтамьенто и нашел пожилого джентльмена, который каждый год покупает для меня билеты на бой быков, и он получил деньги, которые я ему присылал. Париже и возобновил свою подписку, так что все было улажено. Он был архивариусом, и все городские архивы находились в его кабинете. Это не имеет никакого отношения к истории. Как бы то ни было, в его кабинете была большая деревянная дверь, обитая зеленым сукном, и когда я вышел, то оставил его сидеть среди архивов, которые покрывали все стены, и я закрыл обе двери, а когда выходил из здания на

улицу, швейцар остановил меня, чтобы отряхнуть пальто.

“Вы, должно быть, ехали в автомобиле”, - сказал он.

Задняя часть воротника и верхняя часть плеч были серыми от пыли.

”Из Байонны”.

“Так-так”, - сказал он. “Я понял, что вы приехали на автомобиле, по тому, какая была пыль”. И я дал ему две медные монеты.

В конце улицы я увидел собор и направился к нему. Когда я увидел его в первый раз, фасад показался мне уродливым, но теперь он мне понравился. Я вошел внутрь. Там было сумрачно и

колонны уходили ввысь, и там молились люди, и пахло ладаном, и было несколько замечательных больших окон. Я опустился на колени и начал молиться, и молился за всех, о ком думал, за Бретта, Майка, Билла, Роберта Кона и за себя, и за всех тореадоров, отдельно за тех, кто мне нравился, и за всех остальных, потом я снова помолился за себя, и пока я молился за себя, я Я почувствовал, что меня начинает клонить в сон, и помолился, чтобы бои быков прошли хорошо, и чтобы это была прекрасная фиеста, и чтобы мы порыбачили. Я хотел бы знать, есть ли что-нибудь еще Я мог бы помолиться, и я подумал, что хотел бы иметь немного денег, поэтому я помолился о том, чтобы заработать много денег, а потом я начал думать, как бы мне их заработать, и мысль о том, чтобы заработать деньги, напомнила мне о графе, и я начал задумываться о том, где он . был, и сожалел, что не видел его с той ночи на Мон-Мартре, и о том, что Бретт рассказал мне о нем кое-что забавное, и поскольку все это время я стоял на коленях, уткнувшись лбом в дерево перед собой, и думал о том, что молюсь, мне было немного стыдно. и пожалел о том, что я такой никудышный католик, но понял, что ничего не могу с этим поделать, по крайней мере, какое-то время, а может, и никогда, но, в любом случае, это была великая религия, и я только хотел почувствовать себя религиозным, и, может быть, я почувствую это в следующий раз; а потом я ушел я стоял под палящим солнцем на ступенях собора, и указательный и большой

пальцы моей правой руки все еще были влажными, и я почувствовал, как они высохли на солнце. Солнечный свет был жарким и жгучим, и я перешел улицу рядом с какими-то зданиями и направился обратно по боковым улочкам к отелю.

В тот вечер за ужином мы обнаружили, что Роберт Кон принял ванну, побрился, подстригся и вымылся шампунем, а затем нанес на волосы какое-то средство, чтобы они не распускались. Он нервничал, а я не пытался ему помочь. Поезд из Сан-Себастьяна должен был прибыть в девять часов, и, если Бретт и Майк собирались приехать, они должны были быть на нем. Без двадцати девять мы были на месте.

98. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

не прошло и половины ужина. Роберт Кон встал из-за стола и сказал, что пойдет на станцию. Я сказал, что пойду с ним, просто чтобы подразнить его. Билл сказал, что будь он проклят, если откажется от ужина. Я сказал, что мы скоро вернемся.

Мы пошли на вокзал пешком. Я наслаждался нервозностью Кона. Я надеялся, что Бретт будет в поезде. На вокзале поезд опоздал, и мы сели в багажную тележку и ждали снаружи в темноте. Я никогда не видел в гражданской жизни человека, который бы так нервничал, как Роберт Кон, и не был бы таким нетерпеливым. Я наслаждался этим. Наслаждаться этим было паршиво, но я чувствовал себя паршиво. Кон обладал замечательным свойством выявлять худшее в ком бы то ни было.

Через некоторое время мы услышали гудок поезда далеко внизу, на другой стороне плато, а затем увидели свет фар , поднимающийся на холм. Мы вошли на станцию и стояли в толпе людей сразу за воротами, а поезд подошел и остановился, и все начали выходить через ворота.

Их не было в толпе. Мы подождали, пока все не прошли через вокзал и не вышли из него, и не сели в автобусы, или не взяли такси, или не пошли пешком со своими друзьями или родственниками в темноте в город.

“Я знал, что они не придут”, - сказал Роберт. Мы собирались возвращаться в отель.

- Я так и думал, что они могут, - сказал я.

Когда мы вошли, Билл ел фрукты и приканчивал бутылку вина.

” Не пришли, да?

- Спросил я.

“Ты не возражаешь, если я отдам тебе эти сто песет утром, Кон?” Спросил Билл. “Я еще не менял здесь деньги”.

“О, забудь об этом”, - сказал Роберт Кон. “Давай поставим на что-нибудь другое. А ты умеешь делать ставки на бои быков?”

“Ты мог бы, - сказал Билл, - но тебе это не обязательно”.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ НА 99 ГРАДУСОВ.

“Это все равно что делать ставку на войну”, - сказал я. “Вам не нужны никакие экономические интересы”.

“Мне очень интересно на них посмотреть”, - сказал Роберт.

К нашему столику подошел Монтойя. В руке у него была телеграмма. - Это для тебя. - Он протянул ее мне.

На ней было написано: “Остановка в Сан-Себастьяне”.

- Это от них, - сказал я. Я положил ее в карман. В обычных обстоятельствах я бы передал его сам.

“Они остановились в Сан-Себастьяне”, - сказал я. “Передают тебе привет”.

Не знаю, почему у меня возникло желание послать его к черту. конечно Я действительно знаю. Я был слеп, неумолимо ревнив к тому, что с ним произошло. Тот факт, что я воспринял это как нечто само собой разумеющееся, ничего не менял. Я, конечно, ненавидел его. Не думаю, что я когда—либо по-настоящему ненавидел его, пока у него не возникло чувство превосходства за ланчем, а потом, когда он занялся стрижкой. Поэтому я положил телеграмму в карман. Телеграмма все равно пришла ко мне.

“Хорошо”, - сказал я. - Мы должны уехать на дневном автобусе, чтобы Бургете. Они могут последовать за нами, если вернутся завтра вечером.

Из Сан-Себастьяна отходили только два поезда: ранний утренний и тот, который мы только что встретили.

“Это звучит как хорошая идея”, - сказал Кон.

“Чем скорее мы приступим к работе, тем лучше”.

“Мне все равно, когда мы начнем”, - сказал Билл. “Чем скорее, тем лучше”.

Мы немного посидели в “Ируфии”, выпили кофе, а потом немного прогулялись до арены для боя быков, пересекли поле, под деревьями на краю обрыва и посмотрели вниз на реку в темноте, и я рано лег спать. Билл и Кон засиделись в кафе кажется, довольно поздно, потому что я уже спал, когда они пришли.

Утром я купил три билета на автобус до Бургете. По расписанию он должен был отправляться в два часа. Там ничего не было.

ранее. Я сидел в “Ируфии” и читал газеты, когда увидел Роберта Кона, идущего через площадь. Он подошел к столу и сел в одно из плетеных кресел.

“Это уютное кафе”, - сказал он. “Ты хорошо провел ночь, Джейк?”

“Я спал как убитый”.

“Я не очень хорошо выспался. Мы с Биллом тоже засиделись допоздна”.

“Где ты был?”

- Здесь. А после того, как оно закрылось, мы пошли в другое кафе. Старик там говорит по-немецки и по-английски.

“Кафе Суизо”.

“Вот и все. Он кажется приятным старичком. По-моему , это кафе лучше, чем это”.

“Днем там не так вкусно”, - сказал я. “Слишком жарко. Между прочим, Я купил билеты на автобус”.

“Я сегодня не поеду. Вы с Биллом идите вперед”.

“У меня ваш билет”.

“Отдайте его мне. Я верну деньги”.

“Здесь пять песет”.

Роберт Кон достал серебряную монету в пять песет и протянул ее мне.

“Я должен остаться”, - сказал он. “Видите ли, я боюсь, что произошло какое -то недоразумение”.

“Почему?” - спросил я. “Они могут не приехать сюда в течение трех-четырех дней , если начнут устраивать вечеринки в Сан-Себастьяне”.

“В том-то и дело”, - сказал Роберт. “Боюсь, они ожидали

встретить меня в Сан-Себастьяне, и именно поэтому они остановились".

"Что заставляет тебя так думать?"

"Ну, я написала Бретту, предлагая это".

"Тогда какого черта ты не остался там и не встретился с ними?" - Начала я, но остановилась. Я думал, что эта идея придет к нему сама собой, но не думаю, что это когда-нибудь случится.

Теперь он был откровенен, и это доставляло ему удовольствие

чтобы иметь возможность поговорить с пониманием, я знала, что между ним и Бреттом что-то есть.

"Что ж, мы с Биллом пойдем наверх сразу после обеда", - сказала я.

"Жаль, что я не могу пойти. Мы с нетерпением ждали этой рыбалки всю зиму". Он был очень сентиментален по этому поводу. "Но я должен остаться. Я действительно должен. Как только они приедут, я сразу же приведу их сюда".

"Давай найдем Билла".

"Я хочу сходить в парикмахерскую".

"Увидимся за ланчем".

Я нашел Билла в его комнате. Он брился.

"О да, он рассказал мне все об этом вчера вечером", - сказал Билл. - Он отличный маленький доверчивый человек. Он сказал, что у него назначено свидание с Бреттом в Сан-Франциско. Себастьян."

- Лживый ублюдок!

- О, нет, - сказал Билл. "Не сердись. Не сердись на этом этапе путешествия. Кстати, откуда ты вообще знаешь этого парня ?"

“Не придирайся”.

Билл огляделся, наполовину выбритый, а затем продолжил говорить в зеркало, намыливая лицо.

- Разве не ты отправил его с письмом ко мне в Нью-Йорк прошлой зимой? Слава Богу, я человек путешествующий. У тебя нет еще друзей-евреев, которых ты мог бы взять с собой? Он потер подбородок большим пальцем, посмотрел на него, а затем снова начал скрести.

“У тебя тоже есть красивые”.

“О, да. У меня есть несколько “даров”. Но только не рядом с этим Робертом Коном. Самое смешное, что он тоже милый. Он мне нравится. Но он такой ужасный”.

“Он может быть чертовски милым”.

“Я знаю это. И это самое ужасное”.

Я рассмеялся.

“да. Продолжайте смеяться, - сказал Билл. “ Вчера вечером вы с ним не гуляли до двух часов.

102 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

“Он был очень плохим?”

“Ужасно. Что вообще происходит между ним и Бретт? Она когда-нибудь имела к нему какое-то отношение?”

Он приподнял подбородок и поводил им из стороны в сторону.

“конечно. Она поехала с ним в Сан-Себастьян”.

“Что за идиотский поступок. Зачем она это сделала?”

“Она хотела уехать из города, а одна она никуда не может пойти . Она сказала, что, по ее мнению, это пойдет ему на пользу.

- Что за глупости люди совершают. Почему она не ушла с кем-нибудь из своих людей? Или с тобой? — он произнес это невнятно . — или со мной? Почему не со мной? Он внимательно осмотрел свое лицо в зеркале, нанес на каждую скулу большой слой пены. “Это честное лицо. С таким лицом любая женщина была бы в безопасности”.

“Она никогда его не видела”.

“А следовало бы увидеть. Все женщины должны это увидеть. Это лицо должно быть на всех экранах страны. Каждой женщине , когда она выходит из алтаря, следует подарить фотографию этого лица. Матери должны рассказать своим дочерям об этом лице. Мой сын, — он указал бритвой на меня, — с таким лицом поедет на запад и вырастет в этой стране”.

Он наклонился к раковине, ополоснул лицо холодной водой, намазал его спиртом, а затем внимательно посмотрел на себя в зеркало, оттягивая длинную верхнюю губу.

“Боже мой! - сказал он, - разве это не ужасное лицо?”

Он посмотрел в зеркало.

“А что касается этого Роберта Кона, - сказал Билл, - меня от него тошнит, и пусть он катится ко всем чертям, и я чертовски рад, что он остается здесь, так что мы не будем брать его с собой на рыбалку”.

“Ты чертовски прав”.

- Мы собираемся порыбачить на форель. Мы собираемся порыбачить форель в Река Трати, и сейчас мы собираемся подкрепиться местным вином за ланчем, а потом прокатиться на шикарном автобусе.

- Да ладно тебе. Давай отправимся в ”Ируфию” и начнем, - сказал я.

GEA Pape Re xl

На площади было жарко, когда мы вышли после обеда с сумками и футляром для удочек, чтобы отправиться в Бургете. Люди стояли на крыше автобуса, а другие поднимались по лестнице. Билл поднялся , и Роберт сел рядом с Биллом, чтобы освободить место для меня, а я вернулась в отель, чтобы взять с собой пару бутылок вина. Когда я вышла, автобус был переполнен. Мужчины и женщины сидели на чемоданах и коробках, разложенных сверху, а женщины грелись на солнце со своими веерами в руках. Было, конечно, жарко. Роберт спустился вниз, и я устроилась на единственном деревянном сиденье, которое он приберег для меня.

Роберт Кон стоял в тени галереи, ожидая, когда мы начнем. Баск с большой кожаной сумкой для вина на коленях лежал поперек крыши автобуса перед нашим сиденьем, прислонившись спиной к нашим ногам. Он предложил вино-кожи Биллу и мне, и, когда я предупредил его пить он smitated звук мотора клаксон-гудок ну и так неожиданно, что я пролил немного вина, и все-тело рассмеялся. Он извинился и заставил меня выпить еще. Чуть позже он снова нажал на клаксон, и это ввело меня в заблуждение.

во второй раз. У него это очень хорошо получалось. Баскам это понравилось. Мужчина, сидевший рядом с Биллом, что-то говорил ему по-испански, но Билл ничего не понимал, поэтому предложил ему одну из бутылок вина. Мужчина отмахнулся. Он сказал, что было слишком жарко и он слишком много выпил за обедом. Когда Билл предложил бутылку во второй раз , он сделал большой глоток, и бутылка разлетелась по всему салону автобуса. Все очень вежливо выпили, а потом нас заставили закупорить ее и убрать. Все они хотели, чтобы мы попили из их кожаных фляжек. Это были крестьяне, отправлявшиеся в горы.

Наконец, после еще пары фальшивых гудков, автобус тронулся, и Роберт Кон помахал нам на прощание, и все баски помахали ему на прощание. Как только мы выехали на дорогу за городом, стало прохладно. Было приятно ехать высоко и близко к деревьям. Автобус ехал довольно быстро, дул приятный ветерок, и когда мы выехали на дорогу, где деревья были покрыты пылью , и спустились с холма, нам открылся прекрасный вид сквозь деревья на город, возвышающийся на утесе над рекой. Баск , лежавший у меня на коленях, указал на открывшийся вид горлышком бутылки с вином и подмигнул нам. Он кивнул головой.

“Довольно мило, правда?”

“Эти баски - отличные люди”, - сказал Билл.

Баск, лежавший у моих ног, был загорелым , как кожа седла. На нем, как и на всех остальных, был черный халат. На его загорелой шее виднелись морщинки. Он повернулся и протянул Биллу свой бурдюк с вином. Билл протянул ему одну из наших бутылок. Баск погрозил ему указательным пальцем и вернул бутылку, хлопнув по пробке ладонью. Он подтолкнул к нему пакет с вином.

“Арриба! Арриба!” - сказал он. “Подними это”.

Билл поднял бурдюк и, запрокинув голову, пустил струю вина себе в рот. Когда он перестал пить и наклонил кожаную бутыль, несколько капель скатилось у него по подбородку.

“Нет! нет!” - воскликнули несколько басков. “Только не так”. Один из них выхватил бутылку у владельца, который сам собирался продемонстрировать это. Это был молодой парень, он держал бутылку вина на вытянутых руках и высоко поднимал ее, сжимая кожаный мешочек рукой, так что струя вина с шипением лилась ему в рот. Он держал пакет в вытянутой руке, вино плавно и с трудом попадало ему в рот, и он продолжал плавно и размеренно глотать.

- Эй! - крикнул владелец бутылки. - Чье это вино?

Тот, кто пил, погрозил ему мизинцем и улыбнулся нам одними глазами. Затем он резко оборвал струю, быстро поднял пакет с вином и опустил его владельцу. Он подмигнул нам. Хозяин печально покачал бурдюком с вином.

Мы проехали через город и остановились перед посадой, и водитель взял несколько пакетов. Затем мы снова двинулись в путь, и за городом дорога пошла в гору. Мы ехали по фермерской местности со скалистыми холмами, которые плавно переходили в поля. Зерновые поля поднимались по склонам холмов. Когда мы поднялись выше, ветер начал колыхать зерно. Дорога была белой и пыльной, и пыль поднималась из-под колес и висела в воздухе позади нас. Дорога взбиралась на холмы, оставляя внизу богатые хлебные поля. Теперь на голых склонах холмов и по обеим сторонам водотоков виднелись лишь пятна пшеницы. Мы резко свернули на обочину, чтобы дать дорогу длинной веренице из шести мулов, следовавших один за другим и тащивших повозку с высоким верхом, груженную грузом. Повозка и мулы были покрыты пылью. За нами следовала еще одна вереница мулов и еще одна повозка. Она была гружена лесом, и погонщик мулов откинулся назад и нажал на толстые деревянные тормоза, когда мы проезжали мимо. Местность здесь была совершенно бесплодной, а холмы - каменистыми и покрытыми трещинами от дождя.

За поворотом мы въехали в город, и с обеих сторон открылись:

106 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

внезапно показалась зеленая долина. Через центр города протекал ручей , а к домам примыкали виноградные поля.

Автобус остановился перед магазином “посада”, и многие пассажиры вышли, а большая часть багажа была откреплена от крыши из-под большого брезента и снята вниз. Мы с Биллом вышли и вошли в “посаду”. Там была низкая темная комната с седлами и сбруей, вилами для сена из белого дерева, связками парусиновых башмаков на веревочной подошве, окороками, ломтями бекона, белым чесноком и длинными сосисками, свисавшими с крыши. Было прохладно и сумеречно, и мы стояли перед длинной деревянной стойкой , за которой две женщины разносили напитки. За ними были полки, уставленные продуктами.

Каждый из нас взял по “агуардиенте” и заплатил по сорок сантимов за два напитка. Я дал женщине пятьдесят сантимов на чай, и она вернула мне медяк, решив, что я неправильно понял цену.

Вошли двое наших басков и настояли на том, чтобы купить выпивку. Итак, они купили выпивку, и потом мы купили выпивку, а потом они похлопали нас по спине и купили еще выпивки. Потом мы купили, а потом все вместе вышли на солнечный свет и жару и забрались обратно на крышу автобуса. Теперь на сиденье было достаточно места для всех, и баск, который лежал на жестяной крыше, теперь сидел между нами. Женщина, которая подавала напитки, вышла, вытирая руки о фартук , и заговорила с кем-то в автобусе. Затем кучер вышел , размахивая двумя плоскими кожаными почтовыми мешочками, и взобрался наверх, и каждый-размахивая руками, мы двинулись в путь.

Дорога сразу же покинула зеленую долину, и мы снова оказались на холмах. Билл и баск с бутылкой вина о чем-то беседовали. Мужчина, сидевший с другой стороны сиденья, наклонился и спросил по-английски: “Вы американцы?”

“конечно”.

“Я был там”, - сказал он. ”Сорок лет назад”.

Это был старик, такой же смуглый, как и остальные, с белой щетиной на бороде.

“Как это было?”

“Что скажешь?”

“Как там в Америке?”

“О, я был в Калифорнии. Все было прекрасно”.

“Почему ты уехал?”

“Что ты сказал?”

“Почему ты вернулся сюда?”

“ой! Я вернулся, чтобы жениться. Я собирался вернуться, но моя жена не любит путешествовать. Откуда вы?”

“Из Канзас-Сити”.

“Я там не был”, - сказал он. “Я был в Чикаго, Сент-Луисе, Канзасе Город, Денвер, Лос-Анджелес, Солт-Лейк-Сити”.

Он тщательно перечислил их.

“Как долго вы отсутствовали?”

“Пятнадцать лет. Потом я вернулся и женился”.

”Выпьем?”

“Хорошо”, - сказал он. “В Америке такого не купишь, да?”

“Там всего вдоволь, если сможешь заплатить”.

“Зачем ты сюда приехал?”

“Мы собираемся на фиесту в Памплоне”.

“Тебе нравятся бои быков?”

“конечно. А ты нет?”

“Да”, - сказал он. “Думаю, они мне нравятся”.

Затем, немного помолчав, спросил::

“Куда ты сейчас ездишь?”

“В Бургете, ловить рыбу”.

“Что ж, - сказал он, - надеюсь, вы что-нибудь поймаете”.

Он пожал мне руку и снова повернулся к заднему сиденью. На остальных басков это произвело впечатление. Он удобно откинулся на спинку стула и

улыбнулся мне, когда я обернулся, чтобы посмотреть на местность. Но , похоже, он устал от попыток говорить по-американски. После этого он ничего не сказал.

Автобус уверенно поднимался по дороге. Местность была пустынной, и сквозь глину торчали камни. У дороги не было травы . Оглянувшись назад, мы увидели, что внизу расстилается местность . Вдали на склонах холмов виднелись квадраты зеленых и коричневых полей . На горизонте виднелись коричневые горы. Они были странной формы. По мере того, как мы поднимались выше, горизонт продолжал меняться. Пока автобус медленно ехал по дороге, мы могли видеть другие горы, возвышающиеся на юге. Затем дорога перевалила через гребень, выровнялась и углубилась в лес. Это был лес из пробковых дубов, и сквозь кроны деревьев пробивались солнечные лучи, а за деревьями пасся скот. Мы проехали через лес, дорога вышла из него и повернула на возвышенность, а перед нами расстилалась холмистая зеленая равнина с темными горами за ней. Они не были похожи на коричневые, обожженные жаром горы, которые мы оставили позади. Они были покрыты лесами, и с них спускались облака. Вдали простиралась зеленая равнина. Она была огорожена заборами, и белизна дороги проглядывала сквозь стволы двойной линии деревьев, которые пересекали равнину на севере. Когда мы подошли к краю подъема, то увидели впереди красные крыши и белые домики Бургете, вытянувшиеся на равнине, а вдали, на склоне первой темной горы, виднелась серая, обшитая металлом крыша монастыря Ронсесваллес.

“Это Ронсево”, - сказал я.

“Где?”

“Вон там, где начинаются горы”.

“Здесь холодно”, - сказал Билл.

“Это высоко”, - сказал я. “Здесь, должно быть, тысяча двести метров”.

- Ужасно холодно, - сказал Билл.

Автобус вырулил на прямую дорогу, ведущую в Бургете. Мы

проехали перекресток и пересекли мост через

течение. Дома Бургете стояли по обеим сторонам дороги. Здесь не было боковых улочек. Мы миновали церковь и школьный двор, и автобус остановился. Мы вышли, и водитель передал нам наши сумки и футляр для удочек. К нам подошел карабинер в треуголке и желтых кожаных ремнях, перекрещивающихся поперек.

“Что там?” он указал на футляр для удочек.

Я открыл его и показал ему. Он попросил показать наши разрешения на рыбалку, и я достал их. Он посмотрел на дату и махнул нам рукой, чтобы мы проезжали.

“Все в порядке?” Я спросил.

“да. Конечно.”

Мы пошли вверх по улице, мимо побеленных каменных домов, мимо семей, сидящих в дверях и наблюдающих за нами, к гостинице.

Толстая женщина, хозяйка гостиницы, вышла из кухни и пожала нам руки. Она сняла очки, протерла их и снова надела. В гостинице было холодно, а на улице начал задувать ветер. Женщина отправила с нами девушку наверх , чтобы показать комнату. В комнате стояли две кровати, умывальник, комод для одежды и большая гравюра в стальной раме, изображающая Нуэстру Сефору де Ронсесваллес. Ветер дул в ставни. - Комната находилась в северной части гостиницы. Мы умылись, надели свитера и спустились по лестнице в столовую. Там был каменный пол, низкий потолок и дубовые панели. Все ставни были подняты, и было так холодно, что можно было видеть собственное дыхание.

- Боже мой! - воскликнул Билл. - Не может быть, чтобы завтра было так холодно. Я не собираюсь переходить ручей вброд в такую погоду.

В дальнем углу комнаты, за деревянными столами, стояло

пианино, Билл подошел к нему и начал играть.

“Мне нужно согреться”, - сказал он.

Я вышел, чтобы найти женщину и спросить ее, сколько стоят комната и питание. Она спрятала руки под фартук и отвернулась от меня.

“ Двенадцать песет.

11 ЦЕНТОВ, И СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Да ведь мы заплатили столько только в Памплоне”.

Она ничего не сказала, только сняла очки и протерла их о фартук.

“Это слишком дорого”, - сказал я. “Мы не платили больше ни в одном большом отеле”.

“У нас есть ванная комната”.

“У вас нет чего-нибудь подешевле?”

“Только не летом. Сейчас большой сезон”.

Мы были единственными посетителями в гостинице. Ну, я подумал, это же всего на несколько дней.

“Вино включено?”

Да, конечно

“Спасибо”, - сказал я. “Все в порядке”.

Я вернулся к Биллу. Он дунул на меня, показывая, как ему холодно , и продолжил играть. Я сел за один из столов и стал рассматривать фотографии на стене. На одной панели были изображены мертвые кролики, на другой - фазаны, тоже мертвые, и на третьей - мертвые утки. Все панели были темными и с дымчатым оттенком. В буфете было полно бутылок из-под ликера. Я осмотрел их все. Билл все еще играл. “Как насчет горячего ромового пунша?” - спросил он. ”Это не поможет мне

согреться надолго”.

Я вышел и рассказал продавщице, что такое ромовый пунш и как его приготовить. Через несколько минут девушка принесла в комнату каменный кувшин, от которого шел пар. Билл отошел от пианино, и мы выпили горячего пунша, слушая ветер.

“В нем не так уж много рома”.

Я подошел к буфету, достал бутылку рома и налил полстакана в кувшин.

“Прямое действие”, - сказал Билл. “Это противоречит законодательству”.

Вошла девушка и накрыла на стол к ужину.

- Здесь чертовски жарко, - сказал Билл.

Девушка принесла большую миску горячего овощного супа и вино. Потом мы ели жареную форель, что-то вроде тушеного мяса и

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ рано.

большая миска, полная земляники. Мы не прогадали с вином, и девушка была застенчива, но очень мила, когда принесла его. Однажды заглянула пожилая женщина и пересчитала пустые бутылки.

После ужина мы поднялись наверх, покурили и почитали в постели, чтобы согреться. Однажды ночью я проснулся и услышал вой ветра . Было приятно находиться в тепле и в постели.

ЛУЧШИЙ эксперт Raex в

Проснувшись утром, я подошел к окну и выглянул наружу. Небо прояснилось, и на горах не было ни облачка. Снаружи, под окном, стояло несколько повозок и старый дилижанс, деревянная крыша

которого потрескалась от непогоды. Должно быть, это осталось со времен, когда еще не было автобусов. Козел вскочил на одну из повозок, а затем на крышу дилижанса. Он мотнул головой в сторону других коз внизу, а когда я помахал ему, спрыгнул вниз.

Билл все еще спал, поэтому я оделся, обул ботинки в прихожей и спустился вниз. Внизу никто не шевелился, поэтому Я открыл дверь и вышел. Ранним утром на улице было прохладно, и солнце еще не успело высушить росу, которая выпала , когда стих ветер. Я порылся в сарае за гостиницей, нашел что-то вроде мотыги и спустился к ручью, чтобы нарвать червей для наживки. Ручей был чистым и мелким, но не похоже, чтобы в нем водилась форель. На поросшем травой берегу, где было сыро, я воткнул мотыгу в землю и разрыхлил кусок дерна. Под ним были черви. Они выползли из

я поднял дерн, осторожно покопал и собрал довольно много червей. Копая на краю влажной земли, я наполнил червями две пустые жестянки из-под табака и насыпал на них земли. Козы смотрели, как я копаю.

Когда я вернулся в гостиницу, женщина была внизу, на кухне, и я попросил ее приготовить нам кофе и что мы хотим перекусить. Билл не спал и сидел на краю кровати.

“Я увидел тебя из окна”, - сказал он. “Не хотел тебя задерживать. Что ты делал? Зарывал свои деньги?”

“Ты, ленивый бездельник!”

“Работал на общее благо? Великолепный. Я хочу, чтобы ты делал это каждое утро”.

“Давай”, - сказал я. ”Вставай”.

«Что? Вставать? Я никогда не встаю.

Он забрался в постель и натянул простыню до подбородка.

“Попробуй уговорить меня встать”.

Я продолжил искать снасти и складывать их в сумку для снастей.

“Тебе не интересно?” Спросил Билл.

“Я пойду вниз и поем”.

“Жирный? Почему ты не сказал “поешь”? Я думал, ты просто хотел, чтобы я встал повеселиться. Поел? Отлично. Теперь ты рассуждаешь разумно. Иди и накопай еще червей, а я сейчас спущусь”.

“О, иди к черту!”

“Работай на благо всех”. Билл натянул нижнее белье. ”Прояви иронию и жалость”.

Я вышел из комнаты с сумкой для снастей, сетями и футляром для удочек.

- эй! вернись!”

Я просунул голову в дверь.

“А ты не собираешься проявить немного иронии и жалости?”

Я почесал нос.

”Это не ирония”.

114 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

Спускаясь по лестнице, я услышал, как Билл поет: “Ирония и жалость. Когда ты чувствуешь… О, Прояви иронию и пожалей их. О, прояви иронию. Когда они чувствуют… Немного иронии. Немного жалости… - Он продолжал петь, пока не спустился по лестнице. Мелодия была такая: “Колокола звонят для меня и моей девушки”. Я читал испанскую газету недельной давности.

” К чему вся эта ирония и жалость?

«Что? Разве ты не знаешь, что такое Ирония и жалость?

“Нет. Кто это придумал?”

“Все. В Нью-Йорке от этого без ума. Совсем как в ”Фрателлини”.

Вошла девушка с кофе и тостами, намазанными маслом. Вернее, это был хлеб, поджаренный и намазанный маслом.

- Спроси у нее, есть ли у нее джем, - сказал Билл. “Поиронизируй с ней”.

“У тебя есть джем?”

“Это не ирония судьбы. Жаль, что я не говорю по-испански”.

Кофе был вкусным, и мы пили его из больших чашек. Девушка принесла стеклянную вазочку с малиновым джемом.

“спасибо”.

- эй! так нельзя, - сказал Билл. - Скажи что-нибудь ироничное. Отпусти какую-нибудь шутку о Примо де Ривере.

“Я мог бы спросить ее, в какую, по их мнению, передрягу они попали из-за этого риффа”.

“Плохо”, - сказал Билл. “Очень плохо”. Ты не можешь этого сделать. Это все. Ты не понимаешь иронии. В тебе нет жалости. Скажи что-нибудь жалостливое”.-

”Роберт Кон”“

“Не так уж и плохо. Так-то лучше. Так почему же Кон вызывает

жалость? Иронизируй”

Он сделал большой глоток кофе.

“ О, черт! Я сказал. “Еще слишком раннее утро”.

“Ну вот. И вы утверждаете, что тоже хотите стать писателем. Вы всего лишь газетчик. Газетчик-эмигрант.

Тебе следует проявлять иронию, как только ты встаешь с постели. Ты должен просыпаться с полным ртом жалости.

“Продолжай”, - сказал я. “От кого ты это взял?”

“Все. Ты что, не читаешь? Ты вообще ни с кем не встречаешься? Ты знаешь, кто ты? Ты экспатриант. Почему ты не живешь в Нью-Йорке? Тогда бы ты знал все это. Чего ты от меня хочешь? Приходить сюда и рассказывать тебе об этом каждый год?”

“Выпей еще кофе”, - предложил я.

“хорошо. Кофе полезен для здоровья. Все дело в содержащемся в нем кофеине. Кофеин, мы здесь. Кофеин ставит мужчину в тупик, а женщину - в могилу. Знаешь, в чем твоя проблема? Ты иностранец. Один из худших людей. Разве ты не слышал об этом? Нет-ни один человек, который когда-либо покидал свою страну, не написал ничего, что стоило бы напечатать. Даже в газетах.

Он отпил кофе.

“Ты эмигрант. Ты потерял связь с землей. Ты становишься ценным. Фальшивые европейские стандарты погубили тебя. Ты напиваешься до смерти. Ты становишься одержимым сексом. Ты тратишь все свое время на разговоры, а не на работу. Ты эмигрант, понимаешь? Ты слоняешься по кафе”.

“Похоже, у тебя шикарная жизнь”, - сказал я. “Когда я работаю?”

“Ты не работаешь. Одна группа утверждает, что тебя поддерживают женщины. Другая группа утверждает, что ты импотент”.

“Нет”, - сказал я. “Я только что попал в аварию”.

“Никогда не упоминай об этом”, - сказал Билл. “Это как раз то, о чем нельзя говорить. Это то, что вы должны превратить в тайну. Как велосипед Генри”.

Он ехал великолепно, но остановился. Я испугался, что он решил, будто обидел меня своей колкостью об импотенции. Я хотел снова завести его.

“Это был не велосипед”, - сказал я. “Он ехал верхом”.

“Я слышал, что это был трехколесный велосипед”.

116 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

“Ну, - сказал я. “Самолет чем-то похож на трехколесный велосипед. Джойстик работает так же”.

“Но вы не нажимаете на педали”.

“Нет, - сказал я, - думаю, ты не крутишь педали”.

“Давай оставим это”, - сказал Билл.

“Ладно. Я просто вступился за трехколесный велосипед”.

“Я тоже думаю, что он хороший писатель”, - сказал Билл. “А ты чертовски хороший парень. Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ты был хорошим парнем?”

“Я не хороший парень”.

“Послушай. Ты чертовски хороший парень, и я люблю тебя больше всех на свете. Я не мог сказать тебе этого в Нью-Йорке. Это означало бы Я был педиком. Вот из-за чего началась Гражданская война. Авраам Линкольн был педиком. Он был влюблен в генерала Гранта. Так было и Джефферсон Дэвис. Линкольн только что освободил рабов на спор. Дело Дреда Скотта было сфабриковано Лигой борьбы с салунами. Секс объясняет все. ”Жена полковника” и Джуди О’Грейди в глубине души лесбиянки”.

Он замолчал.

“Хочешь послушать еще?”

“Черт возьми”, - сказал я.

“Я больше ничего не знаю. Расскажу тебе за ланчем”.

“Старина Билл”, - сказал я.

“Ты бездельник!”

Мы уложили ланч и две бутылки вина в рюкзак, и Билл надел его. Я перекинул через спину чехол с удилищем и рыболовные сети . Мы двинулись вверх по дороге, затем пересекли луг и нашли тропинку, которая пересекала поля и вела к лесу на склоне

первого холма. Мы шли через поля по песчаной дорожке. Поля были холмистыми и поросшими травой, но трава была короткой из-за выпаса овец. Крупный рогатый скот пасся высоко в горах. Мы слышали, как в лесу звенели колокольчики.

Тропинка пересекала ручей по бревнышку. Бревно было вытащено на поверхность, и на нем вместо перил стояло молодое деревце. В плоском бассейне

СОЛНЦЕ ТАКЖЕ ПОДНИМАЕТСЯ НА 11°]

на берегу ручья головастики заметили песок. Мы поднялись по крутому берегу и пересекли холмистые поля. Оглянувшись, мы увидели Бургете, белые дома с красными крышами и белую дорогу , по которой ехал грузовик и поднималась пыль.

За полями мы пересекли еще один ручей с быстрым течением. Песчаная дорога вела к броду и дальше, в лес. Тропинка пересекла ручей по другому бревну ниже брода и влилась в дорогу, и мы углубились в лес.

Это был буковый лес, и деревья были очень старыми. Их корни выступали над землей, а ветви были искривлены. Мы шли по дороге между толстыми стволами старых буков , и солнечный свет светлыми пятнами падал сквозь листву на траву. Деревья были большие, с густой листвой, но не мрачные. Здесь не было подлеска, только ровная трава, очень зеленая и свежая, и большие серые деревья, расположенные на достаточном расстоянии друг от друга, как в парке.

“Это сельская местность”, - сказал Билл.

Дорога пошла в гору, и мы оказались в густом лесу, и дорога продолжала подниматься. Иногда она спускалась, но потом снова круто поднималась. Мы все время слышали, как в лесу пасется скот. Наконец дорога вывела нас на вершину холма. Мы были на вершине высота землю, которая была самой высокой части диапазона лесистых холмах, которые мы видели в от. Там были дикие соломы-ягод, растущих на солнечной стороне хребта в маленький очистки в кронах деревьев.

Впереди дорога выходила из леса и шла вдоль гребня холмов.

Холмы впереди не были покрыты лесом, и там были огромные поля, поросшие желтым дроком. Вдалеке мы увидели крутые утесы, поросшие темными деревьями и выступающие из серого камня, которые отмечали течение реки Ирати.

“Мы должны пройти по этой дороге вдоль хребта, пересечь эти холмы, пройти через леса на дальних холмах и спуститься в долину Ирати ”, - указал я Биллу.

118 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Это чертовски трудная прогулка”. “Это слишком далеко, чтобы отправиться на рыбалку и вернуться в один и тот же день, к счастью”.

- С комфортом. Это хорошее слово. Нам придется из кожи вон лезть , чтобы добраться туда и обратно и вообще порыбачить.

Это была долгая прогулка, и местность была очень живописной, но мы устали, когда спустились по крутой дороге, которая вела с лесистых холмов в долину Рио-де-ла-Фабрика.

Дорога вышла из тени леса на жаркое солнце. Впереди была речная долина. За рекой был крутой холм. На холме было поле гречихи. Мы увидели белый дом под деревьями на склоне холма. Было очень жарко, и мы остановились под деревьями у плотины, которая пересекала реку.

Билл прислонил рюкзак к одному из деревьев, и мы соединили удилища , надели катушки, привязали поводки и приготовились ловить рыбу.

“Ты уверен, что в этой штуке есть форель?” Спросил Билл.

“В ней ее полно”.

“Я собираюсь наловить мушку. У тебя есть Макгинти?”

“Там есть немного”.

“Ты собираешься наловить наживку?”

“Да. Я собираюсь порыбачить на здешней плотине.”

- Что ж, тогда я возьму путеводитель. Он привязался к ширинке. “Где ты был Мне лучше уйти? Вверх или вниз?

“Вниз - это самое лучшее. Наверху их тоже предостаточно.

Билл спустился по склону.

“Возьми банку с червяками”.

“Нет, я не хочу. Если они не захотят взять муху, я просто возьму ее с собой”.

Билл был внизу и наблюдал за ручьем.

- Эй, - крикнул он, перекрывая шум плотины. - Как насчет того, чтобы налить вина вон в тот родник у дороги?

- Ладно, - крикнул я. Билл махнул рукой и пошел вниз по течению. Я нашел в рюкзаке две бутылки вина и отнес их в дом.

они пошли по дороге туда, где вода из родника вытекала из железной трубы. Над родником была доска, я приподнял ее и, плотно закупорив бутылки, опустил их в воду. Было так холодно, что у меня онемели руки и запястья. Я положил полено на место и понадеялся, что никто не найдет вино.

Я взял свою удочку, которая была прислонена к дереву, жестянку с наживкой и сачок и вышел на плотину. Он был построен для того, чтобы обеспечить приток воды для забивки бревен. Ворота были подняты, и я сел на одно из прямоугольных бревен и стал смотреть на гладкую поверхность воды перед тем, как река обрушилась в водопад. В белой воде у подножия плотины было глубоко. Когда я закинул наживку, форель выскочила из белой воды в водопад и была унесена вниз. До Я успел закончить наживку, как еще одна форель прыгнула к водопаду, описала такую же красивую дугу и исчезла в воде, которая с грохотом обрушивалась вниз. Я надел грузило хорошего размера и бросил его в белую воду недалеко от края бревен плотины.

Я не почувствовал первого удара форели. Когда я начал подтягиваться Я почувствовал, что он у меня в руках, и вытащил его, сопротивляясь и сгибая удилище почти вдвое, из кипящей воды у подножия водопада, а затем забросил на плотину. Это была отличная форель, и я стукнул ее головой о бревно, так что она затрепетала и выпрямилась, а затем сунул ее в свою сумку.

Пока я ее натягивал, несколько форелей выпрыгнуло из водопада. Как только я насадил наживку и забросил ее снова, я подсек еще одну и вытащил ее таким же образом. Через некоторое время у

меня их было шесть. Все они были примерно одинакового размера. Я разложил их рядышком, так, чтобы все они были направлены головками в одну сторону, и стал рассматривать. Они были красивого цвета, упругие и затвердевшие от холодной воды. День был жаркий, поэтому я разрезал их всех, вытащил внутренности, жабры и все остальное и перебросил через реку. Я вытащил форель на берег, вымыл ее в холодной, слегка отяжелевшей воде над плотиной, а затем нарвал немного папоротника и сложил все это в пакет: три форели на слой папоротника, затем еще один слой папоротника,

120 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

затем я приготовила еще три форели и накрыла их папоротниками. Они хорошо смотрелись в папоротниках, а теперь сумка стала объемистой, и я поставила ее в тень дерева.

На плотине было очень жарко, поэтому я поставил свою банку с червями в тень рядом с сумкой, достал из рюкзака книгу и устроился под деревом почитать, пока Билл не придет на обед.

Было уже далеко за полдень, и тени было немного, но я сидел, прислонившись к стволам двух деревьев, которые росли рядом, и читал. Книга была написана А.Э.У. Мейсоном, и я читал замечательную историю о мужчине, который замерз в Альпах, а затем провалился в ледник и исчез, и его невеста собиралась ровно двадцать четыре года ждать, пока его тело всплывет на морене, в то время как ее жена собиралась… настоящая любовь тоже ждала, и они все еще ждали, когда подошел Билл.

- Есть что-нибудь? он спросил. Он держал удочку, сумку и сачок в одной руке и был весь мокрый от пота. Я не слышал , как он подошел, из-за шума, доносившегося с плотины.

- Шесть. Что ты нашел?

Билл сел, открыл сумку и выложил на траву большую форель. Он достал еще три, каждая немного крупнее предыдущей, и положил их рядышком в тени дерева. Его лицо было потным и счастливым.

“Как твои?”

“Они меньше”.

“Давай посмотрим на них”.

“Они упакованы”.

“Насколько они велики на самом деле?”

“Они как раз по размеру твоих самых маленьких”.

“Ты ничего от меня не скрываешь?”

“Хотел бы я, чтобы это было так”.

“Подсадить их всех на червей?”

“Да”.

“Ты, ленивый бездельник!”

Билл положил форель в пакет и направился к реке, размахивая открытым пакетом. Он был мокрый по пояс, и я понял, что он , должно быть, переходил ручей вброд.

Я прошел по дороге и достал две бутылки вина. Они были холодными. Когда я возвращался к деревьям, на бутылках выступили капельки влаги . Я разложил ланч на газете, откупорил одну из бутылок и прислонил другую к дереву. Билл подошел , вытирая руки, его сумка была набита папоротниками.

“Давай посмотрим на эту бутылку”, - сказал он. Он вытащил пробку, наклонил бутылку и отпил. “Ух ты! У меня от этого глаза болят”.

“Давай попробуем”.

Вино было ледяным и слегка ржавым на вкус.

“Это не такое уж и мерзкое вино”, - сказал Билл.

“Холод помогает”, - сказал я.

Мы развернули маленькие свертки с обедом.

“Цыпленок”.

- Есть яйца вкрутую.

” Соль есть?

“ Сначала яйцо, - сказал Билл. “ Потом курица. Даже Брайан это заметил.

“он мертв. Я вчера прочитал об этом в газете.

“Нет. Не совсем?”

“да. Брайан мертв”

Билл отложил яйцо, которое чистил.

- Джентльмены, - сказал он и развернул куриную ножку, завернутую в газету. - Я меняю порядок приготовления. Ради Брайана. Как дань уважения Великому простолюдину. Сначала курица, потом яйцо.

“Интересно, в какой день Бог сотворил курицу?”

“О, - сказал Билл, обсасывая ножку, - откуда нам знать? Мы не должны задавать вопросов. Наше пребывание на земле не продлится долго. Давайте радоваться, верить и благодарить.”

122 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

”Съешьте яйцо”.

Билл взмахнул ножкой в одной руке и бутылкой вина в другой.

“Давайте радоваться нашим благословениям. Давайте использовать птиц небесных. Давай воспользуемся плодами виноградной лозы. Ты не откажешься от небольшого количества, брат?”

“После тебя, брат”.

Билл сделал большой глоток.

“Выпей немного, брат”, - он протянул мне бутылку. “Не будем сомневаться, брат. Давайте не будем совать нос в святые тайны курицы-курятник с обезьяньими пальцами. Давай примем это на веру и просто скажем — я хочу, чтобы ты присоединился ко мне и сказал — Что нам сказать, брат?” Он указал ножкой на меня и продолжил. - Позволь мне сказать тебе. Мы скажем, и я, со своей стороны, горжусь этим, и я хочу, чтобы ты сказал вместе со мной, стоя на коленях, брат. Пусть никто не стыдится преклонять колени здесь, на открытом воздухе. Помните , что леса были первыми Божьими храмами. Давайте преклоним колени и скажем: ”Не ешьте это, леди, — это Менкен”.

“Вот”, - сказал я. “Возьми немного этого”.

Мы откупорили вторую бутылку.

“В чем дело?” Я сказал. “Тебе не нравился Брайан?”

“Я любил Брайана”, - сказал Билл. “Мы были как братья”.

“Откуда вы его знаете?”

“Он, Менкен и я все вместе ходили в Холи-Кросс”.

”И Фрэнки Фрич”.

“Это ложь. Фрэнки Фрич учился в Фордхэме”.

“Ну, - сказал я, - я учился в Лойоле с епископом Мэннингом”.

“Это ложь”, - сказал Билл. “Я сам учился в Лойоле с епископом Мэннингом ”.

- У тебя косоглазие, - сказал я.

“ На вине?

“почему нет?”

“Это из-за влажности”, - сказал Билл. “Надо бы убрать эту чертову влажность”.

“Выпьем еще по рюмочке”.

“Это все, что у нас есть?”

“Только две бутылки”.

“Ты знаешь, кто ты такой?” Билл с нежностью посмотрел на бутылку.

“Нет”, - сказал я.

“Ты состоишь на жалованье в Лиге борьбы с салунами”.

“ОНА досталась Нотр-Даму Уэйну Б. Уилеру”.

“Это ложь”, - сказал Билл. “Я учился в бизнес-колледже Остина с Уэйном Б. Уилером. Он был президентом класса”.

“Что ж, - сказал я, - салун должен быть закрыт”.

“Ты прав, старый одноклассник”, - сказал Билл. “Салун пора закрывать, и я заберу его с собой”.

“У тебя косоглазие”.

”На вино?”

“На вино”.

“Ну, может, и так”.

“Хочешь вздремнуть?”

“Хорошо”.

Мы лежали, спрятав головы в тени, и смотрели на деревья.

“Ты спишь?”

“Нет”, - сказал Билл. “Я задумался”.

Я закрыл глаза. Приятно было лежать на земле.

- Слушай, - сказал Билл, - а что насчет этой истории с Бретт?

- Что насчет этого”

- Ты когда-нибудь был в нее влюблен?

“конечно”.

- На какой срок?

- То выключается, то включается на чертовски долгое время.

124 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“О, черт!” Сказал Билл. “Извини, приятель”.

“Все в порядке”, - сказал я. “Мне больше наплевать”.

«действительно?»

“ Действительно. Только я бы предпочел не говорить об этом”.

“Ты не сердишься, что я тебя спросил?”

“А почему, черт возьми, я должен сердиться?”

”Я собираюсь поспать”, - сказал Билл. Он прикрыл лицо газетой.

“Послушай, Джейк, - сказал он, - ты действительно католик?”

“Формально”.

“Что это значит?”

“Я не знаю”.

“Ладно, я пойду спать”, - сказал он. - Не мешай мне спать своими разговорами.

Я тоже заснула. Когда я проснулась, Билл собирал рюкзак. Было уже далеко за полдень, и длинные тени от деревьев падали на плотину. Я весь затек , потому что спал на земле.

“Что ты делал? Проснулся?” Спросил Билл. “Почему ты не остался на ночь?” Я потянулся и протер глаза.

“Мне приснился чудесный сон”, - сказал Билл. “Я не помню, о чем это было , но это был прекрасный сон”.

“Не думаю, что я видел сон”.

“Ты должен мечтать”, - сказал Билл. “Все наши крупнейшие бизнесмены были мечтателями. Посмотрите на Форда. Посмотрите на президента Кулиджа. Посмотрите на Рокфеллера. Посмотрите на Джо Дэвидсона”.

Я отсоединил свою удочку от удочки Билла и упаковал их в

футляр для удочек. Катушки я положил в сумку для снастей. Билл собрал рюкзак , и мы положили в него один из пакетов с форелью. Я взял другой.

“Ну что, - спросил Билл, - все ли у нас с собой?”

“Черви”.

“Твои черви. Положи их туда”.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ через 125 минут

У него на спине был рюкзак, и я положил банки с червями в один из наружных карманов с клапанами.

“Теперь ты все собрал?”

Я огляделся на траве у подножия вязов.

“да.”

Мы направились по дороге в лес. Путь домой, в Бургете, был долгим, и уже стемнело, когда мы спустились через поля к дороге и пошли по дороге между городскими домами с освещенными окнами к гостинице.

Мы пробыли в Бургете пять дней и отлично порыбачили. Ночи были холодными, а дни - жаркими, и даже в самый разгар дня дул легкий ветерок. Было достаточно жарко, чтобы приятно было перейти вброд холодный ручей, и солнце высушивало тебя, когда ты выходил и садился на берег. Мы нашли ручей с достаточно глубоким озерцом, чтобы в нем можно было искупаться. По вечерам мы играли в бридж втроем с англичанином по имени Харрис, который пришел пешком из Сен-Жан-Пье-де-Порт и остановился в гостинице, чтобы порыбачить. Он был очень приятным человеком и дважды ходил с нами на реку Ирати. Не было никаких известий ни от Роберта Кона , ни от Бретта и Майка.

ГЛАВА XIII

Однажды утром я спустился к завтраку, и англичанин, Харрис уже сидел за столом. Он читал газету через очки. Он поднял глаза и улыбнулся.

“Доброе утро”, - сказал он. “Для вас письмо. Я зашел на почту , и мне передали его вместе с моим письмом.

Письмо лежало у меня на столе, прислоненное к кофейной чашке. Харрис снова читал газету. Я вскрыл письмо. Оно было отправлено из Памплоны. Оно было датировано Сан-Франциско. Себастьян, воскресенье:

Дорогой Джейк,

Мы приехали сюда в пятницу, Бретт потеряла сознание в поезде, поэтому мы привезли ее сюда на 3 дня отдохнуть к нашим старым друзьям. Во вторник мы отправляемся в отель Montoya в Памплоне и прибываем, я не знаю, в котором часу. Пришлите, пожалуйста, записку с автобусом, чтобы сообщить нам, что нужно сделать, чтобы присоединиться ко всем вам в среду. Выражаем свою любовь и извиняемся за опоздание, но Бретт действительно закончила, и к вторнику с ней все будет в порядке. и практически так же обстоит дело сейчас. Я очень хорошо ее знаю и стараюсь присматривать за ней, но это не так-то просто. С любовью ко всем ребятам,

MicHazt,

“Какой сегодня день недели?” Спросил я Харриса.

“Среда, я думаю. Да, вполне. Среда. Удивительно, как здесь, в горах, теряешь счет дням.

“да. Мы здесь уже почти неделю”.

“Я надеюсь, ты не собираешься уезжать?”

“да. Боюсь, мы поедем дневным автобусом”.

“Что за мерзкое дело. Я надеялся, что мы все вместе еще раз сходим в ”Ирати”.

“Нам нужно съездить в Памплону. Мы там встречаемся с людьми”.

“Какое невезение для меня. Мы отлично провели время здесь , в Бургете”.

- Приезжай в Памплону. Мы могли бы сыграть там в бридж, и там будет чертовски хороший праздник.

Я бы с удовольствием. Ужасно мило с твоей стороны пригласить меня. Но я лучше остановлюсь здесь. У меня осталось не так уж много времени на рыбалку”.

“Ты же хочешь, чтобы в Ирати была такая крупная форель”.

“Да, да, я так и делаю. Там огромная форель”.

Я бы хотел попробовать ее еще раз”.

“Заходи в другой раз. Будь хорошим парнем”.

“Нам действительно нужно в город”, - сказал я.

“Какая жалость”.

После завтрака мы с Биллом сидели, греясь на солнышке, на скамейке перед гостиницей и обсуждали случившееся. Я увидел девушку , которая шла по дороге из центра города. Она остановилась перед нами и вынула телеграмму из кожаного кошелька, который висел у нее на поясе.

“Откуда вы?”

Я взглянул на нее. Адрес был такой: “Барнс, Бургете”.

“да. Это для нас”.

Она принесла мне книгу на подпись, и я дал ей пару медяков. Телеграмма была на испанском: “Благодарю за помощь”.

Я протянул ее Биллу.

- Что означает слово “Кон”? он спросил.

128 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Какая паршивая телеграмма!” Я сказал. - Он мог бы прислать десять слов за ту же цену. “Я приду в четверг”. Это дает тебе много информации, не так ли?

“Это дает тебе всю информацию, которая представляет интерес для Кона”.

“Мы все равно войдем”, - сказал я. “Нет смысла пытаться переехать”. Бретт и Майк побывают здесь и вернутся обратно до начала фиесты. Стоит ли нам отвечать на звонок?”

“Мы тоже можем это сделать”, - сказал Билл. ”Нам незачем задирать нос”.

Мы подошли к почтовому отделению и попросили бланк телеграммы.

“Что мы скажем?” Спросил Билл.

“Прибудем сегодня вечером.’ Этого достаточно”.

Мы заплатили за сообщение и вернулись в гостиницу. Харрис был там, и мы втроем отправились в Ронсесваллес. Мы прошли через монастырь.

“Это замечательное место”, - сказал Харрис, когда мы вышли. “Но ты же знаешь, я не любитель таких мест”.

“Я тоже”, - сказал Билл.

“Все-таки это замечательное место”, - сказал Харрис. “Я бы не мог этого не заметить. Я собирался приходить сюда каждый день”.

”Это ведь не то же самое, что рыбалка, правда?” Спросил Билл. Ему понравилось Харрис.

- Я говорю, что нет.

Мы стояли перед старой монастырской часовней.

“Это не паб ли напротив?” Спросил Харрис. ”Или меня обманывают глаза?”

“Это похоже на паб”, - сказал Билл.

“По-моему, это похоже на паб”, - сказал я.

“Слушай, - сказал Харрис, - давай воспользуемся этим”. Он перенял это у Билла.

У нас было по бутылке вина на каждого. Харрис не позволил нам заплатить.

Он довольно хорошо говорил по-испански, и хозяин гостиницы не взял у нас денег.

Не говорю. Вы не представляете, что для меня значило, что вы, ребята , собрались здесь”.

“Мы отлично провели время, Хазрис”.

Харрис был немного навеселе.

- Говорю я. На самом деле, вы не представляете, как много это значит. Со времен войны мне было не так уж весело.

- Как-нибудь мы снова порыбачим вместе. Не забывай об этом, Харрис.”

- Мы должны. Мы так чудесно провели время.

- Как насчет еще одной бутылки?

“Отличная идея”, - сказал Харрис.

”Это мое”, - сказал Билл. “Или мы его не пьем”.

“Я бы хотел, чтобы вы позволили мне заплатить за него. Знаете, это доставляет мне удовольствие ”. -

“Это доставит мне удовольствие”, - сказал Билл.

Трактирщик принес четвертую бутылку. Мы оставили себе те же

бокалы. Харрис поднял свой бокал.

Молчу. Ты знаешь, это действительно полезно".

Билл хлопнул его по спине.

" Старый добрый Харрис.

- Говорю я. Вы знаете, что на самом деле меня зовут не Харрис. Я Уилсон: Харрис. Все на одно имя. Через дефис, знаете ли.

- Старый добрый Уилсон-Харрис, - сказал Билл. - Мы зовем тебя Харрис, потому что ты нам очень нравишься.

" Послушай, Барнс. Ты не представляешь, что все это значит для меня"

- Давай выпьем еще по бокалу, - сказал я.

" Барнс. Правда, Барнс, ты не можешь знать наверняка. Это все тайская кухня.

"Выпей, Харрис".

Мы возвращались по дороге из Ронсесваллеса, Харрис шел между нами. Мы пообедали в гостинице, и Харрис пошел с нами

в автобус. Он дал нам свою визитку с лондонским адресом, своим клубом и рабочим адресом, а когда мы сели в автобус, он вручил каждому из нас по конверту. Я открыл свой, и в нем оказалась дюжина мух. Харрис связал их сам. Он сам связал всех своих мух.

— Послушай, Харрис, - начал я.

- Нет, нет! - сказал он. Он выходил из автобуса. - Это совсем не первоклассные мухи. Я просто подумал, что, если ты как-нибудь порыбачишь, это может напомнить тебе о том, как хорошо мы провели время.

Автобус тронулся. Харрис стоял перед почтовым отделением. Он помахал нам рукой. Когда мы двинулись по дороге, он

повернулся и пошел обратно к гостинице.

“Слушай, разве Харрис не был милым?” Сказал Билл.

“Не думаю, что он действительно хорошо провел время”.

“Харрис? Не спорю, что так и было”.

“Жаль, что он не приехал в Памплону”.

“Он хотел порыбачить”.

“да. В любом случае, трудно сказать, как английский будет сочетаться друг с другом”

.

“Полагаю, что нет”.

Мы прибыли в Памплону ближе к вечеру, и автобус остановился перед отелем Montoya. На площади они натягивали электрические провода, чтобы осветить площадь во время фиесты. Когда автобус остановился, к нам подошли несколько детей, и сотрудник городской таможни заставил всех людей, выходивших из автобуса, открывать сумки прямо на тротуаре. Мы вошли в отель и поднялись по лестнице Я встретил Монтойю. Он пожал нам руки, по-своему смущенно улыбаясь.

“Ваши друзья здесь”, - сказал он.

”Мистер Кэмпбелл?”

“Да. мистер Кон, мистер Кэмпбелл и леди Эшли”.

Он улыбнулся, как будто мне предстояло что-то услышать.

” Когда они прибыли?

“Вчера. Я забронировал для вас комнаты, которые у вас были”.

“Все в порядке. Вы предоставили мистеру Кэмпбеллу комнату в ”Плазе”?”

“да. Все комнаты, которые мы осмотрели.”

“Где сейчас наши друзья?”,

“Я думаю, они отправились на пелоту”.

”А как насчет “буллз”?”

Монтойя улыбнулся. “Сегодня вечером”, - сказал он. “Сегодня в семь часов вечера они пригоняют быков из Вильяра, а завтра - миурских. Вы все идете?”

“О, да. Они никогда не видели десенкахонаду”.

Монтойя положил руку мне на плечо.

”Увидимся там”.

Он снова улыбнулся. Он всегда улыбался так, как будто бой быков был нашим особым секретом; довольно шокирующим, но на самом деле очень глубоким секретом, о котором мы знали. Он всегда улыбался так, как будто в этом секрете для посторонних было что-то непристойное, но мы-то это понимали. Не стоит раскрывать его людям, которые не поймут.

“Твой друг, он тоже поклонник этого?” Монтойя улыбнулся Биллу.

“да. Он проделал долгий путь из Нью-Йорка, чтобы увидеть Сан-Франциско. Фермины.”

“да?” Монтойя вежливо не поверил. “Но он не такой фанат , как ты”.

Он снова смущенно положил руку мне на плечо.

“Да”, - сказал я. “Он настоящий фанат”.

“Но он не такой фанат, как ты”.

“Поклонение” означает страсть. Фанат - это тот, кто страстно любит бои быков. Все хорошие тореадоры останавливались в отеле “Монтойя”, то есть те, у кого была страсть к ним. Профессиональные тореадоры, возможно, останавливались там

один раз, а потом больше не возвращались. Лучшие приходили каждый год. В комнате Монтойи были их

фотографии. Фотографии были посвящены Хуанито Монтойе

или его сестре. Фотографии тореадоров, в которых Монтойя по-настоящему верил, были вставлены в рамки. Фотографии тореадоров, у которых не было поклонников, Монтойя хранил в ящике своего письменного стола. На них часто были самые лестные надписи. Но они ничего не значили. Однажды Монтойя вынул их все и выбросил в мусорную корзину. Он не хотел, чтобы они были рядом.

Мы часто говорили о быках и тореадорах. Я останавливался в “Монтойя” на несколько лет. Мы никогда не разговаривали подолгу . Было просто приятно узнать, что чувствует каждый из нас. Люди приезжали из дальних городов, и прежде чем они уезжали В Памплоне остановитесь и поговорите несколько минут с Монтойей о быках. Эти люди были его поклонниками. Те, кто был фанатами , всегда могли снять номера, даже когда отель был переполнен. Монтойя познакомил меня с некоторыми из них. Поначалу они всегда были очень вежливы , и их очень забавляло, что я американец . Почему-то считалось само собой разумеющимся, что у американца не может быть поклонников. Он мог симулировать это или путать с возбуждением , но на самом деле у него этого не было. Когда они увидели, что у меня есть поклонение, и не было ни пароля, ни заданных вопросов, которые могли бы выявить это, скорее это было что-то вроде устного духовного экзамена , где вопросы всегда были немного оборонительными и никогда не были очевидными, было то же самое смущенное прикосновение руки к плечу или “Добрый день.” Но почти всегда были настоящие прикосновения. Казалось, что они хотят прикоснуться к тебе, чтобы убедиться в этом

.

Монтойя мог простить все, что угодно, тореадору, который был его поклонником. Он мог простить приступы нервозности, панику, плохие необъяснимые поступки, всевозможные оплошности. Тому, у кого была любовь, он мог простить все. Он сразу простил мне всех моих друзей. Он никогда ничего не говорил, но между нами это было просто чем-то постыдным, вроде того, как у лошадей отваливаются внутренности во время боя быков.

Когда мы вошли, Билл поднялся наверх, и я застал его умывающимся и переодевающимся в своей комнате.

“Ну что, - спросил он, - много говоришь по-испански?”

“Он рассказывал мне о том, что сегодня вечером будут ”буллз””.

“Давай найдем ребят и спустимся вниз”.

“Хорошо. Они, наверное, будут в кафе”.

“У тебя есть билеты?”

“да. Я брал их для всех выгрузок”.

“На что это похоже?” Он вертел щекой перед зеркалом, проверяя, нет ли небритых участков под линией подбородка.

“Довольно неплохо”, - сказал я. - Они выпускают быков из клеток по одному, а в загоне держат бычков, которые принимают их и не дают им подраться, и быки набрасываются на быков , а бычки бегают вокруг, как старые девы, пытаясь их утихомирить.

- Они когда-нибудь забивают бычков?

“конечно. Иногда они идут прямо на них и убивают”.

“А бычки ничего не могут сделать?”

“Нет. Они пытаются завести друзей”.

“За что они их держат?”

“Чтобы утихомиривать быков и не давать им ломать рога о каменные стены или забодать друг друга”.

“Должно быть, здорово быть быком”.

Мы спустились по лестнице, вышли за дверь и направились через площадь к кафе “Ируфа”. На площади стояли две одинокие кассы. Их витрины с надписями “сот”, “СОЛЬ и Сомбра” и “сомпра” были закрыты. Они откроются только за день до праздника.

На другой стороне площади стояли белые плетеные столы и стулья из Ируфия простиралась за Галереей до самого края улицы. Я поискал взглядом Бретта и Майка за столиками. Вот они где были. Бретт

и Майк, и Роберт Кон. Бретт был в баскском берете. Майк тоже. Роберт Кон был с непокрытой головой и в очках. Бретт увидел нас и помахал рукой. Когда мы подошли к столу, у нее на глазах появились морщинки.

- Привет, ребята! - окликнула она.

Бретт был счастлив. Майк умел передать всю остроту чувств в рукопожатии. Роберт Кон пожал нам руки, потому что мы вернулись.

- Где, черт возьми, тебя носило? Я спросил.

“Я привел их сюда”, - сказал Кон.

“Что за чушь”, - сказал Бретт. “Мы бы приехали раньше, если бы ты не пришел”.

“Ты бы никогда сюда не добрался”.

- Что за чушь! Вы, ребята, загорелые. Посмотрите на Билла.

“Хорошо порыбачили?” Спросил Майк. “Мы хотели присоединиться к вам”.

“Было неплохо. Мы скучали по вам”.

“Я хотел прийти, - сказал Кон, - но подумал, что должен принести их сам”.

“Ты принес нам. Что за чушь”.

“Было действительно вкусно?” Спросил Майк. “Ты много взял?”

“Иногда мы брали по дюжине штук на каждого. Там был англичанин ”.

“Его звали Харрис”, - сказал Билл. “Ты когда-нибудь знал его, Майк? Он тоже был на войне”.

“Счастливчик”, - сказал Майк. “Какие у нас были времена. Как бы я хотел, чтобы те милые сердцу деньки вернулись”.

“Не будь ослом”.

“Ты был на войне, Майк?” Спросил Кон.

“А я - нет”.

“Он был очень выдающимся солдатом”, - сказал Бретт. “Расскажи им о том случае, когда твоя лошадь понеслась по Пикадилли”.

“Нет. Я рассказывал это четыре раза”.

“Ты никогда не рассказывал мне”, - сказал Роберт Кон.

“Я не буду рассказывать эту историю. Это дискредитирует меня”.

“Расскажи им о своих медалях”.

“Не буду. Эта история сильно дискредитирует меня”.

“Что это за история?”

“Бретт расскажет тебе. Она рассказывает все истории, которые дискредитируют меня”.

“Продолжай. Расскажи это, Бретт”.

“Должен ли я?”

Я сам скажу”.

“Какие у тебя медали, Майк?”

“У меня нет никаких медалей”.

“У тебя должны быть какие-нибудь”.

“Думаю, у меня есть обычные медали. Но я никогда за ними не посылал. Однажды был грандиозный ужин, на котором присутствовал принц Там должен был присутствовать Уэльс, и на карточках было написано, что они будут носить медали. Поэтому, естественно, у меня не было медалей, и я зашел к своему портному , на которого приглашение произвело впечатление, и я подумал, что это хороший бизнес, и сказал ему: “Ты должен снабдить меня какими -нибудь медалями’. Он спросил: “Какие медали, сэр?” И я сказал: “О, любые медали. Просто дайте мне несколько медалей’. Он спросил: ”Какие у вас медали, сэр”, а я ответил: “Откуда мне знать?” Он что, думал, я все свое время провожу за чтением этой чертовой “газетт”? - Просто дай мне побольше. Выбери сам. Итак, он купил мне несколько медалей, ну, знаете, миниатюрных медалей, и вручил мне коробку, а я положил ее в карман и забыл. Ну, я пошел на ужин, и это было в тот вечер , когда застрелили Генри Уилсона, так что принц не пришел, а Кинг не пришел, и ни у кого не было медалей, и все эти парни были заняты тем, что снимали свои медали, а моя была у меня в кармане”.

Он замолчал, чтобы мы посмеялись.

“Вот и все>”

“Вот и все. Возможно, я что-то не так рассказал.

136 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

“Ты этого не делал”, - сказал Бретт. “Но это неважно”.

Мы все смеялись.

“Ах, да”, - сказал Майк. “Теперь я знаю. Это был чертовски скучный ужин, и я не выдержал и ушел. Позже вечером я нашел коробочку в своем кармане. Что это такое? Я сказал. Медали? Чертовы военные медали? Так что я срезал их с обложек — ну, вы знаете, они наклеиваются на ленту — и раздал всем. Подарил по одной каждой девушке. В качестве сувенира. Они подумали, что я настоящий солдат. Раздавал медали в ночном клубе. Лихой парень”.

“Рассказывай дальше”, - попросил Бретт.

“Тебе не кажется, что это было забавно?” Спросил Майк. Мы все смеялись. “Это было так. Клянусь, это было так. Как бы то ни было, мой портной написал мне и потребовал вернуть медали. Прислал человека. Работа продолжалась несколько месяцев. Кажется, какой-то парень оставил их в чистке. Ужасно военная форма. Они устроили настоящий адский магазин. - Майк помолчал. “ Портному не повезло, - сказал он.

- Ты же не всерьез, - сказал Билл. - Я думаю, для портного это было бы грандиозно”

“ Ужасно хороший портной. Никогда бы не поверил, увидев меня сейчас, - сказал Майк. “Раньше я платил ему сто фунтов в год, только чтобы содержать его тихий. Поэтому он не присылал мне никаких счетов. Для него было страшным ударом , когда я обанкротился. Это было сразу после медалей. Это придавало его письмам довольно горький оттенок”.

“Как вы обанкротились?” - спросил Билл.

“Двумя способами”, - ответил Майк. “Постепенно, а затем внезапно”.

“Что привело к этому?”

“Друзья”, - спросил Майк. “У меня было много друзей. Фальшивые друзья. Затем У меня тоже были кредиторы.

Наверное, их было больше, чем у кого-либо в Англии.

“Расскажи им об этом в суде”, - сказал Бретт.

“Я не помню”, - сказал Майк. “Я просто был немного напряжен”.,

“Напряжен!” Воскликнул Бретт. “Ты был слеп!”

137. “И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ”

- “Удивительное дело”, - сказал Майк. “ На днях встретил своего бывшего напарника. Предложил угостить меня выпивкой”.

“Расскажи им о своем ученом совете”, - сказал Бретт.

“Я не буду”, - сказал Майк. “Мой ученый совет тоже был слепым. Я говорю, что это мрачная тема. Так мы пойдем смотреть, как разгружают быков, или нет?”

“Давайте спустимся”.

Мы подозвали официанта, расплатились и отправились гулять по городу. Я пошел было с Бретт, но Роберт Кон подошел и присоединился к ней с другой стороны. Мы втроем прошли мимо Аюнтамьенто с вывешенными на балконе транспарантами, вниз мимо рынка и по крутой улочке, ведущей к мосту через Аргу. Множество людей шли посмотреть на быков, экипажи съезжали с холма и пересекали мост, погонщики, лошади и хлысты возвышались над прохожими на улице. Перейдя мост, мы свернули на дорогу, ведущую к загонам для скота. Мы прошли мимо винного магазина с вывеской в витрине: “Хорошее вино по 30 сантимов за литр”.

“Вот куда мы пойдем, когда деньги кончатся”, - сказал Бретт.

Женщина, стоявшая в дверях винного магазина, посмотрела на нас, когда мы проходили мимо. Она позвала кого-то в доме, и три девушки подошли к окну и уставились на нее. Они смотрели на Бретта.

У ворот загона двое мужчин брали билеты у людей , которые заходили внутрь. Мы вошли через ворота. Внутри были деревья и низкий каменный дом. В дальнем конце была каменная стена

загона с отверстиями в камне, которые напоминали петли-отверстия шли по всей поверхности каждого загона. Лестница вела на вершину стены, и люди взбирались по ней и спускались вниз, чтобы встать на стенах, разделявших два загона. Поднимаясь по лестнице и шагая по траве под деревьями, мы миновали большие, выкрашенные в серый цвет клетки с быками., В каждом дорожном ящике было по быку. Они прошли мимо

тренировался на ранчо по разведению быков в Кастилии и был не-их выгрузили из вагонов-платформ на станции и привезли сюда, чтобы выпустить из клеток в загоны. На каждой клетке было написано по трафарету имя и клеймо заводчика быков.

Мы забрались наверх и нашли место на стене, откуда открывался вид на загон. Каменные стены были побелены, на земле лежала солома, а вдоль стены были установлены деревянные ящики для корма и поилки

.

- Посмотри туда, - сказал я.

За рекой на городском плато. Вдоль всех старых стен и валов стояли люди. Три линии укреплений образовывали три черные шеренги людей. Над стенами в окнах домов виднелись головы. На дальнем конце плато мальчишки забрались на деревья.

“Они, должно быть, думают, что что-то должно произойти”, - сказал Бретт.

“Они хотят посмотреть на быков”.

Майк и Билл были на другой стене загона. Они помахали нам. Люди, которые пришли с опозданием, стояли позади нас, прижимаясь к нам, когда их окружали другие люди.

“Почему они не начинают?” - спросил Роберт Кон.

К одной из клеток привязали единственного мула и подтащили его к воротам в стене загона. Мужчины толкали и поднимали его с помощью ломов, чтобы он стоял напротив ворот. На стене стояли люди, готовые открыть ворота загона, а затем и ворота клетки. В другом конце загона открылась калитка , и вошли два бычка, покачивая головами и семеня рысью, их поджарые бока колыхались. Они стояли вместе в дальнем конце, повернув головы к воротам, в которые должен был войти бык.

“Они не выглядят счастливыми”, - сказал Бретт.

Мужчины на вершине стены отклонились назад и открыли дверь загона. Затем они подняли дверцу клетки.

Я перегнулся через стену и попытался заглянуть внутрь клетки. Было темно. Кто-то постучал по клетке железным прутом. Внутри

казалось, что-то взорвалось. Бык, ударяя рогами в дерево из стороны в сторону, поднял страшный шум. Затем я увидел темную морду и тень рогов, а затем, с грохотом ударив по дереву в пустотелом ящике, бык бросился вперед и влетел в загон, заскользив передними копытами по соломе, когда он остановился, подняв голову, большой бугор мышц на его шее вздулся напряженный, мышцы его тела подрагивали, когда он смотрел на толпу на каменных стенах. Оба бычка попятились к стене, опустив головы и не сводя глаз с быка.

Бык увидел их и бросился в атаку. Из-за одного из ящиков что-то крикнул мужчина и хлопнул шляпой по доскам, а бык, прежде чем добраться до бычка, развернулся, собрался с силами и бросился на то место, где только что стоял мужчина, пытаясь достать его за досками полудюжиной быстрых, ищущих ударов правым рогом.

“Боже мой, ну разве он не красавец?” Сказал Бретт. Мы смотрели на него сверху вниз.

“Поразительно, как он умеет пользоваться своими рогами”, - сказал я. “У него левая и правая, как у боксера”.

“Не совсем?”

“Ты смотри”.

“Это происходит слишком быстро”.

“Подожди. Через минуту будет еще одна”.

Они подтащили еще одну клетку к входу. В дальнем углу мужчина, стоявший за одним из дощатых навесов, привлек внимание быка, и, пока бык отворачивался, ворота открылись , и

в загон вошел второй бык.

Он бросился прямо к бычкам, но двое мужчин выбежали из -за досок и закричали, чтобы он повернул. Он не изменил направления, и мужчины закричали: “Ха! Ха! Торо!” и замахали руками; два бычка повернулись боком, чтобы принять удар на себя, и бык врезался в одного из них.

“Не смотри”, - сказал я Бретт. Она завороженно наблюдала за происходящим.

140 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

“Отлично”, - сказал я. “Если тебя это не смущает”.

“Я это видела”, - сказала она. “Я видела, как он переставил левый рог на правый ”.

“Чертовски хорошо!”

Бычок упал, его шея вытянулась, голова была повернута, он лежал так, как упал. Внезапно бычок остановился и направился к другому быку, который стоял в дальнем конце, покачивая головой и наблюдая за происходящим. Бычок неуклюже побежал, и бык поймал его, слегка ударил в бок, а затем отвернулся и посмотрел на толпу на стенах, его мускулы вздулись. Бычок подошел к нему и сделал движение, как будто хотел ткнуться в него носом, но бык лишь слегка поддал. В следующий раз он ткнулся носом в бычка, и они вдвоем побежали к другому быку.

Когда появился следующий бык, все трое, два быка и бычок-самка, встали рядом, их головы были рядом, а рога направлены против новоприбывшего. Через несколько минут бычок подобрал нового бычка, успокоил его и присоединил к стаду. Когда выгрузили последних двух быков, все стадо собралось вместе.

Бычок, которого забодали, поднялся на ноги и прислонился к каменной стене. Ни один из быков не подошел к нему, и он не пытался присоединиться к стаду.

Мы спустились со стены вместе с толпой и в последний раз взглянули на быков через бойницы в стене загона. Теперь все они

притихли, опустив головы. Мы взяли снаружи экипаж и поехали в кафе. Майк и Билл пришли через полчаса. По дороге они остановились, чтобы выпить по стаканчику.,

Мы сидели в кафе.

“Это необыкновенный бизнес”, - сказал Бретт.

“Будут ли эти последние бороться так же хорошо, как и первые?” - Спросил Роберт Кон. “Они, кажется, очень быстро успокоились”.

“Они все знают друг друга”, - сказал я. “Они опасны только тогда, когда они одни, или когда их двое или трое вместе”.

“Что значит ”опасно”?” спросил Билл. “Они все казались мне опасными”.

“Они хотят убивать, только когда остаются одни. Конечно, если бы ты пошел туда, то, вероятно, отделил бы одного из них от стада, и он был бы опасен”.

“Это слишком сложно”, - сказал Билл. ”Никогда не отделяй меня от стада, Майк”.

“Слушай, - сказал Майк, - это были отличные быки, не так ли? Ты видел их рога?”

“А я - нет”, - сказал Бретт. “Я понятия не имел, какие они”.

“Ты видел, как один из них ударил бычка?” - Спросил Майк. “Это было потрясающе”.

“Быть рулевым - это не жизнь”, - сказал Роберт Кон.

”Ты так не думаешь?” сказал Майк. “Я думал, тебе нравилось быть рулевым, Роберт”.

“Что ты имеешь в виду, Майк?”

“Они ведут такой тихий образ жизни. Они никогда ничего не говорят и постоянно болтаются без дела”.

Мы были смущены. Билл рассмеялся. Роберт Кон разозлился. Майк продолжал говорить.

“Я думал, тебе это понравится. Тебе не придется говорить ни слова. Давай, Роберт. Скажи что-нибудь. Не сиди сложа руки”.

“Я кое-что сказал, Майк. Разве ты не помнишь? О бычках”.

“О, скажи еще что-нибудь. Скажи что-нибудь смешное. Разве ты не видишь , что мы все здесь хорошо проводим время?”

“Перестань, Майкл. Ты пьян”, - сказал Бретт.

‘Я не пьян”. Я совершенно серьезен. Собирается ли Роберт Кон следовать-все время таскал Бретта за собой, как бычка?

- Заткнись, Майкл. Постарайся проявить немного воспитанности.”

- К черту размножение. Да и вообще, у кого есть хоть какое-то потомство, кроме быков? Разве буллы не прелесть? Они тебе не нравятся, Билл? Почему бы тебе не сказать что-нибудь, Роберт? Не сиди здесь с таким видом, как будто ты

чертовы похороны. Что, если Бретт действительно переспала с тобой? Она спала со многими людьми получше тебя.

“Заткнись”, - сказал Кон. Он встал. “Заткнись, Майк”.

- О, не надо вставать и вести себя так, будто ты собираешься меня ударить. Для меня это ничего не изменит. Скажи мне, Роберт. Почему ты ходишь за Бреттом по пятам, как несчастный бычок? Разве ты не знаешь, что ты никому не нужен? Я знаю, когда я никому не нужен. Почему ты не понимаешь, когда тебя не хотят видеть? Вы спустились, чтобы В Сан-Себастьяне, где ты был никому не нужен, и таскался за Бреттом повсюду, как чертов бычок. Как ты думаешь, это правильно?”

- Заткнись. Ты пьян”.

“Возможно, я пьян. Почему ты не пьян? Почему ты никогда не напиваешься, Роберт? Ты знаешь, что не очень хорошо провел

время в Сан-Себастьяне, потому что никто из наших друзей не пригласил тебя ни на одну из вечеринок. Ты вряд ли можешь их винить. Правда? Я попросил их об этом. Они бы этого не сделали. Теперь ты не можешь их винить. Правда? А теперь ответь мне. Можешь ли ты их винить?"

"Иди к черту, Майк".

- Я не могу их винить. Можете ли вы винить их за это? Почему ты следуешь за мной Бретт рядом? У тебя что, совсем нет манер? Как ты думаешь , что я при этом чувствую?"

- Ты прекрасно умеешь говорить о хороших манерах, - сказала Бретт. "У тебя такие прекрасные манеры".

"Да ладно тебе, Роберт", - сказал Билл.

"Зачем ты ходишь за ней по пятам?"

Билл встал и обнял Кона.

"Не уходи", - сказал Майк. "Роберт Кон собирается купить что-нибудь выпить".

Билл ушел с Коном. Лицо Кона было болезненно-бледным. Майк продолжал говорить. Я некоторое время сидел и слушал. На лице Бретта отразилось отвращение.

"Послушай, Майкл, может, ты и не такой уж придурок", - вмешалась она. "Я не говорю, что он не прав, ты же знаешь". Она повернулась ко мне.

В голосе Майка не осталось эмоций. Мы все были друзьями.

"Я не так уж чертовски пьян, как это могло показаться", - сказал он.

"Я знаю, что это не так", - сказал Бретт.

"Никто из нас не трезвый", - сказал я.

“Я не сказал ничего такого, чего не имел бы в виду”.

“Но ты так неудачно выразился”, - рассмеялся Бретт.

“Все же он был задницей. Он приехал в Сан-Себастьян, где его, черт возьми, никто не хотел видеть. Он крутился вокруг Бретт и просто смотрел на нее. Меня от этого чертовски тошнило.

“Он действительно вел себя очень плохо”, - сказал Бретт.

“Запомните это. У Бретт и раньше были романы с мужчинами. Она мне все рассказывает. Она дала мне почитать письма этого парня, Кона. Я бы не стал их читать.

“Чертовски благородно с твоей стороны”.

“Нет, послушай, Джейк. Бретт встречалась с мужчинами. Но они никогда не были евреями, и они не приходили и не болтались рядом после этого”.

“Чертовски хорошие парни”, - сказал Бретт. “Глупо об этом говорить. Мы с Майклом понимаем друг друга”.

“Она дала мне письма Роберта Кона. Я бы не стал их читать”.

“Ты бы не стала читать никаких писем, дорогая. Ты бы не стала читать мои”.

“Я не умею читать письма”, - сказал Майк. “Забавно, не правда ли?”

- Ты ничего не можешь прочитать.

“Нет. Тут ты ошибаешься. Я читаю совсем немного. Я читаю” когда бываю дома.

“Следующим будешь писать ты”, - сказал Бретт. “Давай, Майкл. Соберись с силами. Ты должен пройти через это сейчас. Он здесь. Не порти праздник.

“Ну, тогда пусть он ведет себя прилично”.

“Он будет вести себя хорошо. Я скажу ему”.

“Скажи ему ты, Джейк. Скажите ему, что либо он должен хорошо себя вести, либо…

„ °

ИЗ

144 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

”Да, - сказала я, - было бы здорово, если бы я сказала ему“.

“Послушай, Бретт. Скажи Джейку, как Роберт называет тебя. Это прекрасно, ты знаешь”.

“О, нет. Я не могу”.

“Продолжай. Мы все друзья. Разве мы не друзья, Джейк?”

“Я не могу ему сказать. Это слишком нелепо”.

“Я ему скажу”.

“Ты не сделаешь этого, Майкл. Не будь ослом”.

“Он называет ее Цирцеей”, - сказал Майк. “Он утверждает, что она превращает мужчин в свиней. Чертовски хороша. Хотел бы я быть одним из этих литераторов”.

“Знаешь, он был бы хорош”, - сказал Бретт. “Он написал хорошее письмо”.

“Я знаю”, - сказал я. “Он написал мне из Сан-Себастьяна”.

“Это была ерунда”, - сказал Бретт. “Он может написать чертовски интересное письмо”.

“Она заставила меня написать это. Предполагалось, что она заболела”.

“Я, черт возьми, тоже заболел”.

“Пошли, - сказал я, - нам нужно пойти и поесть”.

“Как мне встретиться с Коном?” - Сказал Майк.

“Просто веди себя так, как будто ничего не случилось”.

“Со мной все в порядке”, - сказал Майк. “Я не смущен”.

“Если он что-нибудь скажет, просто скажи, что вы были близки”.

“Вполне. И самое смешное, что я думаю, что я был близок”.

“Да ладно”, - сказал Бретт. “За эти ядовитые штуки платят? Я должен искупаться перед ужином”.

Мы пересекли площадь. Было темно, и по всей площади горели огни кафе под аркадами. Мы прошли по гравию под деревьями к отелю.

Они поднялись по лестнице, а я остановился, чтобы поговорить с Монтойей.

“Ну, как тебе понравились ”буллз”?” он спросил.

“хорошо. Это были славные бычки.

“С ними все в порядке”, — покачал головой Монтойя, — “но они не слишком хороши”.

- Что тебе в них не понравилось?

“я не знаю. Просто у меня не сложилось впечатления, что они такие уж хорошие”.

“Я понимаю, что ты имеешь в виду”.

“С ними все в порядке”.

“да. С ними все в порядке.”

- Как они понравились твоим друзьям?

“хорошо”.

“Хорошо”, - сказал Монтойя.

Я поднялся наверх. Билл был в своей комнате, стоял на балконе и смотрел на площадь. Я встал рядом с ним.

“Где Кон?”

“Наверху, в своей комнате”.

“Как он себя чувствует?”

“Черт возьми, естественно. Майк был ужасен. Он ужасен, когда пьян”.

“Он не был таким уж пьян”.

“Черт возьми, он не был таким. Я знаю, что мы ели до того, как пришли в кафе”.

“После этого он протрезвел”.

“хорошо. Он был ужасен. Видит бог, мне не нравится Кон, и я думаю, что с его стороны было глупо ехать в Сан-Себастьян, но никто не имеет права говорить так, как Майк”.

“Как тебе ”буллз”?”

“Великолепно. То, как они их преподносят, просто великолепно”.

“Завтра приезжают миуры”.

“Когда начинается фиеста?”

“Послезавтра”.

“Мы должны сделать так, чтобы Майк не был таким тугим. Это отвратительно”

.

“Нам лучше привести себя в порядок к ужину”.

“Да, это будет приятная трапеза”.

“Не так ли?”

146 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

На самом деле, ужин прошел очень приятно. Бретт была в черном вечернем платье без рукавов. Она выглядела очень красиво. Майк вел себя так, словно ничего не случилось. Мне пришлось

подняться и привести вниз Роберта Кона. Роберт Кон был в восторге от этого. Он держался сдержанно и официально, и его лицо все еще было напряженным и желтоватым, но в конце концов он повеселел. Он не мог отвести взгляда от Бретта. Казалось, это делало его счастливым. Должно быть , ему было приятно видеть, как она прекрасно выглядит, и знать, что он был с ней далеко и что все это знают. Этого у него не отнять. Билл был очень забавным. Как и все остальные. Майкл. Им было хорошо вместе.

Это было похоже на некоторые обеды, которые я помню со времен войны. Было много вина, напряжение, которое я не мог скрыть, и ощущение того , что грядут события, которые ты не сможешь предотвратить. Под воздействием вина я избавился от чувства отвращения и был счастлив. Казалось, все они были такими милыми людьми.

Проклятие Грипа,

Я не помню, во сколько легла спать. Я помню, как разделась, накинула халат и вышла на балкон. Я знала, что Я был сильно пьян и, придя домой, включил лампу над изголовьем кровати и начал читать. Я читал книгу Тургенева. Вероятно, я перечитывал одни и те же две страницы по нескольку раз. Это был один из рассказов из “Очерков спортсмена”. Я читал его раньше, но он показался мне совершенно новым. Местность стала очень ясной, и ощущение давления в голове, казалось , ослабло. Я был очень пьян и не хотел закрывать глаза, потому что комната все кружилась и кружилась. Если бы я продолжал читать , это чувство прошло бы.

Я услышал, как Бретт и Роберт Кон поднимаются по лестнице. Кон пожелал им спокойной ночи за дверью и поднялся в свою комнату. Я слышал Бретт пошел в соседнюю комнату. Майк был уже в постели. Он пришел ко мне часом раньше. Он проснулся, когда она вошла, и они поговорили. Я услышала, как они смеются. Я выключила свет и попыталась уснуть. Читать больше не было необходимости . Я могла закрыть глаза, не ощущая, как они кружатся.-

тион. Но я не мог заснуть. Нет никакой причины , по которой из-за темноты вы должны смотреть на вещи иначе, чем при свете дня. Черта с два это не так!

Однажды я все это понял и в течение шести месяцев ни разу не ложился спать с выключенным электрическим светом. Это была еще одна блестящая идея. В любом случае, к черту женщин. К черту тебя, Бретт Эшли.

Женщины заводят таких замечательных друзей. Просто потрясающе. Прежде всего, нужно быть влюбленным в женщину, чтобы иметь основание для дружбы. У меня была подруга Бретт. Я не задумывался о ее отношении к этому. Я получал что-то просто так. Это только задержало представление счета. Счет всегда приходил. Это была одна из замечательных вещей, на которые можно было положиться.

Я думала, что заплатила за все. Не то чтобы женщина платила , и платит, и платит. Не думала о возмездии или наказании. Просто обмен ценностями. Вы от чего-то отказались и получили что-то другое. Или вы работали ради чего-то. Вы каким-то образом заплатили за все , что было хоть сколько-нибудь стоящим. Я заплатил за то, что мне нравилось, чтобы хорошо провести время. Либо вы платили, узнавая о них, либо приобретая опыт, либо рискуя, либо деньгами. Получать удовольствие от жизни - значит научиться извлекать выгоду из своих денег и знать, когда они у вас есть. Вы могли получить за свои деньги выгоду. Мир был хорошим местом для покупки. Это показалось мне прекрасной философией. Через пять лет, подумал я, она будет казаться такой же глупой, как и все остальные прекрасные философии, которые у меня были.

Хотя, возможно, это было неправдой. Возможно, со временем вы чему-то научились. Мне было все равно, о чем идет речь. Все Я хотел знать, как в этом жить. Может быть, если бы вы узнали, как в этом жить, вы бы поняли, о чем идет речь.

Однако мне хотелось, чтобы Майк не вел себя так ужасно по отношению к Кону. Майк был плохим пьяницей. Бретт был хорошим пьяницей. Билл был хорошим пьяницей. Кон никогда не был пьян. Майк становился неприятным, когда переходил

определенную грань. Мне нравилось видеть, как он обижал Кона. Я хотел, чтобы он

но я бы этого не сделал, потому что потом это вызывало у меня отвращение к самому себе. Это была мораль; то, что вызывало у вас отвращение потом. Нет, это, должно быть, безнравственность. Это было громкое заявление. Что за чушь я мог придумать за ночь. Что за чушь, - услышал я слова Бретта. Что за чушь! Когда вы занимались английским , у вас вошло в привычку использовать английские выражения, думая , что в английском разговорном языке - во всяком случае, в высших классах — должно быть меньше слов, чем в эскимосском. Конечно, я ничего не знал об эскимосском. Возможно, эскимосский был прекрасным языком. Скажем, чероки. Я ничего не знал об этом И чероки тоже. Англичане говорили с помощью измененных фраз. Одна фраза, означающая все. Хотя они мне нравились. Мне понравилось, как они разговаривали. Возьмем Харриса. И все же Харрис не принадлежал к высшему классу.

Я снова включил свет и стал читать. Я прочитал Тургенева. Я знал, что сейчас, читая это в состоянии повышенной чувствительности после слишком большого количества бренди, я где-то вспомню это, и потом мне будет казаться, что это действительно случилось со мной. Это всегда будет со мной. Это была еще одна хорошая вещь, за которую ты заплатил , а потом получил. Где-то ближе к рассвету я заснул.

Следующие два дня в Памплоне прошли спокойно, и скандалов больше не было. Город готовился к празднику. Рабочие установили столбы для ворот, которые должны были перекрыть боковые улочки, когда быков выпускали из загонов и они бежали по улицам утром, направляясь на арену. Рабочие выкопали ямы и установили бревна, каждое из которых было пронумеровано и соответствовало своему обычному месту. На плато за городом они-участники корриды тренировали пикадорских лошадей, гоняя их на негнущихся ногах галопом по твердым, выжженным солнцем полям за ареной для корриды. Большие ворота арены

для корриды были открыты, и внутри амфитеатра вовсю подметали. Кольцо было раскатано и посыпано песком, а плотники заменили ослабевшие или треснувшие доски в ограждении.

150 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

Стоя на краю ровного песчаного поля, вы могли бы посмотреть на пустые трибуны и увидеть, как пожилые женщины подметают ящики.

Снаружи забор, который вел от последней улицы городка ко входу на арену для боя быков, был уже установлен и образовывал длинный загон; утром в день первого боя быков толпа сбегалась вниз, увлекая за собой быков. На другой стороне равнины, где должна была состояться ярмарка лошадей и крупного рогатого скота, несколько цыган разбили лагерь под деревьями. Продавцы вина и агуарди устанавливали свои палатки. На одной из палаток была реклама АНИС ДЕЛЬ Торо. Полотняная вывеска висела на досках под палящим солнцем. На большой площади, которая была центром города, пока ничего не изменилось. Мы сидели в белых плетеных креслах на террасе кафе и смотрели, как подъезжают автобусы и выгружают крестьян из сельской местности, направляющихся на рынок, и мы смотрели, как автобусы наполняются и уезжают, а в них сидят крестьяне с седельными сумками, полными купленных ими вещей в городе. Высокие серые автобусы были единственным источником жизни на площади, если не считать голубей и человека со шлангом, который поливал из шланга разукрашенную площадь и улицы.

Вечером был пасео. В течение часа после ужина все - все красивые девушки, офицеры гарнизона, все светские люди города - прогуливались по улице на одной стороне площади, в то время как столики кафе заполнялись обычной послеобеденной толпой.

Утром я обычно сидел в кафе и читал газету. Мадридские газеты, а затем прогуливался по городу или выезжал за границу. Иногда Билл присоединялся к нам. Иногда он писал в своей комнате. Роберт Кон проводил утро, изучая испанский или пытаясь побриться в парикмахерской. Бретт и Майк никогда не вставали раньше полудня. Мы все пили вермут в кафе. Это была спокойная жизнь , и никто не напивался. Я пару раз ходил в церковь, один раз с Бретт. Она сказала, что хочет послушать, как я исповедуюсь, но я сказал

она сказала, что это не только невозможно, но и не так интересно , как кажется, и, кроме того, это будет на языке, которого она не знает. Мы встретили Кона, когда выходили из церкви, и хотя было очевидно, что он последовал за нами, все же он был очень любезен, и мы все трое отправились прогуляться к цыганскому табору, и Бретт погадала.

Было прекрасное утро, над горами висели высокие белые облака . Ночью прошел небольшой дождь, и на плато было свежо и прохладно, а вид открывался чудесный. Мы все чувствовали себя хорошо, и мы чувствовали себя здоровыми, и я по-дружески относился к Кону. В такой день нельзя было из-за чего-то расстраиваться.

Это был последний день перед фиестой.

ГЛАВА XV

В полдень воскресенья, 6 июля, праздник взорвался. По -другому это не описать. Весь день люди приезжали из деревни, но они растворились в городе, и вы их не замечали. Под палящим солнцем на площади было так же тихо, как и в любой другой день. Крестьяне собрались в близлежащих винных лавках. Там они пили, готовясь к празднику. Они так недавно пришли сюда с равнин и холмов, что было необходимо, чтобы их ценности менялись постепенно. Они не могли начать с оплаты в кафе. Они зарабатывали свои деньги в винных лавках. Деньги по-прежнему имели определенную ценность в отработанных часах и проданных бушелях зерна. В конце праздника не имело значения, сколько они заплатили и где купили.

Теперь, в день начала праздника Сан-Фермин , они с раннего утра сидели в винных лавках на узких улочках города . Проходя утром по улицам по пути на мессу в кафедральный собор, я услышал, как они поют через открытые двери магазинов. Они разминались. “Там были

на одиннадцатичасовой мессе много народу. Сан-Фермин - это тоже религиозный праздник.

Я спустился с холма от собора и прошел по улице до кафе на площади. Было незадолго до полудня. Роберт Кон и Билл сидели за одним из столиков. Столики с мраморными столешницами и белые плетеные стулья исчезли. Их заменили чугунные столы и тяжелые складные стулья. Кафе напоминало боевой корабль, готовый к бою. Сегодня официанты все утро не оставляли вас наедине с книгой, не спросив, не хотите ли вы что-нибудь заказать. Как только я сел, подошел официант.

“Что вы пьете?” Я спросил Билла и Роберта.

“Шерри”, - сказал Кон.

- Херес, - сказал я официанту.

Прежде чем официант принес херес , на площади взлетела ракета, возвещавшая о начале фиесты. Она взорвалась, и высоко над театром Гайарре, на другой стороне площади, поднялся серый клуб дыма. Клуб дыма повис в небе, как от взрыва шрапнели, и пока я наблюдал, к нему подлетела еще одна ракета , в ярком солнечном свете из нее струился дым. Я увидел яркую вспышку, когда она взорвалась, и появилось еще одно маленькое облачко дыма. К тому времени , когда взорвалась вторая ракета, в зале, который минуту назад был пуст, собралось столько народу, что официант, держа бутылку высоко над головой, с трудом пробрался сквозь толпу к нашему столику. Люди стекались на площадь со всех сторон, и мы услышали, как с улицы доносятся звуки дудок, флейт и барабанов. Они играли музыку “риау-риау”, пронзительно звучали дудки и били барабаны, а за ними шли танцующие мужчины и мальчики. Когда флейтисты смолкли, все на улице присели на корточки, а когда зазвучали тростниковые дудки и флейты и снова заиграли плоские, сухие, глухие барабаны, все они поднялись в воздух, танцуя. В толпе можно было разглядеть только головы и плечи

из танцующих, поднимающихся и опускающихся вниз.

154 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

На площади мужчина, согнувшись, играл на тростниковой дудочке, а толпа детей с криками бежала за ним и дергала его за одежду. Он вышел с площади, дети последовали за ним, и повел их мимо кафе в переулок. Мы видели его рябое лицо, когда он проходил мимо, что-то напевая, а дети , шедшие за ним по пятам, кричали и тянули его за руку.

“Он, должно быть, деревенский дурачок”, - сказал Билл. “Боже мой! только посмотрите на это!”

По улице шли танцоры. Улица была заполнена танцорами, сплошь мужчинами. Все они танцевали в такт своим флейтистам и барабанщикам. Это был какой-то клуб, и все они были одеты в синие рабочие халаты и красные платки на шее, и несли большое знамя на двух шестах. Знамя танцевало вверх и вниз вместе с ними, когда они спускались вниз , окруженные толпой.

“Да здравствует вино! Да здравствуют иностранцы!” - было написано на баннере.

“Где иностранцы?” Спросил Роберт Кон.

“Мы иностранцы”, - сказал Билл.

Все это время взлетали ракеты. Все столики в кафе были уже заняты. Площадь опустела, и толпа заполнила кафе.

”Где Бретт и Майк?” Спросил Билл.

“Я пойду и приведу их”, - сказал Кон.

“Приведи их сюда”.

Праздник был в самом разгаре. Он продолжался день и ночь в течение семи дней. Танцы продолжались, выпивка продолжалась, шум продолжался. То, что произошло, могло произойти только во время праздника. В конце концов, все стало совершенно нереальным, и казалось, что ничто не может иметь никаких последствий. Казалось неуместным думать о последствиях во время фиесты. На протяжении всей фиесты, даже когда было тихо, у тебя было чувство, что ты должен

выкрикивайте любое замечание, чтобы его услышали. Это было то же самое чувство , что и при любом действии. Это был праздник, и он продолжался семь дней.

В тот день после полудня состоялась большая религиозная процессия. Церковь Святого Фермина была перенесена из одной церкви в другую. В процессии участвовали все высокопоставленные лица, как гражданские, так и религиозные. Мы не могли их видеть , потому что толпа была слишком велика. Впереди официальной процессии и позади нее танцевали танцоры “риау-риау”. В толпе танцевала одна масса людей в желтых рубашках. Все, что мы могли видеть из процессии, пробиравшейся сквозь толпу, заполонившую все боковые улочки и бордюры, - это огромных гигантов, индейцев из табачных лавок, тридцати футов ростом, мавров, короля и королеву, которые торжественно кружились и вальсировали под “риау-риау”.

Все они стояли перед часовней, куда вошли Святой Фермин и сановники, оставив охрану из солдат, гигантов, с танцующими в них человечками, стоявшими рядом со своими неподвижными рамами, и карликов, двигавшихся сквозь толпу со своими ударными пузырями . Мы вошли внутрь, и там запахло ладаном, и люди потянулись обратно в церковь, но Бретт остановили прямо в дверях, потому что у нее не было шляпы, поэтому мы снова вышли и пошли по улице, которая вела от часовни обратно в город. По обеим сторонам улицы выстроились люди, которые ждали возвращения процессии. Несколько танцоров окружили Бретт и начали танцевать. На шеях у них были большие венки из белой чеснока. Они взяли Нас с Биллом взяли за руки и поставили в круг. Билл тоже начал танцевать. Они все скандировали. Бретт хотела танцевать, но они не хотели, чтобы она танцевала. Они хотели, чтобы она была образом , вокруг которого можно танцевать. Когда песня закончилась резким “риавриау!” они затолкали нас в винную лавку.

Мы стояли у стойки. Они усадили Бретта на винный бочонок. В винной лавке было темно и полно мужчин, которые пели, сильно-звонкое пение. За прилавком, из которого они доставали вино.

бочки. Я положил деньги за вино, но один из мужчин поднял их и положил обратно мне в карман.

“Я хочу кожаную бутылку для вина”, - сказал Билл.

“Дальше по улице есть одно заведение”, - сказал я. ”Я схожу за парой”.

Танцоры не хотели, чтобы я уходил. Трое из них сидели на высоком бочонке с вином рядом с Бретт и учили ее пить из мехов. Они повесили ей на шею венок из веток чеснока . Кто-то настоял на том, чтобы подать ей бокал. Кто -то учил Билла песенке. Напевая ее ему на ухо. Отбивая такт на спине Билла.

Я объяснил им, что вернусь. Мы вышли на улицу. Я пошел по улице в поисках магазина, где делают кожаные бутылки для вина. Толпа запрудила тротуары, многие магазины были закрыты ставнями, и я не смог ее найти. Я дошел до церкви, осматривая обе стороны улицы. Затем я спросил об этом у мужчины, и он взял меня за руку и повел к ней. Ставни были подняты, но дверь открыта.

Внутри пахло свежей дубленой кожей и горячим дегтем. Мужчина раскрашивал по трафарету готовые мехи для вина. Они свисали с крыши целыми пучками. Он снял один из них, надул, плотно прикрутил насадку и запрыгнул на него.

“Видишь! Он не течет”.

“Я тоже хочу другой. Большой”.

Он снял с крыши большой мех, вмещавший галлон или больше . Он надул его, раздувая щеки , как мех для вина, и встал на боту, держась за стул.

“Что ты собираешься делать? Продаешь их в Байонне?”

“Нет. Пей из них”.

Он хлопнул меня по спине.

“Хороший парень. Восемь песет за двоих. Самая низкая цена”.

Мужчина, который рисовал новые и складывал их в стопку, остановился.

“Это правда”, - сказал он. “Восемь песет - это дешево”.

ВТОРНИК (МАЙ), 1979 С тех пор я не видел в сети ни одного человека, который бы не пострадал. Честно говоря, эти плюшевые мишки всегда казались очень милыми. Н желчь 04, га т. е. ви ВАД все одним Эде Коти Западно-те кот сегодня водонепроницаемые, Фе в ных ЦВЕ ПД Хе Се 0 wieterbioes тонну выиграл, один скрыть

. тег WP ОК agquish 2 Ву те мудрые Эх, рыть. ГТ ВСК СФ Эс еее.

“НР конгресс Вт ч че tcanteah вас литника,

Т.е. 9-е место, расположенное на другом конце

- Да, ты ПРАВ. - Давай заканчивай“ Вот тебе и мои пожелания. Я бы съел 20 таких же желчных собачек, как ты. Они подписывают соглашения

очень жаль, что ты так рано ушел из жизни | 2 месяца назад |

“Сак он такой”. “Мокрые дела: Смотри дальше Мы видели, как он был одет в такие же штаны, как у этих головорезов. Энергия в 2 раза больше, чем в вине.

Уд, купол втайне горит, мы уже идем на посадку.

“Это не шествие?” Спросил Майк.

“Ничего”, - сказал кто-то. “Это ерунда. Выпей. Подними бутылку”.

“Где они тебя нашли?” Я спросил Майка.

“Кто-то привел меня сюда”, - сказал Майк. “Они сказали, что ты здесь”.

“Где Кон?”

“Он без сознания”, - позвал Бретт. “Они его куда-то упрятали ”.

“Где он?”

“Я не знаю”.

“Откуда нам знать”, - сказал Билл. “Я думаю, он мертв”.

“Он не мертв”, - сказал Майк. “Я знаю, что он не умер. Он просто отключился после ”Анис дель Моно”.

Когда он сказал “Анис дель Моно”, один из мужчин за столом поднял голову, достал из-за пазухи бутылку и протянул ее мне.

“Нет”, - сказал я. “Нет, спасибо!”

“да. Да. Арриба! Хватай бутылку!”

Я сделала глоток. У напитка был привкус лакрицы, и он согревал меня всю дорогу. Я почувствовал, как у меня потеплело в животе.

- Где, черт возьми, Кон?

- Я не знаю, - сказал Майк. - Я спрошу. Где тот пьяный товарищ? - спросил он по-испански.

- Ты хочешь его видеть?

“Да”, - сказал я.

“Не я”, - сказал Майк. ”Этот джентльмен”.

Анис дель Моно вытер рот и встал.

”Пошли”.

В задней комнате на винных бочках спокойно спал Роберт Кон.

Было слишком темно, чтобы разглядеть его лицо. Они завернули его в пальто, а другое пальто, свернутое, подложили ему под голову. На шее и груди у него был большой венок из витого чеснока,

“Пусть он поспит”, - прошептал мужчина. ”С ним все в порядке”.

Два часа спустя появился Кон. Он вошел в гостиную , все еще с венком из чеснока на шее. Испанцы закричали, когда он вошел. Кон вытер глаза и ухмыльнулся.

“Я, должно быть, спал”, - сказал он.

“О, вовсе нет”, - сказал Бретт.

“Ты был всего лишь мертв”, - сказал Билл.

- Разве мы не собираемся пойти поужинать? Спросил Кон.

- Ты хочешь есть?

“да. Почему нет? Я проголодался.

- Съешь этот чеснок, Роберт, - сказал Майк. “ Послушай. Съешь этот чеснок”.

Там стоял Кон. После сна он пришел в себя.

“Пойдем поедим”, - сказал Бретт. “Мне нужно принять ванну”.

“Пошли”, - сказал Билл. “Давайте отвезем Бретта в отель”.

Мы попрощались со многими людьми, пожали им руки и вышли. На улице было темно.

“Как вы думаете, который час?” Спросил Кон.

“Это завтра”, - сказал Майк. “Ты проспал два дня”.

“Нет, - сказал Кон, “ который час?”

“Сейчас десять часов”.

“Сколько же мы выпили”.

- Ты имеешь в виду, как много мы выпили. Ты пошел спать.

Спускаясь по темным улицам к отелю, мы увидели , как на площади взлетают ракеты. Пройдя по боковым улочкам, ведущим к площади, мы увидели, что площадь заполнена людьми, все, кто находился в центре, танцевали.

В отеле был большой ужин. Это был первый ужин, цены на который были удвоены в честь фиесты, и было несколько новых блюд. После ужина мы отправились в город. Помню, я решил , что не буду спать всю ночь, чтобы посмотреть , как в шесть часов утра по улицам будут проезжать быки, и мне так хотелось спать, что я лег спать около четырех часов. Остальные не ложились спать.

160 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

Моя собственная комната была заперта, и я не мог найти ключ, поэтому поднялся наверх и лег спать на одной из кроватей в комнате Кона. Ночью на улице продолжалась фиеста, но я был слишком сонным , чтобы не заснуть из-за нее. Когда я проснулся, раздался звук взрыва ракеты , который возвестил о выходе “буллз ” из кордона на окраине города. Они носились наперегонки по улицам и выходили на корриду. Я крепко спал и проснулся с ощущением, что опоздал. Я накинул пальто Кона и вышел на балкон. Узкая улочка внизу была пуста. Все балконы были забиты людьми. Внезапно на улице появилась толпа . Все бежали, тесно прижавшись друг к другу. Они прошли вдоль улицы и направились вверх по направлению к арене для боя быков, а за ними появилось еще больше людей, которые бежали быстрее, а затем и несколько отставших , которые действительно бежали. Позади них было небольшое пустое пространство, а затем быки понеслись галопом, мотая головами вверх и вниз. Все это скрылось из виду за углом. Один человек упал, скатился в канаву и затих. Но быки продолжали свой путь и не заметили его. Они бежали все вместе.

После того, как они скрылись из виду, с корриды донесся оглушительный рев. Он продолжался. Затем, наконец, раздался хлопок ракеты, означавший , что быки прорвались сквозь толпу на ринге в загоны. Я вернулся в комнату и лег в постель. Я стоял на каменном балконе босиком. Я знал, что вся наша компания , должно быть, была на тренировке по буллингу. Вернувшись в постель, я заснул.

Кон разбудил меня, когда вошел. Он начал раздеваться, подошел и закрыл окно, потому что люди с балкона дома напротив заглядывали внутрь.

“Ты видел шоу?” Я спросил.

“да. Мы все были там”.

“Кто-нибудь пострадал?”

“Один из быков врезался в толпу на ринге и повалил шесть или восемь человек”.

“Как понравилось Бретту?”

“Все произошло так неожиданно, что не было времени никого беспокоить”.

“Жаль, что я не встал”.

“Мы не знали, где ты был. Мы пошли в твою комнату, но она была заперта”.

“Где ты ночевал?”

“Мы танцевали в каком-то клубе”.

“Спать захотелось”, - сказал я.

“Боже мой! Я уже хочу спать”, - сказал Кон. “Это когда-нибудь прекратится?”

“Еще неделю не прекратится”.

Билл открыл дверь и просунул голову внутрь.

“Где ты был, Джейк?”

“Я видел, как они выходили с балкона. Как все прошло?”

“Великолепно”.

“Куда ты идешь?”

“Спать”.

До полудня никто не вставал. Мы ели за столиками, установленными под аркадой. В городе было полно народу. Нам пришлось подождать, пока освободится столик. После обеда мы отправились в “Ируфию”. Зал был переполнен, а когда подошло время боя быков, народу стало еще больше, и столики придвинулись ближе. В зале стоял такой же гул, как и каждый день перед боем быков. В кафе не было такого шума , как в любое другое время, независимо от того, насколько там было многолюдно. Этот гул продолжался, и мы были его частью.

Я занял шесть мест на все бои. Трое из них были баррерасами, в первом ряду со стороны ринга, и еще трое - собрепуэртос, сиденьями с деревянными спинками, расположенными на полпути к амфитеатру. Майк решил, что Бретт в первый раз лучше сесть повыше, и Кон захотел посидеть с ними. Мы с Биллом собирались посидеть в “баррерас”, и я отдал лишний билет официанту, чтобы он его продал. Билл что-то сказал Кону о том, что нужно делать и как выглядеть, чтобы он

я бы не возражал против лошадей. Билл видел один сезон боев быков.

“Я не беспокоюсь о том, как я это выдержу. Я только боюсь, что мне может быть скучно”, - сказал Кон.

“Вы так думаете?”

“Не смотри на лошадей после того, как бык ударит их”, - сказал я Бретту. “Следи за атакой и смотри, как пикадор пытается отогнать быка, но потом не смотри снова, пока лошадь не умрет, если в нее попали”.

“Я немного нервничаю из-за этого”, - сказал Бретт. “Я беспокоюсь, будет ли Я смогу с этим справиться, и все будет в порядке”.

- С тобой все будет в порядке. Тебя не будет беспокоить ничего, кроме этой лошадиной игры, а с каждым быком они занимаются всего по несколько минут . Только не смотри, когда ему плохо.

“С ней все будет в порядке”, - сказал Майк. “Я присмотрю за ней”.

- Не думаю, что тебе будет скучно, - сказал Билл.

- Я схожу в отель за бокалами и мехом для вина, ” Я сказал. - Увидимся здесь. Не смотри на меня косо.

- Я пойду с вами, - сказал Билл. Бретт улыбнулся нам.

Мы обошли зал игровых автоматов, чтобы избежать жары на площади.

- Этот Кон меня достал, - сказал Билл. “В нем настолько сильно еврейское превосходство , что он думает, что единственной эмоцией, которую он получит от боя , будет скука”.

“Мы будем наблюдать за ним в бинокль”, - сказал я.

“Да ну его к черту!”

“Он проводит там много времени”.

“Я хочу, чтобы он остался там”.

В отеле на лестнице мы встретили Монтойю.

“Пойдем”, - сказал Монтойя. “Хочешь познакомиться с Педро Ромеро?”

“Отлично”, - сказал Билл. “Пойдем, посмотрим на него”.

Мы последовали за Монтойей вверх по лестнице и дальше по коридору.

“Он в комнате номер восемь”, - объяснил Монтойя. ”Он одевается для боя быков”.

Монтойя постучал в дверь и открыл ее. Это была мрачная комната, в которую из окна, выходившего на узкую улицу, проникало немного света. Там стояли две кровати, разделенные перегородкой. Горел электрический свет. Мальчик стоял очень прямо и без улыбки, одетый в костюм для боя быков. Его пиджак висел на спинке стула. Они как раз заканчивали завязывать его пояс. Его черные волосы блестели в электрическом свете. На нем была белая льняная рубашка , и фехтовальщик, закончив завязывать пояс, встал и отступил назад. Педро Ромеро кивнул, когда мы пожали друг другу руки, и выглядел очень отстраненным и полным достоинства. Монтойя сказал что-то о том, какие мы большие поклонники, и что мы хотели бы пожелать ему удачи. Ромеро слушал очень серьезно. Затем он повернулся ко мне. Он был самым красивым мальчиком, которого я когда-либо видела.

“Ты ходишь на бой быков”, - сказал он по-английски.

“Ты знаешь английский”, - сказала я, чувствуя себя идиоткой.

“Нет”, - ответил он и улыбнулся.

Один из трех мужчин, сидевших на кроватях, подошел к нам и спросил, говорим ли мы по-французски. “Хотите, я переведу для вас? Вы хотели бы о чем-нибудь спросить Педро Ромеро?”

Мы поблагодарили его. О чем бы вы хотели спросить? Мальчику

было девятнадцать лет, он был один , если не считать своего фехтовальщика и трех прихлебателей, а бой быков должен был начаться через двадцать минут. Мы пожелали ему счастливого пути, пожали руки и вышли. Когда мы закрывали дверь, он стоял, прямой и красивый, совершенно один в комнате, в окружении своих прихлебателей

.

“Он хороший парень, ты так не думаешь?” Спросил Монтойя.

“Он симпатичный парень”, - сказал я.

“Он похож на тореро”, - сказал Монтойя. “У него такой типаж”.

“Он хороший мальчик”.

164 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Посмотрим, каков он на ринге”, - сказал Монтойя.

Мы нашли большую кожаную бутылку вина, прислоненную к стене в моей комнате, взяли ее и бинокль, заперли дверь и спустились вниз.

Это был отличный бой быков. Мы с Биллом были в восторге от Педро Ромеро. Монтойя сидел примерно в десяти местах от нас. После Ромеро убил своего первого быка, Монтойя поймал мой взгляд и кивнул головой. Это был настоящий бык. Настоящего быка не было уже давно. Из двух других матадоров один был очень красивым, а другой - вполне сносным. Но с Ромеро не было никакого сравнения , хотя ни один из его быков не был выдающимся.

Во время боя быков я несколько раз поднимал глаза на Майка и Бретта и Кона в очках. С ними, казалось, все было в порядке. Бретт не выглядел расстроенным. Все трое стояли, облокотившись на бетонные перила перед собой.

- Позвольте, я возьму стаканы, - сказал Билл.

- У Кона скучающий вид? Я спросил.

“Этот жид!”

За пределами ринга, после окончания боя быков, вы не могли передвигаться в толпе. Мы не смогли пробиться сквозь толпу, и нам пришлось тащиться вместе со всем этим медленно, как по леднику, обратно в город. У нас было то тревожное эмоциональное состояние, которое всегда возникает после боя быков, и чувство восторга, которое приходит после хорошего боя быков. Фиеста продолжалась. Стучали барабаны , звучала пронзительная музыка на свирелях, и повсюду поток толпы нарушали группы танцоров. Танцоры были в толпе, поэтому вы не видели замысловатой игры ног. Все, что вы видели, - это головы и плечи, которые поднимались и опускались, поднимались и опускались. Наконец, мы выбрались из толпы и направились в кафе. Официант поставил стулья для остальных, и мы заказали по абсенту, наблюдая за толпой на площади и танцорами.

“Как вы думаете, что это за танец?” - спросил Билл.

“Это что-то вроде джоты”.

“Они не все одинаковые”, - сказал Билл. “Они танцуют по-разному под разные мелодии”.

“Это шикарные танцы”.

Прямо перед нами на свободном участке улицы танцевала компания мальчиков . Па были очень замысловатыми, а лица у них были сосредоточенные. Танцуя, они все смотрели вниз . Их туфли на веревочной подошве стучали и шлепали по асфальту. Пальцы ног соприкасались. Пятки соприкасались. Подушечки ступней соприкасались. Затем музыка резко оборвалась, танец закончился , и все они, танцуя, двинулись дальше по улице.

- А вот и джентльмены, - сказал Билл.

Они переходили улицу.

“ Привет, мужчины, - сказал я.

- Привет, джентльмены! - сказал Бретт. - Вы заняли для нас места? Как мило.

“Я бы сказал, - сказал Майк, - что Ромеро, как его там, - это кто-то особенный. Я не прав?”

“О, какой же он милый”, - сказала Бретт. “И эти зеленые брюки”.

“Бретт не сводила с них глаз”.

“Я говорю, что мне нужно одолжить у вас завтра очки”.

“Как все прошло?”

“Чудесно! Просто великолепно. Я говорю, это зрелище!”

“А как насчет лошадей?”

“Я не мог не посмотреть на них”.

“Она не могла оторвать от них глаз”, - сказал Майк. - Она необыкновенная девушка.

- С ними действительно случаются довольно ужасные вещи, - сказал он. - Спросила Бретт. - Но я не мог отвести взгляд.

“Ты хорошо себя чувствовал?”

“Я совсем не чувствовал себя плохо”.

“Роберт Кон чувствовал”, - вставил Майк. “Ты был совсем зеленым”, Роберт”

“Первая лошадь действительно беспокоила меня”, - сказал Кон.

- Тебе ведь не было скучно, правда? - спросил Билл.

166 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

Кон рассмеялся.

“Нет. Мне не было скучно. Надеюсь, ты простишь меня за это.

- Все в порядке, - сказал Билл, - главное, чтобы тебе не было скучно.

“Он не выглядел скучающим”, - сказал Майк. “Я подумал, что ему будет плохо”.

“Я никогда не чувствовал себя так плохо. Это длилось всего минуту”.

“Я подумал, что ему будет плохо. Тебе ведь не было скучно, Роберт?”

“Перестань, Майк. Я же сказал, что сожалею о своих словах”.

“Он был таким, знаешь ли. Он был просто зеленым юнцом”.

“Да брось ты это, Майкл”.

- Ты никогда не должен скучать на своем первом бое быков, Роберт, - сказал он. - Сказал Майк. - Из-за этого может возникнуть такая неразбериха.

- Да брось ты это, Майкл, - сказала Бретт.

“Он сказал, что Бретт был садистом”, - сказал Майк. “Бретт не садистка. Она просто милая, здоровая девушка”.

“Ты садистка, Бретт?” Я спросил.

- Надеюсь, что нет.

“Он сказал, что Бретт была садисткой только потому, что у нее хороший, здоровый желудок”,

“Она долго не протянет”.

Билл заставил Майка заняться чем-то другим, кроме Кона. Официант принес бокалы с абсентом.

“Тебе правда понравилось?” Билл спросил Кона.

“Нет, я не могу сказать, что мне понравилось. Я думаю, что это замечательное шоу”.

“Боже, да! Какое зрелище!” - сказал Бретт.

“Лучше бы у них не было сцены с лошадьми”, - сказал Кон.

“Это не так уж важно”, - сказал Билл. “Через некоторое время ты уже не замечаешь ничего отвратительного”.

“В начале он немного крепкий”, - сказал Бретт. “ Для меня наступает ужасный момент, когда бык бросается на лошадь”.

“Быки были великолепны”, - сказал Кон.

“Они были очень хороши”, - сказал Майк.

”В следующий раз я хочу посидеть внизу”. Бретт отпила из своего бокала абсента.

“Она хочет посмотреть на тореадоров поближе”, - сказал Майк.

“Они - это нечто”, - сказала Бретт. “Этот Ромеро еще совсем ребенок”.

“Он чертовски красивый мальчик”, - сказал я. “Когда мы были у него в комнате, я никогда не видел более красивого ребенка”.

“Как ты думаешь, сколько ему лет?”

“Девятнадцать или двадцать”.

“Только представьте себе это”.

Борьба на второй день была намного лучше, чем в первый. Бретт сидел между Майком и мной на баррере, а Билл и Кон поднялись выше. Ромеро был целым шоу. Я не думаю, что Бретт видел любого другого тореадора. Никто другой тоже этого не делал, за исключением техников с твердым характером. Во всем виноват

Ромеро. Было еще два матадора, но они не в счет. Я сидел рядом с Брет и экс-объяснивших Бретт, в чем дело. Я рассказал ей о том, как наблюдал за быком, а не за лошадью, когда быки атаковали пикадоров, и заставил ее понаблюдать за тем, как пикадор направляет острие своего пикадора, чтобы она увидела, что все это значит, чтобы это стало скорее чем-то , что происходит с определенной целью, и в меньшей степени зрелище, полное необъяснимых ужасов. Я попросил ее посмотреть, как Ромеро своим плащом отвел быка от упавшей лошади, как он держал его за плащ и поворачивал, плавно и учтиво, не теряя времени даром. Она видела, как Ромеро избегал резких движений и приберегал своих соперников напоследок, когда они были ему нужны, не запыхавшись и не растерявшись, а плавно измотавшись. Она видела, как близко Ромеро всегда работал на опережение, и я показал ей приемы, которые использовали другие тореадоры, чтобы создать впечатление, что они работают в тесном контакте. Она поняла, почему ей нравится работа Ромеро в масках и почему ей не нравятся другие.

Ромеро никогда не выкручивался, его движения всегда были прямыми, чистыми и естественными. Остальные извивались, как пробки-

самцы, подняв локти, облокотились на бока быка после того, как его рога прошли мимо, чтобы создать видимость опасности. Впоследствии все, что было подделано, испортилось и вызвало неприятное ощущение. Бой быков Ромеро вызывал настоящие эмоции, потому что он сохранял абсолютную чистоту линий в своих движениях и всегда тихо и невозмутимо пропускал рога мимо себя. Ему не нужно было подчеркивать их близость. Бретт видел, как то, что было красиво сделано рядом с быком, выглядело нелепо, если сделать это немного в стороне. Я рассказал ей, что после смерти Хоселито все тореадоры разрабатывали технику, которая имитировала эту видимость опасности, чтобы вызвать поддельные эмоции, в то время как на самом деле тореадор был в безопасности. У Ромеро была старая привычка - сохранять чистоту линий при максимальной выдержке, в то время как он доминировал над быком, давая ему понять, что он недосягаем, и готовил его к убийству.

“Я никогда не видел, чтобы он делал что-то неловкое”, - сказал Бретт.

“Ты этого не сделаешь, пока он не испугается”, - сказал я.

“Он никогда не испугается”, - сказал Майк. “Он чертовски много знает”.

“Он знал все, когда начинал. Другие никогда не смогут узнать, с чем он родился.

- И, Боже, как он выглядит, - сказал Бретт.

- Знаешь, я не верю, что она влюбилась в этого парня-тореадора, - сказал Майк.

“ Я бы не удивился.

“Будь хорошим парнем, Джейк. Не рассказывай ей больше ничего о нем. Расскажи ей, как они избивают своих престарелых матерей”.

“Расскажи мне, какие они пьяницы”.

“О, ужас”, - сказал Майк. “Целыми днями пьяны и тратят все свое

время на избиение своих бедных старых матерей”.

“Он так выглядит”, - сказал Бретт.

“Не так ли?” Я сказал.

Они привязали мулов к мертвому быку, а затем взялись за кнуты

раздался треск, люди побежали, мулы рванулись вперед, отталкиваясь ногами, и перешли на галоп, а бык, подняв один рог и склонив голову набок, плавно пронесся по песку к красным воротам.

“Этот следующий - последний”.

“Не совсем”, - сказала Бретт. Она наклонилась вперед, опираясь на ограждение. Ромеро махнул своим пикадорам, чтобы они заняли свои места, затем встал, прижав плащ к груди, и посмотрел через арену туда, где должен был появиться бык.

Когда все закончилось, мы вышли на улицу и оказались в плотной толпе.

“Эти бои быков - сущий ад”, - сказал Бретт. “Я вялый, как тряпка”.

“О, ты получишь выпивку”, - сказал Майк.

На следующий день Педро Ромеро не участвовал в бою. Это были “быки Миуры”, и бой быков был очень плохой. На следующий день бой быков не был запланирован. Но фиеста продолжалась весь день и всю ночь.

ГЛАВА XVI

Утром шел дождь. С моря на горы опустился туман . Вершин гор не было видно. Плато было унылым и мрачным, очертания деревьев и домов изменились. Я вышел за город, чтобы

посмотреть на погоду. Непогода надвигалась из-за гор с моря.

Флаги на площади свисали мокрыми с белых шестов, и транспаранты были мокрыми и висели мокрыми на фасадах домов, а в перерывах между непрерывным моросящим дождем хлынул дождь, загнавший всех под арки, и на площади образовались лужи воды , и улицы стали мокрыми, темными и пустынными и все же фиеста продолжалась без какой-либо паузы. Его везли только под прикрытием.

Крытые трибуны арены для боя быков были переполнены людьми, которые сидели, укрываясь от дождя, и наблюдали за выступлением баскских и наваррских танцоров и певцов, а затем танцоры из Валь-Карлоса в своих костюмах танцевали по улице под дождь, барабаны звучали глухо и сыро, а руководители оркестров ехали верхом на лошадях. впереди на своих больших, тяжело ступающих лошадях, в мокрых костюмах,

шерсть лошадей промокла под дождем. В кафе было полно народу, и танцоры тоже пришли и уселись, спрятав под столиками свои белые ноги в туго обмотках , стряхивая воду со своих шапочек с колокольчиками и развешивая красные и фиолетовые куртки на стульях для просушки. На улице шел сильный дождь. ‘

Я отошел от толпы в кафе и направился в отель, чтобы побриться перед ужином. Я брился в своем номере, когда раздался стук в дверь.

“Войдите”, - позвал я.

Вошел Монтойя.

“Как дела?” - спросил он.

“Отлично”, - сказал я.

”Сегодня никаких “быков”.

“Нет, - сказал я, - ничего, кроме дождя“.

“Где твои друзья?”

“В ”Ируфии””.

Монтойя смущенно улыбнулся.

“Послушайте”, - сказал он. “Вы знакомы с американским послом?”

“Да”, - сказал я. “Все знают американского посла”.

“Он сейчас здесь, в городе”.

“Да”, - сказал я. “Все их видели”.

“Ты тоже их видел”, - сказал Монтойя. Он ничего не сказал. Я продолжил бриться.

“Сядь”, - сказал я. “Давай я пошлю за выпивкой”.

“Нет, мне нужно идти”.

Я закончил бриться, опустил лицо в раковину и ополоснул его холодной водой. Монтойя стоял рядом, выглядя еще более смущенным.

“Послушайте”, - сказал он. “Я только что получил сообщение от них из В Гранд-отеле сообщили, что хотят, чтобы Педро Ромеро и Марсиаль Лаланда зашли к нам на чашечку кофе сегодня вечером после ужина.”

“Что ж, - сказал я, “ Марсиалю это никак не повредит”.

“Марсиаль весь день был в Сан-Себастьяне. Он подъехал на

сегодня утром мы с Маркесом ехали в машине. Не думаю, что они вернутся сегодня вечером.

Монтойя стоял смущенный. Он хотел, чтобы я что-то сказал.

“Не передавай сообщение Ромеро”, - сказал я.

“Вы так думаете?”

“Безусловно”.

Монтойя был очень доволен.

“Я хотел спросить вас, потому что вы американец”, - сказал он.

“Я бы так и поступил”.

“Послушайте”, - сказал Монтойя. “Люди выбирают такого парня. Они не знают, чего он стоит. Они не знают, что он значит. Любой иностранец может польстить ему. Они начинают этот грандиозный гостиничный бизнес, и через год у них все заканчивается”.

“Как Алгабено”, - сказал я.

“Да, как Алгабено”.

“Они замечательные ребята”, - сказал я. “Здесь сейчас живет одна американка , которая коллекционирует тореадоров”.

“я знаю. Им нужны только молодые”.

“Да”, - сказал я. ”Старики толстеют”.

“Или сходят с ума, как Галло”.

“Ну, - сказал я, - это просто. Все, что вам нужно сделать, это не подавать ему вида”.

“Он такой хороший мальчик”, - сказал Монтойя. “Он должен оставаться со своими людьми. Ему не следует вмешиваться в это дело”.

“Не хотите ли чего-нибудь выпить?” Я спросил.

“Нет, - сказал Монтойя, - мне нужно идти”. Он вышел.

Я спустился по лестнице, вышел за дверь и прогулялся по аркадам вокруг площади. Дождь все еще шел. Я заглянул в “Ируфию” в поисках банды, но их там не было, поэтому я прошел

вокруг площади и вернулся в отель. Они ужинали в столовой внизу.

Они были далеко впереди меня, и было бесполезно пытаться их догнать

их. Билл покупал средства для чистки обуви для Майка. Открылась мастерская по чистке обуви

на улице открылась дверь, и Билл подозвал каждого из них и начал заниматься Майком.

“Мои ботинки чистят уже в одиннадцатый раз”, - сказал Майк. “Я говорю, Билл - осел”.

Чистильщики сапог, очевидно, распространили слух. Пришел еще один.

”Лимпия ботас?” - обратился он к Биллу.

“Нет”, - сказал Билл. “Для этого сеньора”.

Чистильщик сапог опустился на колени рядом с тем, кто был на работе, и начал чистить свободный ботинок Майка, который уже блестел в электрическом свете.

“Билл просто лопается от смеха”, - сказал Майк.

Я пил красное вино и был так далеко от них, что чувствовал себя немного неловко из-за необходимости чистить обувь. Я оглядел зал. За соседним столиком сидел Педро Ромеро. Он встал, когда Я кивнул и попросил подойти и познакомить меня с другом. Его столик был рядом с нашим, почти соприкасаясь. Я встретил этого друга, мадридского критика корриды, маленького человечка с изможденным лицом. Я сказал Ромеро, как сильно мне понравилась его работа, и он был очень доволен. Мы разговаривали Испанский, а критик немного знал французский. Я потянулся к нашему столику за бутылкой вина, но критик схватил меня за руку. Ромеро рассмеялся.

“Выпейте вот это”, - сказал он по-английски.

Он очень стеснялся своего английского, но на самом деле был им очень доволен, и по мере того, как мы продолжали разговаривать, он подбирал слова , в которых не был уверен, и спрашивал меня о них. Ему не терпелось узнать, как по-английски будет “Коррида де торос”, точный перевод. Бой быков вызывал у него подозрения. Я объяснил, что “бой быков” по -испански означает “начало торо”. Испанское слово “коррида ” в переводе с английского означает “бег быков”, во французском переводе — “Course de taureaux”. Это заметил критик. В испанском языке нет слова для обозначения боя быков.

Педро Ромеро сказал, что немного выучил английский в Гибралтаре. Он родился в Ронде. Это недалеко от Гибралтара. Он

начал заниматься боем быков в Малаге в тамошней школе корриды. Он занимался этим всего три года. Критик, занимавшийся боем быков, пошутил над ним по поводу того, сколько малагских выражений он использовал. По его словам, ему было девять лет. Его старший брат был с ним в качестве бандерильеро, но он не жил в этом отеле. Он жил в отеле поменьше с другими людьми, которые работали на Ромеро. Он спросил меня, сколько раз я видел его на ринге. Я ответил, что только три. На самом деле было всего два, но я не хотел ничего объяснять после того , как допустил ошибку.

“Где вы видели меня в тот раз? В Мадриде?”

- Да, - солгал я. Я читал отчеты о его двух выступлениях в В мадридских газетах писали о бое быков, так что со мной все было в порядке.

- В первый или во второй раз?

- Самый первый.

“Я вел себя очень плохо”, - сказал он. “Во второй раз у меня получилось лучше. Вы помните?” Он повернулся к критику.

Тот нисколько не смутился. Он говорил о своей работе как о чем-то совершенно отдельном от него самого. В нем не было ни капли тщеславия или хвастовства,

“Мне очень нравится, что вам понравилась моя работа”, - сказал он. “Но вы ее еще не видели. Завтра, если я найду хорошего быка, я постараюсь показать ее вам”.

Сказав это, он улыбнулся, опасаясь, что ни критик, занимающийся боем быков, ни я не подумаем, что он хвастается.

“Мне не терпится увидеть это”, - сказал критик. “Я бы хотел убедиться”.

“Ему не очень нравятся мои работы”. Ромеро повернулся ко мне. Он был серьезен.,

Критик объяснил, что картина ему очень понравилась, но что

пока она не закончена.

“Подождите до завтра, если выйдет что-нибудь хорошее”.

“Вы видели завтрашних ”быков”?” - спросил меня критик.

“да. Я видел, как их разгружали.

СОЛНЦЕ ТАКЖЕ ВОСХОДИТ НА 175 ГРАДУСОВ.

Педро Ромеро наклонился вперед.

“Что вы о них думаете?”

“Очень красивые”, - сказал я. “Около двадцати шести арроб. Очень короткие рожки. Разве вы их не видели?”

“О, да”, - сказал Ромеро.

“Они не будут весить двадцать шесть арроб”, - сказал критик.

“Нет”, - сказал Ромеро.

“У них бананы вместо рожек”, - сказал критик.

“Ты называешь их бананами?” - спросил Ромеро. Он повернулся ко мне и улыбнулся. “Ты бы не назвал их бананами?”

“Нет”, - сказал я. ”Это действительно рога”.

“Они очень короткие”, - сказал Педро Ромеро. - Очень, очень короткие. И все же это не бананы.

- Послушай, Джейк, - окликнул Бретт из-за соседнего столика, - ты нас дезориентировал”

- Только на время, - сказал я. - Мы говорим о быках.

“Ты выше”.

“Скажи ему, что у быков нет яиц”, - крикнул Майк. Он был пьян.

Ромеро вопросительно посмотрел на меня.

“Пьян”, - сказал я. “Боррачо! Мой боррачо!”

- Вы могли бы представить своих друзей, - предложила Бретт. Она не сводила глаз с Педро Ромеро. Я спросила их, не хотят ли они выпить с нами кофе. Они оба встали. Лицо Ромеро было очень смуглым. У него были очень приятные манеры.

Я представил их друг другу, и они начали рассаживаться, но места было мало, поэтому мы все перешли к большому столу у стены, чтобы выпить кофе. Майк заказал бутылку Фундадора и бокалы для всех. Было много пьяных разговоров.

“Скажи ему, что я считаю писательство паршивым занятием”, - сказал Билл. “Давай, скажи ему. Скажи ему, что мне стыдно за то, что я писатель”.

Педро Ромеро сидел рядом с Бретт и слушал ее.

“Продолжай. Скажи ему!” - сказал Билл.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ.

Ромеро поднял голову, улыбаясь.

”Этот джентльмен, - сказал я, - писатель“.

Ромеро был впечатлен. “И этот другой тоже”, - сказал я, указывая на Кона.

“Он похож на Вильялту”, - сказал Ромеро, глядя на Билла. “Рафаэль, разве он не похож на Вильялту?”

“Я не могу этого понять”, - сказал критик.

“Правда”, - сказал Ромеро по-испански. “Он очень похож на Вильялту. Что делает пьяный?”

“Ничего”.

“Он поэтому пьет?”

“Нет. Он собирается жениться на этой леди”.

“Скажи ему, что у быков нет яиц!” Крикнул Майк, очень пьяный, с другого конца стола.

“Что он говорит?”

“Он пьян”.

“Джейк”, - позвал Майк. “Скажи ему, что у быков нет яиц!”

“Ты понял?” Я сказал.

Бесе:

Я был уверен, что он этого не сделал, так что все было в порядке.

“Скажи ему, что Бретт хочет посмотреть, как он наденет эти зеленые штаны”.

“Успокойся, Майк”.

“Скажи ему, что Бретт до смерти хочет узнать, как он сможет влезть в эти штаны”.

“Заткнись”.

В это время Ромеро вертел в руках свой бокал и разговаривал с Бреттом. Бретт говорил по-французски, а он - по-испански и немного по-английски, и смеялся.

Билл наполнял бокалы.

“Скажи ему, что Бретт хочет зайти в…”

“Ради бога, Майк, успокойся!”

Ромеро поднял на него улыбающийся взгляд. “Успокойся! Я знаю это”, - сказал он.

Как раз в этот момент в комнату вошел Монтойя. Он начал улыбаться мне, потом увидел Педро Ромеро с большим бокалом

коньяка в руке, который, смеясь, сидел между мной и женщиной с обнаженными плечами за столом, полным пьяниц. Он даже не кивнул.

Монтойя вышел из комнаты. Майк поднялся на ноги и предложил тост. — Давайте все выпьем за… - начал он. - Педро Ромеро, - сказал я. Все встали. Ромеро отнесся к этому очень серьезно, и мы чокнулись бокалами и выпили до дна, я немного поторопился, потому что Майк пытался дать понять, что это совсем не то, за что он собирался выпить. Но все прошло хорошо, и Педро Ромеро пожал всем руки, и они с критиком вышли вместе.

“Боже мой! он прекрасный мальчик”, - сказал Бретт. “И как бы я хотел посмотреть, как он наденет эту одежду. Он, наверное, пользуется рожком для обуви”.

“Я начал рассказывать ему”, - начал Майк. “А Джейк все перебивал меня. Почему ты меня перебиваешь? Ты думаешь, что говоришь по-испански лучше, чем я?”

“О, заткнись, Майк! Никто тебе не мешал”.

“Нет, я бы хотел разобраться с этим”. Он отвернулся от меня. “Ты думаешь, ты чего-то стоишь, Кон? Как ты думаешь, тебе место среди нас? Людей, которые хотят хорошо провести время? Ради бога, не шуми так, Кон!”

“О, прекрати, Майк”, - сказал Кон.

“Как ты думаешь, Бретт хочет, чтобы ты был здесь? Как ты думаешь, ты добавляешь веселья вечеринке? Почему ты ничего не говоришь?”

“Я сказал все, что хотел сказать вчера вечером, Майк”.

“Я не из тех, кто увлекается литературой”. Майк неуверенно встал и прислонился к столу. “Я не умен. Но я знаю, когда я никому не нужен. Почему ты не видишь, что ты никому не нужен, Кон? Уходи. Уходите, ради Бога. Уберите это печальное еврейское лицо . Вам не кажется, что я прав?”

Он посмотрел на нас.

“Конечно”, - сказал я. ”Давайте все вместе отправимся в

“Ируфию”.

178 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Нет. Тебе не кажется, что я прав? Я люблю эту женщину”.

“О, не начинай это снова. Перестань, Майкл, - сказал Бретт.

- Тебе не кажется, что я прав, Джейк?

Кон все еще сидел за столом. На его лице был тот же болезненный оттенок, какой бывает, когда его оскорбляют, но почему-то казалось, что он доволен.- радовался этому. Ребяческий, пьяный героизм. Это был его роман с титулованной дамой.

“Джейк”, - сказал Майк. Он чуть не плакал. “Ты знаешь, что я прав. Послушай, ты!” Он повернулся к Кону: “Уходи! Уходи сейчас же!”

“Но я не уйду, Майк”, - сказал Кон.

“Тогда я заставлю тебя!” Майк двинулся к нему вокруг стола. Кон встал.Он встал и снял очки. Он стоял в ожидании, с землистым лицом, опустив руки, гордо и твердо ожидая нападения, готовый сражаться за свою возлюбленную.

Я схватил Майка. “Пойдем в кафе”, - сказал я. “Ты не можешь ударить его здесь, в отеле”.

“Отлично!” - сказал Майк. ”Отличная идея!”

Мы двинулись в путь. Я оглянулся, когда Майк, спотыкаясь, поднимался по лестнице , и увидел, что Кон снова надевает очки. Билл сидел за столом и наливал себе еще один бокал Фундадора. Бретт сидел, глядя прямо перед собой в никуда.

Снаружи, на площади, дождь прекратился, и луна пыталась пробиться сквозь облака. Дул ветер. Играл военный оркестр, и толпа собралась на дальней стороне площади, где специалист по фейерверкам и его сын пытались запустить в небо огненные шары. Воздушный шар взлетал рывками, с большим наклоном, и его разрывало ветром или швыряло о дома на площади. Некоторые попадали в толпу. Магний вспыхнул фейерверк, он взорвался и разлетелся по толпе. На площади никто не танцевал. Гравий был слишком мокрым.

Бретт вышел с Биллом и присоединился к нам. Мы стояли в толпе

и наблюдал, как дон Мануэль Оркито, король фейерверков, стоя на небольшой платформе, осторожно запускал воздушные шары палочками, стоя над головами толпы, чтобы запустить воздушные шары по ветру. Ветер сбил их всех с ног, и Дон Мануэль Оркито, король фейерверков, стоя на небольшой платформе, осторожно запускал воздушные шары палочками. Лицо Мануэля Оркито было мокрым от пота в свете его сложного фейерверка, который падал в толпу и, брызгая слюной и потрескивая, проносился между ног людей. Люди кричали, когда каждый новый светящийся бумажный пузырь накренился, загорелся и упал.

“Они издеваются над Доном Мануэлем”, - сказал Билл.

“Откуда ты знаешь, что это Дон Мануэль?” - Спросил Бретт.

“Его имя есть в программе. Дон Мануэль Оркито, пиротехник из эста”Сьюдад.

- “Глобус иллюминадос”, - сказал Майк. - Коллекция глобус иллюминадос . Так было написано в газете.”

Ветер унес музыку оркестра прочь.

- Я бы хотел, чтобы кто-нибудь поднялся, - сказал Бретт. - Этот дон Мануэль в ярости.

“Он, наверное, несколько недель работал над тем, чтобы они взорвались, написав по буквам ”Да здравствует Сан-Фермин”, - сказал Билл.

“Глобос иллюминадос”, - сказал Майк. “Куча чертовых глобос иллюминадос”.

“Да ладно”, - сказал Бретт. - Мы не можем здесь стоять.

- Ее светлость хочет чего-нибудь выпить, - сказал Майк.

- Откуда вы все знаете? - спросил Бретт.

Внутри кафе было многолюдно и очень шумно. Никто не заметил , как мы вошли. Мы не смогли найти свободный столик. Вокруг стоял страшный шум

.

- Пошли, пошли отсюда, - сказал Билл.

На улице было пасео, проходившее под аркадой. За столиками сидели англичане и американцы из Биаррица в спортивной одежде . Некоторые женщины пристально смотрели на проходящих мимо людей.

мимо с лорнетом. В какой-то момент у нас появился друг из Билл из Биаррица. Она жила с другой девушкой в Гранд-отель. У другой девушки разболелась голова, и она легла спать.

- Вот и паб, - сказал Майк. Это был “Бар Милано”, маленький, уютный бар, где можно было перекусить и где танцевали в задней комнате. Мы все сели за столик и заказали бутылку Основатель. В баре было немноголюдно. Там ничего не происходило.

“Это ужасное место”, - сказал Билл.

”Еще слишком рано”.

“Давайте возьмем бутылочку и вернемся пораньше”, - сказал Билл. “Я не хочу сидеть здесь в такой вечер”.

“Пойдем посмотрим на англичан”, - сказал Майк. ”Я люблю смотреть на англичан”.

“Они ужасны”, - сказал Билл. “Откуда они все взялись?”

“Они из Биаррица”, - сказал Майк. “Они пришли посмотреть на последний день маленькой испанской фиесты”.

“Мы устроим им праздник”, - сказал Билл.

“Ты необыкновенно красивая девушка”. Майк повернулся к другу Билла. “Когда ты пришел сюда?”

“Перестань, Майкл”.

“Я говорю, она милая девушка. Где я был? Куда я все это время смотрел? Ты прелесть. Мы не встречались? Пойдем со мной и Биллом. Мы собираемся отпраздновать день рождения англичан”.

“Я их отпраздную”, - сказал Билл. - Что, черт возьми, они делают на этой фиесте?

- Да ладно, - сказал Майк. - Только мы трое. Мы собираемся устроить настоящий английский праздник. Надеюсь, ты не англичанин? Я шотландец. Я ненавижу англичан, я собираюсь устроить им праздник. Пойдем, Билл”.

Через окно мы видели, как они, все трое, рука об руку, направлялись к кафе. На площади взлетали ракеты,

- Я посижу здесь, - сказала Бретт.

“Я останусь с тобой”, - сказал Кон.

“О, не надо!” Сказал Бретт. “Ради бога, уйди куда-нибудь. Разве ты не видишь, что мы с Джейком хотим поговорить?”

“Я этого не делал”, - сказал Кон. “Я решил посидеть здесь, потому что чувствовал себя немного скованно”.

“Какая, к черту, причина сидеть с кем бы то ни было. Если ты напряжен, иди спать. Ложись спать”.

“Я был достаточно груб с ним?” Спросил Бретт. Кон ушел. “Мой Боже! Он мне так надоел!”

“Он не добавляет веселья”.

“Он меня так угнетает”.

“Он вел себя очень плохо”.

“Чертовски плохо. У него был шанс вести себя хорошо”.

“Он, наверное, сейчас ждет прямо за дверью”.

“Да, он бы так и поступил. Ты знаешь, я понимаю, что он чувствует. Он не может поверить, что это ничего не значило”.

“Я знаю”.

“Никто другой не повел бы себя так плохо. О, меня уже тошнит от всего этого. И Майкл. Майкл тоже был таким милым”.

- Это было чертовски тяжело для Майка.

“да. Но ему не обязательно было быть свиньей”.

“Все ведут себя плохо”, - сказал я. “Дай им шанс”.

“Ты бы не вел себя плохо”. Бретт посмотрел на меня.

”Я был бы таким же тупицей, как Кон”, - сказал я.

“Дорогой, давай не будем нести чушь”.

“Хорошо. Говори о чем хочешь”.

“Не будь таким трудным. Ты единственный человек, который у меня есть, и я чувствую себя ужасно сегодня вечером”.

“У тебя есть Майк”.

“Да, Майк. Разве он не красавчик?”

“Ну, - сказал я, - Майку было чертовски тяжело, когда у него был Кон

рядом и вижу его с тобой”.

182 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Разве я этого не знаю, дорогая? Пожалуйста, не заставляй меня чувствовать себя еще хуже , чем я есть на самом деле”. ;

Бретт нервничала, какой я ее никогда раньше не видел. Она продолжала смотреть не на меня, а на стену перед собой.

- Хочешь прогуляться?

“да. Давай.”

Я закупорил бутылку Фундадора и отдал ее бармену.

“Давайте выпьем еще по стаканчику”, - предложил Бретт. “У меня расшатались нервы”.

Мы выпили по бокалу безалкогольного бренди “амонтильядо”.

“Пошли”, - сказал Бретт.

Когда мы выходили за дверь, я увидел, как Кон выходит из-под аркады.

“Он был там”, - сказал Бретт.

“Он не может быть вдали от тебя”.

”Бедняга!”

Мне его не жаль. Лично я его ненавижу”.

“Я тоже его ненавижу”, - поежилась она. “Я ненавижу его проклятые страдания”.

Мы шли рука об руку по боковой улочке, удаляясь от толпы и огней площади. На улице было темно и мокро, и мы пошли по ней к укреплениям на окраине города. Мы миновали винные лавки, из дверей которых на черную мокрую улицу лился свет, и внезапно зазвучала музыка.

“Хочешь зайти?”

“нет.”

Мы прошли по мокрой траве к каменной стене укреплений. Я расстелил на камне газету, и Бретт села. На равнине было темно, и мы могли видеть горы. Дул сильный ветер, и облака закрывали луну. Внизу виднелись темные провалы укреплений. Позади виднелись деревья и тень собора, а на фоне луны вырисовывался силуэт города,

“Не расстраивайся”, - сказал я.

“Я чувствую себя ужасно”, - сказал Бретт. “Давай не будем разговаривать”.

Мы смотрели на равнину. Длинные ряды деревьев казались темными в лунном свете. На дороге , поднимающейся в гору, виднелись огни автомобиля. На вершине горы мы увидели огни форта. Внизу, слева, была река. Она была высокой от дождя, черной и гладкой. По берегам темнели деревья. Мы сидели и смотрели вдаль. Бретт смотрела прямо перед собой. Внезапно она вздрогнула.

“Здесь холодно”.

“Хочешь вернуться пешком?”

“Через парк”.

Мы спустились вниз. Снова сгущались тучи. В парке под деревьями было темно.

“Ты все еще любишь меня, Джейк?”

“Да”, - сказала я.

“Потому что мне конец”, - сказал Бретт.

”Как?”

“Мне конец. Я без ума от этого парня, Ромеро. Думаю, я в него влюблена”.

“Я бы на твоем месте не переживала”.

“Ничего не могу с собой поделать. Мне конец. Это разрывает меня на части”.

“Не делай этого”.

“Я ничего не могу с собой поделать. Я никогда ничем не мог помочь”.

“Ты должен это прекратить”.

“Как я могу это остановить? Я не могу ничего остановить. Чувствуешь это?”

Ее рука дрожала.

“Я всегда такая”.

“Тебе не следует этого делать”.

“Ничего не могу с собой поделать. Мне все равно уже конец. Разве ты не видишь разницы?”

Итак,

Я должен что-то сделать. Я должен сделать то, что мне действительно хочется . Я потерял самоуважение.”

184 СОЛНЦЕ. ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Ты не обязана этого делать”.

“О, дорогая, не будь такой трудной. Как ты думаешь, что означает присутствие этого проклятого еврея и Майка в том виде, в каком он себя вел?”

“конечно”.

- Я не могу все время быть в напряжении.

“нет.”

“О, дорогая, пожалуйста, останься со мной. Пожалуйста, останься

со мной и помоги мне пройти через это”.

“конечно”.

- Я не говорю, что это правильно. Но для меня это правильно. Видит бог,, Я никогда не чувствовала себя такой стервой.

“Что ты хочешь, чтобы я сделала?”

“Давай”, - сказала Бретт. ”Пойдем и найдем его”.

Мы вместе прошли по гравийной дорожке парка в темноте, под деревьями, а затем вышли из-под деревьев и прошли мимо ворот на улицу, которая вела в город.

Педро Ромеро был в кафе. Он сидел за столиком с другими тореадорами и критиками корриды. Они курили сигары. Когда мы вошли, они подняли на нас глаза. Ромеро улыбнулся и поклонился. Мы сели за столик в середине зала.

“Пригласи его зайти и что-нибудь выпить”.

“Пока нет. Он придет”.

“Текан тилукатшим”.

“На него приятно смотреть”, - сказал я.

“Я всегда делал только то, что хотел”.

“я знаю.”

“Я действительно чувствую себя такой стервой”.

- Ну, - сказала я.

- Боже мой! - воскликнула Бретт. - через что только не проходит женщина“.

“да?”

- О, я действительно чувствую себя такой стервой.

Я посмотрел на стол напротив. Педро Ромеро улыбнулся. Он сказал несколько-

что-то сказал другим людям за своим столиком и встал. Он подошел к нашему столику. Я встал, и мы пожали друг другу руки.

“Не хотите ли чего-нибудь выпить?”

“Вы должны выпить со мной”, - сказал он. Он сел, молча спросив разрешения у Бретт. У него были очень приятные манеры. Но он продолжал курить свою сигару. Это очень шло к его лицу.

“ Вы любите сигары? Я спросил.

“О, да. Я всегда курю сигары”.

Это было частью его системы авторитета. Из-за этого он казался старше. Я обратила внимание на его кожу. Оно было прозрачным, гладким и очень коричневым. На его скуле виднелся треугольный шрам. Я видел, что он наблюдает за мной Бретт. Он чувствовал, что между ними что-то есть. Должно быть, он почувствовал это, когда Бретт протянула ему руку. Он был очень осторожен. Я думаю, он был уверен, но не хотел допустить никакой ошибки.

“Ты завтра дерешься?” Я сказал.

- Да, - сказал он. - Сегодня в Мадриде пострадал Альгабено. Ты слышал?”

“Нет”, - сказал я. ”Плохо?”

Он покачал головой.

“Ничего. Вот, - он показал свою руку. Бретт протянул руку и развел пальцы в стороны.

- О! - сказал он по-английски. - Вы предсказываете судьбу?

“ Иногда. Вы не возражаете?

“Нет. Мне это нравится. - Он положил ладонь на стол. - Скажи мне“ Я буду жить вечно и стану миллионером.

Он по-прежнему был очень вежлив, но стал увереннее в себе. “Посмотри, - сказал он, - видишь у меня в руке бычки?”

Он рассмеялся. У него была очень тонкая рука и маленькое запястье.

“Здесь тысячи быков”, - сказала Бретт. Теперь она совсем не нервничала. Она выглядела очаровательно.

“Хорошо”, - рассмеялся Ромеро. “По тысяче дуро за штуку”, - сказал он

мне по-испански. “Расскажи мне еще что-нибудь”.

186 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Это хорошая рука”, - сказал Бретт. “Я думаю, он проживет долго”.

“Скажи это мне. Не своему другу”.

“Я говорил, что ты проживешь долго”.

“Я этого не знал”, - сказал Ромеро. “Я никогда не умру”.

Я постучал кончиками пальцев по столу. Ромеро заметил это. Он покачал головой.

“Нет. не делай этого. Быки - мои лучшие друзья”.

Я перевела Бретту.

“Ты убиваешь своих друзей?” - спросила она.

“Всегда”, - сказал он по-английски и рассмеялся. - Чтобы они меня не убили . - Он посмотрел на нее через стол.

- Ты хорошо знаешь английский.

- Да, - сказал он. - Иногда довольно хорошо. Но я не должен никому об этом говорить. Это было бы очень плохо - тореро, который говорит по-английски.

“Почему?” - спросил Бретт.

“Это было бы плохо. Людям бы это не понравилось. Пока нет”.

“почему нет?”

- Им бы это не понравилось. Тореадоры не такие”.

“А на что похожи тореадоры?”

Он рассмеялся, надвинул шляпу на глаза и изменил угол наклона своей сигары и выражение лица.

“Как за столом”, - сказал он. Я взглянул на него. Он в точности повторил выражение лица Насьоналя. Он улыбнулся, и его лицо снова стало естественным. “Нет. Я должен забыть английский”.

“Не забывай его пока”, - сказал Бретт.

”Нет?”

“нет.”

” Хорошо.

Он снова рассмеялся.

- Я бы хотел такую шляпу, - сказал Бретт.

“хорошо. Я принесу тебе один.”

верно. Проследи, чтобы ты это сделал”.

“Так и будет. Я принесу тебе одну сегодня вечером.”

Я встал. Ромеро тоже поднялся.

“Садись”, - сказал я. “Я должен пойти, найти наших друзей и привести их сюда”.

Он посмотрел на меня. Это был прощальный взгляд, спрашивающий, понял ли он ее. Все было правильно понято.

“Садись”, - сказал ему Бретт. “Ты должен научить меня испанскому”.

Он сел и посмотрел на нее через стол. Я вышел. Люди за столиком “тореадора” с суровыми взглядами смотрели мне вслед. Это было неприятно. Когда двадцать минут спустя я вернулся и заглянул в кафе, Бретта и Педро Ромеро там уже не было. Кофе-на столе стояли бокалы и три наши пустые рюмки из-под коньяка. А

подошел официант с тряпкой и взял бинокль и вытер со стола.

Ourtsipe бар Милано я нашел Билла и Майка и Эдна. Эдна звали эту девушку.

“Нас выгнали”, - сказала Эдна.

”Полиция”, - сказал Майк. “Там есть люди, которым я не нравлюсь”.

“Я уберегла их от четырех драк”, - сказала Эдна. “Ты должна мне помочь”.

Лицо Билла покраснело.

“Вернись, Эдна”, - сказал он. “Иди туда и потанцуй с Майком”.

“Это глупо”, - сказала Эдна. “Будет еще один скандал”.

“Проклятые биаррицкие свиньи”, - сказал Билл.

“Да ладно”, - сказал Майк. “В конце концов, это паб. Они не могут занять весь паб”.

“Старина Майк”, - сказал Билл. “Проклятые английские свиньи приходят сюда , оскорбляют Майка и пытаются испортить праздник”.

“Они такие кровожадные”, - сказал Майк. “Я ненавижу англичан”.

“Они не могут оскорблять Майка”, - сказал Билл. “Майк отличный парень.

Они не могут оскорблять Майка. Я этого не потерплю. Кого волнует, что он чертов банкрот? Его голос сорвался.

“Кого это волнует?” Сказал Майк. “Мне все равно. Джейку все равно. А тебе не все равно?”

“Нет”, - сказала Эдна. “Ты банкрот?”

“Конечно, я банкрот. Тебе все равно, не так ли, Билл?”

Билл обнял Майка за плечи.

“Хотел бы я, черт возьми, быть банкротом. Я бы показал этим ублюдкам”.

”Они просто англичане”, - сказал Майк. “Какая разница , что говорят англичане”.

“Грязные свиньи”, - сказал Билл. - Я собираюсь их вычистить.

- Билл, - Эдна посмотрела на меня. - Пожалуйста, не заходи туда больше, Билл. Они такие тупые.

- Вот и все, - сказал Майк. - Они тупые. Я знал, что так оно и было”.

“Они не могут так говорить о Майке”, - сказал Билл.

“Ты их знаешь?” Я спросил Майка.

“Нет. Я никогда их не видел. Они говорят, что знают меня.”

“Это невыносимо”, - сказал Билл.

“Пошли. Поехали в ”Суизо”, - сказал я.

“Это друзья Эдны из Биаррица”, - сказал Билл.

“Они просто глупые”, - сказала Эдна.

“Один из них Чарли Блэкман из Чикаго”, - сказал Билл.

“Я никогда не был в Чикаго”, - сказал Майк.

Эдна начала смеяться и не могла остановиться.

“Заберите меня отсюда, - сказала она, - вы, банкроты”.

“Что это был за скандал?” Я спросила Эдну. Мы шли через площадь к “Суизо”. Билл исчез.

“Я не знаю, что произошло, но кто-то вызвал полицию , чтобы не пускать Майка в подсобку. Там были люди , которые знали Майка по Каннам. Что случилось с Майком?”

“Вероятно, он должен им денег”, - предположил я. “Это то, из-за чего люди обычно злятся”.

199. СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

Перед билетными кассами на площади стояли две очереди ожидающих. Они сидели на стульях или скорчились на земле, завернувшись в одеяла и газеты. Они ждали, когда откроются кассы, чтобы купить билеты на бой быков. Ночь была ясной, и на небе светила луна . Некоторые люди в очереди спали.

Только мы сели за столик в кафе “Суизо” и заказали Фундадор , как подошел Роберт Кон.

- А где Бретт? он спросил.

“Я не знаю”.

“Она была с тобой”.

“Она, должно быть, легла спать”.

“Ее нет”.

“Я не знаю, где она”.

В свете лампы его лицо казалось землистым. Он стоял.

”Скажи мне, где она”.

“Сядь”, - сказал я. “Я не знаю, где она”.

“Ни черта ты не знаешь!”

“Можешь заткнуться”.

“Скажи мне, где Бретт”.

“Я тебе ни черта не скажу”.

“Ты знаешь, где она”.

“Если бы я знал, я бы тебе не сказал”.

“О, иди к черту, Кон”, - крикнул Майк из-за стола. “Бретт ушла с тореадором. У них медовый месяц”.

“Заткнись”.

“О, иди к черту!” Томно произнес Майк.

“Она там?” Кон повернулся ко мне.

“Иди к черту!”

“Она была с тобой. Она там?”

“Иди к черту!”

— Я заставлю тебя сказать мне, — он шагнул вперед, - ты, проклятый сутенер.

Я замахнулся на него, и он увернулся. Я увидел, как его лицо искривилось в свете фонаря. Он ударил меня, и я сел на тротуар. Когда я начал подниматься на ноги, он ударил меня дважды. Я упал навзничь под стол. Я попытался встать и почувствовал, что у меня нет ног. Я почувствовал , что должен встать на ноги и попытаться ударить его. Майк помог мне подняться. Кто-то вылил мне на голову графин с водой. Майк обнял меня одной рукой, и я обнаружил, что сижу на стуле. Майк дергал меня за уши.

“Слушай, тебе было холодно”, - сказал Майк.

“Где, черт возьми, ты был?”

“О, я был рядом”.

“Ты не хотел в этом участвовать?”

“Майка он тоже сбил с ног”, - сказала Эдна.

“Меня он не вырубил”, - сказал Майк. “Я просто лежал”.

“Это происходит каждый вечер на ваших праздниках?” - Спросила Эдна. ”Это был не мистер Кон?”

“Я в порядке”, - сказал я. “У меня немного кружится голова”.

Вокруг стояло несколько официантов и толпа людей

.

”Вайя!” - сказал Майк. - Отойдите. Продолжайте.

Официанты растолкали посетителей.

“На это было приятно посмотреть”, - сказала Эдна. “Он, должно быть , боксер”.

“Так и есть”.

“Жаль, что Билла здесь не было”, - сказала Эдна. - Я бы хотел увидеть Билл тоже был сбит с ног. Я всегда хотел увидеть , как Билла собьют с ног. Он такой большой.”

“Я надеялся, что он собьет с ног официанта, - сказал Майк, - и его арестуют. Я бы хотел увидеть мистера Роберта Кона в тюрьме”.

“Нет”, - сказал я.

“О, нет”, - сказала Эдна. “Ты же не это имел в виду”.

“Тем не менее, это так”, - сказал Майк. - Я не из тех парней, которые любят , когда их бьют. Я даже в игры никогда не играю.

Майк выпил.

“Знаешь, я никогда не любил охотиться. Всегда была опасность , что на тебя упадет лошадь. Как ты себя чувствуешь, Джейк?”

“Все в порядке”.

“Ты хороший”, - сказала Эдна Майку. “Ты действительно банкрот?”

“Я ужасный банкрот”, - сказал Майк. “Я всем должен денег. А ты что, никому не должен?”

“Кучу денег”.

“Я всем должен денег”, - сказал Майк. “Я одолжил сто песет у Монтойи сегодня вечером”.

“Какого черта ты это сделал”, - сказал я.

“Я верну”, - сказал Майк. ”Я всегда все возвращаю”.

- Так вот почему вы обанкротились, не так ли? Спросила Эдна.

Я встал. Я слышал их разговор издалека. Все это было похоже на какую-то плохую пьесу.

“Я иду в отель”, - сказал я. Потом я услышала, как они говорят обо мне.

“С ним все в порядке?” Спросила Эдна.

“Нам лучше прогуляться с ним”.

“Со мной все в порядке”, - сказала я. “Не приходите. Увидимся позже”.

Я вышел из кафе. Они сидели за столиком. Я оглянулся на них и на пустые столики. За одним из столиков сидел официант, обхватив голову руками.

Когда я шел через площадь к отелю, все выглядело новым и изменившимся. Я никогда раньше не видел этих деревьев. Я никогда раньше не видел ни флагштоков, ни фасада театра. Все было по-другому. Я чувствовал себя так, как когда-то, возвращаясь домой с футбольного матча за городом. У меня был чемодан с моими футбольными вещами , и я шел по улице от вокзала в городе , в котором прожил всю свою жизнь, и все это было в новинку. Они сгребали граблями газоны и сжигали листья на дороге, и я надолго остановился и наблюдал. Все это было странно. Потом я пошел дальше, и мне показалось, что я нахожусь далеко-далеко, и все, казалось, пришло само собой.

издалека, и я слышал, как мои шаги раздаются на большом расстоянии. В начале игры меня ударили по голове. Это было похоже на то, как я пересекал поле. Это было похоже на то, как подниматься по лестнице в отеле. Подъем по лестнице занял много времени, и у меня было ощущение, что я несу свой чемодан. В комнате горел свет. Билл вышел и встретил меня в холле.

“Слушай, - сказал он, - поднимись и повидайся с Коном. Он попал в переделку и спрашивает о тебе”.

“Черт с ним”.

“Давай. Поднимись и повидайся с ним”.

Я не хотел подниматься еще на один лестничный пролет.

“Чего ты на меня так смотришь?”

“Я на тебя не смотрю”. Иди наверх и повидайся с Коном. Он в плохом состоянии”.

“Совсем недавно ты был пьян”, - сказал я.

“Сейчас я пьян”, - сказал Билл. “Но ты поднимись и повидайся с Коном. Он хочет тебя видеть”.

“Хорошо”, - сказал я. Оставалось только подняться еще по одной лестнице. Я поднялся по лестнице, неся свой призрачный чемодан. Я прошел по коридору к комнате Кона. Дверь была закрыта, и я постучал.

“Кто там?”

“Барнс”.

“Входи, Джейк”.

Я открыл дверь, вошел и поставил свой чемодан на пол. В комнате не было света. Кон лежал на кровати лицом вниз в темноте.

“Привет, Джейк”.

“Не называй меня Джейком”.

Я стоял у двери. Именно в таком виде я и пришел домой. Теперь мне нужна была горячая ванна. Глубокая, горячая ванна, чтобы лечь на спину,

“Где здесь ванная?” Я спросил.

Кон плакал. Он лежал на кровати лицом вниз и плакал.

На нем была белая рубашка-поло, которую он носил в Принстоне.

“Прости меня, Джейк. Пожалуйста, прости меня”.

“Прощаю тебя, черт возьми”.

“Пожалуйста, прости меня, Джейк”.

Я ничего не сказал. Я стоял у двери.

“Я был как сумасшедший. Ты должен видеть, как это было”.

“О, все в порядке”.

“Я не мог вынести этого из-за Бретта”.

“Ты назвал меня сутенером”.

Мне было все равно. Я хотел принять горячую ванну. Я хотел принять горячую ванну в глубокой воде,

“я знаю. Пожалуйста, не вспоминай этого. Я был сумасшедшим”.

”Все в порядке”.

Он плакал. У него был странный голос. Он лежал в своей белой рубашке на кровати в темноте. Его рубашка-поло.

“Я уезжаю утром”.

Он беззвучно плакал.

“Я просто не мог вынести этого из-за Бретта. Я прошел через ад, Джейк. Это был просто ад. Когда я встретил ее здесь, Бретт обращалась со мной как с совершенно незнакомым человеком. Я просто не мог этого вынести. Мы жили вместе в Сан-Себастьяне. Полагаю, ты это знаешь . Я больше не могу этого выносить.”

Он лежал на кровати.

“Ну, - сказала я, - я собираюсь принять ванну”.

“Ты был моим единственным другом, и я так любила Бретта”.

“Ну, - сказала я, - пока”.

“Я думаю, что это бесполезно”, - сказал он. “Я думаю, что это ни к черту не

используй.”

«что?»

- Все. Пожалуйста, скажи, что прощаешь меня, Джейк.

“Конечно”, - сказала я. “Все в порядке”.

“Я так ужасно себя чувствовала. ’Я прошла через такой ад, Джейк. Теперь все пропало. Все.”

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ НА 195 ГРАДУСОВ.

“Ну, - сказал я, - пока”. Мне пора идти.

Он перевернулся, сел на край кровати, а затем встал.

“Пока, Джейк”, - сказал он. - Вы ведь пожмете друг другу руки, правда?

“конечно. Почему бы и нет?”

Мы пожали друг другу руки. В темноте я не очень хорошо

разглядел его лицо.

“Что ж, - сказал я, “ увидимся утром”.

“Я уезжаю утром”.

“О, да”, - сказал я.

Я вышел. Кон стоял в дверях комнаты.

“С тобой все в порядке, Джейк?” он спросил.

- О, да, - сказал я. “Я в порядке”.

я не мог найти ванную. Через некоторое время я нашел ее. Там была глубокая каменная ванна. Я открыл краны, но вода не лилась. Я присел на край ванны. Когда я встала , чтобы уйти, то обнаружила, что сняла туфли. Я поискала их, нашла и отнесла вниз по лестнице. Я нашла свою комнату и

зашел в дом, разделся и лег в постель.

Я проснулся от головной боли и шума уличных оркестров . Я вспомнил, что обещал другу Билла Эдне пойти посмотреть, как быки проходят по улице и выходят на ринг. Я оделся, спустился по лестнице и вышел на улицу, навстречу холодному раннему утру. Люди пересекали площадь, спеша на бой быков, На другой стороне площади перед билетными кассами выстроились в две шеренги мужчины. Они все еще ждали, когда билеты поступят в продажу в семь часов. Я поспешил через улицу в кафе. Официант сказал мне, что мои друзья были там и ушли.

“Сколько их было?”

“Два джентльмена и леди”.

Все было в порядке. Билл и Майк были с Эдной. Прошлой ночью она боялась, что они упадут в обморок. Вот почему я должен был обязательно взять ее с собой. Я выпил кофе и вместе с другими людьми поспешил на арену для боя быков. Теперь я уже не был таким пьяным. Там

это была всего лишь сильная головная боль. Все выглядело четким и ясным, и в городе пахло ранним утром.

Участок земли от окраины города до бульварной площадки был грязным. Вдоль всего ограждения, ведущего к рингу, собралась толпа, а наружные балконы и верхняя часть арены для боя быков были забиты людьми. Я услышал взрыв ракеты и понял, что не смогу попасть на ринг вовремя, чтобы увидеть, как выходят быки, поэтому я протолкался сквозь толпу к ограждению. Меня прижали вплотную к доскам ограждения. Между двумя ограждениями взлетно -посадочной полосы полиция разгоняла толпу. Они шли или бежали трусцой к арене для боя быков. Затем люди начали сбегаться. Пьяный поскользнулся и упал. Двое полицейских схватили его и потащили к ограждению. Толпа теперь бежала быстро. В толпе раздался громкий крик, и, просунув голову между досками, я увидел, как быки как раз входили с улицы в длинный загон для бега. Они двигались быстро и нагоняли толпу. В этот момент из-за ограды вышел еще один пьяница с блузкой в руках. Он хотел поработать с быками. Двое полицейских выскочили из машины, схватили его за шиворот, один из них ударил его дубинкой , они подтащили его к забору и стояли , прижавшись к забору, пока мимо не прошли последние из толпы и быки . Впереди быков бежало так много людей , что толпа сгустилась и замедлила движение, проходя через ворота на ринг, и когда быки пронеслись мимо, скача галопом, тяжелые, с грязными боками, размахивая рогами, один из них вырвался вперед, поймал человека в бегущей толпе сзади и поднял его в воздухе. Обе руки мужчины были прижаты к бокам, голова запрокинулась, когда в нее вонзился рог , и бык поднял его, а затем уронил. Бык схватил другого человека, бежавшего впереди, но тот исчез в толпе, и толпа прошла через ворота и оказалась на ринге, а быки за ними. Красная дверь ринга закрылась, толпа на внешних балконах арены для боя быков была закрыта.

когда они протискивались внутрь, раздался крик, затем еще один.

Человек, которого ранили, лежал лицом вниз в утоптанной грязи. Люди перелезали через ограждение, и я не мог разглядеть этого человека , потому что вокруг него была такая плотная толпа. Изнутри арены доносились крики. Каждый крик означал, что какой-нибудь бык бросается на толпу. По интенсивности крика можно было понять, насколько все плохо. Затем взлетела ракета , означавшая, что бычки увели быков с арены в загон для скота. Я отошел от ограды и направился обратно в город.

Вернувшись в город, я зашел в кафе, чтобы выпить вторую чашку кофе и съесть тост с маслом. Официанты подметали в кафе и протирали столы. Один из них подошел и принял у меня заказ.

“Что-нибудь случилось в ”энсьерро”?”

“Я не все это видел. Один человек был сильно ранен”.

“Где?”

“Здесь”. Я положил одну руку на поясницу, а другую на грудь, где, похоже, должен был торчать рог. Официант кивнул и смахнул салфеткой крошки со стола.

“Плохо соображаешь”, - сказал он. “Все ради спорта. Все ради удовольствия”.

Он отошел и вернулся с кофейниками и молочниками на длинных ручках. Он налил молоко и кофе. Кофе двумя струйками полилось из длинных носиков в большую чашку. Официант кивнул головой.

“Плохо видно заднюю стенку”, - сказал он. Он поставил кастрюли на стол и сел на стул за столом. “Большая рана на роге. Все ради забавы. Просто для удовольствия. Что ты об этом думаешь?”

”Я не знаю”.

“Вот и все. Все ради забавы. Забава, как вы понимаете”.

“Вы не любитель?”

- Я? Кто такие быки? Животные. Грубые животные”. Он встал

и положил руку себе на поясницу. “Прямо в спину. Корнада прямо в спину. Для развлечения — вы понимаете.

Он покачал головой и пошел прочь, унося кофейники. По улице проходили двое мужчин. Официант что-то крикнул им. У них был серьезный вид. Один из них покачал головой. “Муэрто!” - позвал он.

Официант кивнул. Двое мужчин пошли дальше. Они были по какому-то делу. Официант подошел к моему столику.

“Ты слышал? Муэрто. Мертвый. Он мертв. С трубкой в зубах. Все для утреннего веселья. Это настоящее фламенко”.

“Это плохо”.

“Не для меня”, - сказал официант. “Для меня это неинтересно”.

Позже в тот же день мы узнали, что убитого звали Висенте Хиронес, он был родом из окрестностей Тафаллы. На следующий день в газете мы прочитали, что ему было двадцать восемь лет, у него была ферма, жена и двое детей. Он продолжал приезжать на фиесту каждый год и после того, как женился. На следующий день его жена приехала из Тафаллы, чтобы побыть с телом, а еще через день в часовне Сан-Фермин была отслужена служба, и члены общества любителей танцев и выпивки Тафаллы доставили гроб на железнодорожную станцию . Впереди били барабаны, звучала музыка на флейтах, а за мужчинами, которые несли гроб , шли жена и двое детей… За ними шли все члены танцевальных и питейных обществ Памплоны , Эстеллы, Тафаллы и Сангезы, которые могли остаться на ночь. похороны. Гроб был погружен в багажный вагон поезда, а вдова и двое детей ехали, сидя втроем , в открытом железнодорожном вагоне третьего класса. Поезд резко тронулся с места, а затем плавно поехал вниз, огибая край плато и выезжая на зерновые поля, которые колыхались на ветру на равнине по пути в Тафаллу.

Быка, убившего Висенте Хиронеса, звали Боканегра, он был 118-м в коневодческом хозяйстве Санчеса Таберно и был убит Педро Ромеро в качестве третьего быка в тот же день. При всеобщем одобрении его ухо было отрезано и передано Педро Ромеро, который, в свою очередь, передал его Бретту, который завернул его в носовой платок, принадлежащий мне, и оставил ухо и руку-платок вместе с несколькими окурками сигарет “Муратти” был засунут глубоко в ящик прикроватного столика, который стоял рядом с ее кроватью в отеле “Монтойя” в Памплоне.

Когда я вернулся в отель, ночной сторож сидел на скамейке у входа. Он провел там всю ночь и был очень сонным. Он встал, когда я вошел. Три официантки вошли одновременно. Они были на утреннем представлении на арене для боя быков. Смеясь, они поднялись наверх. Я поднялся вслед за ними и прошел в свою комнату. Я снял обувь и лег на кровать. Окно на балкон было открыто, и в комнату лился яркий солнечный свет. Я не чувствовал сонливости. Когда я лег спать, было, наверное, половина четвертого , а в шесть меня разбудили бандажи. У меня болела челюсть с обеих сторон. Я почувствовал это своими пальцами . Этот чертов Кон. Ему следовало ударить кого -нибудь, когда его впервые оскорбили, а потом уйти. Он был так уверен , что Бретт любит его. Он собирался остаться, а настоящая любовь победит все. Кто-то постучал в дверь.

“Войдите”.

Это были Билл и Майк. Они присели на кровать.

“Немного веселья”, - сказал Билл. “Немного веселья”.

“Слушай, а тебя там не было?” Спросил Майк. “Позвони, чтобы принесли пива, Билл”.

“Что за утро!” Сказал Билл. Он вытер лицо. “Мой Боже! что за утро! А вот и старина Джейк. Старина Джейк, настоящая боксерская груша.”

200 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Что произошло внутри?”

“Боже милостивый!” Билл спросил: “Что случилось, Майк?”

“Там были эти быки”, - сказал Майк. “Прямо перед ними была толпа, и какой-то парень споткнулся и сбил их всех с ног”.

“И все быки налетели прямо на них”, - сказал Билл.

“Я слышал, как они кричали”.

“Это была Эдна”, - сказал Билл.

“Парни продолжали выбегать и размахивать футболками”.

“Один бык прошел по ограждению и всех зацепил”.

“Они забрали около двадцати парней в лазарет”, - сказал Майк.

“Что за утро!” - сказал Билл. “Чертова полиция продолжала арестовывать парней, которые хотели пойти и покончить с собой вместе с быками”.

“В конце концов, бычки их приютили”, - сказал Майк.

“Это заняло около часа”.

“На самом деле это заняло около четверти часа”, - возразил Майк.

“Да пошел ты к черту”, - сказал Билл. “Ты же был на войне. Для меня это заняло два с половиной часа”.

“Где это пиво?” Спросил Майк.

“Что вы сделали с очаровательной Эдной?”

“Мы только что отвезли ее домой. Она легла спать”.

“Как ей понравилось?”

“отлично. Мы сказали ей, что так происходит каждое утро.”

“Она была впечатлена”, - сказал Майк.

“Она тоже хотела, чтобы мы вышли на ринг”, - сказал Билл. “Она любит действие”.

“Я сказал, что это было бы нечестно по отношению к моим кредиторам”, - сказал Майк.

“Что за утро”, - сказал Билл. “Ну и ночка выдалась!”

“Как твоя челюсть, Джейк?” Спросил Майк.

“Болит”, - ответил я.

Билл рассмеялся.

“Почему ты не ударил его стулом?”

“Ты можешь говорить”, - сказал Майк. - Он бы и тебя вырубил.

Я никогда не видел, чтобы он меня бил. Мне кажется, я видел его незадолго до этого, а потом совершенно неожиданно обнаружил, что сижу на улице, а Джейк лежит под столом”.

“Куда он пошел потом?” Я спросил.

“А вот и она”, - сказал Майк. “А вот и прекрасная дама с пивом”.

Горничная поставила поднос с бутылками пива и бокалами на стол.

“А теперь принесите еще три бутылки”, - сказал Майк.

“Куда направился Кон после того, как ударил меня?” Спросил я Билла.

“Ты что, не знал об этом?” Майк открывал бутылку пива. Он налил пиво в один из стаканов, держа стакан поближе к бутылке.

«действительно?» - Спросил Билл.

- Почему он вошел и застал Бретта и парня, занимающегося тореадором, в комнате для тореадоров, а затем зарезал бедного,

окровавленного тореадора?

“нет.”

“да.”

- Что за ночь была! - спросил Билл.

- Он чуть не убил бедного, чертова тореадора. Потом Кон захотел забрать Бретта. Наверное, хотел сделать из нее честную женщину. Чертовски трогательная сцена.”

Он сделал большой глоток пива.

“Он и есть осел”.

“что случилось?”

“Бретт дала ему по заслугам. Она его отчитала. Я думаю, она была довольно хороша”.

Держу пари, так оно и было”, - сказал Билл.

Тогда Кон не выдержал, заплакал и захотел пожать руку этому парню-тореадору. Он хотел пожать руку Бретт тоже.”

“я знаю. Он пожал мне руку.”

202 “И СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ”

- А он? Ну, у них ничего такого не было. Этот парень был неплохим тореадором. Он почти ничего не говорил, но все время вставал, и его снова сбивали с ног. Кон не смог его вырубить. Это, должно быть, было чертовски забавно.

“Где ты все это услышал?”

“Бретт?” Я видел ее сегодня утром.

“Что, в конце концов, произошло?”

- Похоже, парень, занимавшийся тореадором, сидел на кровати. Его сбили с ног раз пятнадцать, и он хотел подраться еще. Бретт

держал его и не давал встать. Он был слаб, но Бретт не смог удержать его, и он встал. Тогда Кон сказал, что больше не ударит его. Сказал, что не сможет этого сделать. Сказал, что это будет жестоко. Тогда парень-тореадор, пошатываясь , подошел к нему. Кон прислонился спиной к стене.

““Так ты не ударишь меня?”

“Нет”, - сказал Кон. “Мне было бы стыдно’.

“Тогда парень-тореадор изо всех сил ударил его по лицу, а затем сел на пол. Он не мог подняться, - сказал Бретт. Кон хотел поднять его и отнести на кровать. Он сказал, что, если Кон поможет ему, он убьет его, и он все равно убил бы его этим утром, если бы Кон не уехал из города. Кон плакал, и Бретт отчитал его, и он хотел пожать ему руку. Я уже говорил тебе об этом раньше”.

“Рассказывай дальше”, - сказал Билл.

“Похоже, парень-тореадор сидел на полу. Он ждал, когда наберется сил, чтобы встать и ударить Кона еще раз. Бретт никто не пожимал руки, а Кон плакал и говорил ей, как сильно он ее любит, а она просила его не быть таким тупицей. Затем Кон наклонился, чтобы пожать руку парню-тореадору. Без обид, знаете ли. Прошу прощения. И парень-тореадор снова ударил его по лицу .”

“Ну и парень”, - сказал Билл.

“И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ”, 203

“Он погубил Кона”, - сказал Майк. “Знаешь, я не думаю, что Кон когда-нибудь захочет снова бить людей”.

“Когда ты видел Бретта?”

“Сегодня утром. Она зашла за кое-какими вещами. Она присматривает за этим парнем, Ромеро”.

Он разлил еще одну бутылку пива.

“Бретт немного не в себе. Но ей нравится заботиться о людях. ‘Вот так мы и решили уйти вместе. Она присматривала за мной”.

“Не знаю”, - сказал я.

“Я немного пьян”, - сказал Майк. “Думаю, я так и останусь пьяным. Все это ужасно забавно, но не слишком приятно. Для меня это не слишком приятно.

Он допил пиво.

“Я, знаете ли, не объяснил Бретту, за что. Я сказал, что, если она будет якшаться с евреями, тореадорами и тому подобными людьми, ее ждут неприятности. Он наклонился вперед. “ Слушай, Джейк, ты не возражаешь, если я выпью из твоей бутылки? Она принесет тебе еще одну.

“Пожалуйста”, - сказал я. “Я все равно это не пил”.

Майк начал открывать бутылку. “Не могли бы вы открыть ее?” Я нажал на проволочную застежку и налил ему.

- Знаешь, - продолжал Майк, - Бретт была довольно хороша. Она всегда была довольно хороша. Я рассказал ей страшную историю о евреях, тореадорах и прочих подобных людях, и знаешь, что она сказала: “Да. У меня была чертовски счастливая жизнь среди британской аристократии!”

Он сделал глоток.

“Это было довольно вкусно. Эшли, парень, от которого она получила титул, был моряком, знаете ли. Девятый баронет. Когда он приходил домой, он отказывался спать в постели. Всегда заставлял Бретт спать на полу. В конце концов, когда ему становилось совсем плохо, он говорил ей, что убьет ее. Всегда спал с заряженным служебным револьвером. Бретт обычно вынимал ракушки, когда ложился спать. У нее была не совсем счастливая жизнь. Бретт. И мне чертовски жаль. Ей все так нравится.”

204 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

Он встал. Его рука дрожала.

“Я пойду в комнату. Попытаюсь немного поспать”.

Он улыбнулся.

- Мы слишком долго обходимся без сна во время этих праздников. я собираюсь начать прямо сейчас и хорошенько выспаться. Чертовски плохо не высыпаться. Это ужасно нервирует.

- Увидимся в полдень в “Ируфии”, - сказал Билл.

Майк вышел за дверь. Мы услышали, как он вышел из соседней комнаты.

Он позвонил в колокольчик, и в дверь постучала горничная

.

“Принесите полдюжины бутылок пива и бутылку Фундадора”, - сказал ей Майк.,

“Привет, Сефорито”.

“Я иду спать”, - сказал Билл. “Бедный старина Майк. Я здорово поругался с ним вчера вечером”.

“Где? В том заведении в Милане?”

“Да, там был парень, который помог заплатить Бретту и Майк однажды уехал из Канн. Он был чертовски противным”.

“Я знаю эту историю”.

“Я этого не делал. Никто не имеет права так говорить о Майке”.

“Это то, что делает его плохим”.

“У них не должно быть никаких прав. Я бы чертовски хотел, чтобы у них не было никаких прав. Я иду спать”.

“Кто-нибудь был убит на ринге?”

“Я так не думаю. Просто сильно ранен”.

- Снаружи, на взлетно-посадочной полосе, был убит человек.

“Был ли там?” - спросил Билл.

ЧЭП РРЭРГВелИ.

В полдень мы все собрались в кафе. Там было многолюдно. Мы ели креветки и пили пиво. В городе было многолюдно. На каждой улице было полно народу. Большие автомобили из Биаррица и Сан-Себастьяна продолжали подъезжать и парковаться вокруг площади. Они привезли людей на бой быков. Подъезжали и машины для осмотра достопримечательностей. В одной из них было двадцать пять англичанок. Они сидели в большой белой машине и смотрели сквозь стекла своих очков на фиесту. Все танцоры были сильно пьяны. Это был последний день фиесты.

Празднество было насыщенным и не прерывалось, но автомобили и туристические тачки образовали небольшие островки зевак. Когда машины подъехали , зеваки растворились в толпе. Больше вы их не видели, разве что в спортивной одежде, странно смотрящейся за столиком среди тесно сидящих крестьян в черных халатах. Праздник поглотил даже биаррицкий английский, так что вы не заметили бы их, если бы не проходили мимо столика. Все это время на улице звучала музыка. Барабаны продолжали бить, а трубы играть. Внутри кафе мужчины, держась руками за стол или за плечи друг друга, пели что-то пронзительное.

206 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

- А вот и Бретт, ” сказал Билл.

Я оглянулся и увидел, как она пробирается сквозь толпу на площади, высоко подняв голову, как будто праздник устраивался в ее честь, и ей это казалось приятным и забавным.

“Привет, ребята!” - сказала она. - Послушайте, у меня жажда.

- Принесите еще пива, - сказал Билл официанту.

“ Креветок?

- Кон ушел? - Спросил Бретт.

- Да, - ответил Билл. - Он взял напрокат машину.

Принесли пиво. Бретт начала поднимать стеклянную кружку, и ее рука задрожала. Она заметила это, улыбнулась, наклонилась вперед и сделала большой глоток.

“Хорошее пиво”.

“Очень хорошее”, - сказал я. Я нервничал из-за Майка. Я не думал , что он спал. Должно быть, он все время был пьян, но, казалось, держал себя в руках.

“Я слышал, что Кон причинил тебе боль, Джейк”, - сказал Бретт.

“Нет. Он вырубил меня. Вот и все”.

“Я говорю, что он действительно ранил Педро Ромеро”, - сказал Бретт. “Он сильно ранил его”.

“Как он?”

“С ним все будет в порядке. Он не хочет выходить из комнаты”.

“Он плохо выглядит?”

“Очень. Ему было очень больно. Я сказал ему, что хочу выскочить и повидаться с вами, ребята, на минутку”.

“Он собирается драться?”

“Скорее. Я пойду с вами, если вы не возражаете”.

“Как поживает твой дружок?” Спросил Майк. Он не слушал ничего из того, что говорила Бретт.

“У Бретт был тореадор”, - сказал он. “У нее был еврей по имени Кон, но из него ничего не вышло”.

Бретт встала.

“Я не собираюсь выслушивать от тебя подобную чушь, Майкл”.

THE SUN ALSO RISES 207

“Как поживает твой дружок?”

“Чертовски хорошо”, - сказал Бретт. “Понаблюдай за ним сегодня днем”.

- У Бретта есть тореадор, - сказал Майк. “ Чертовски красивый тореадор.

- Не мог бы ты прогуляться со мной? Я хочу поговорить с тобой, Джейк.

“Расскажи ему все о своем тореадоре”, - посоветовал Майк. “Да пошел ты к черту со своим тореадором!” Он опрокинул стол так, что все пиво и блюдо с креветками с грохотом опрокинулись.

“Да ладно тебе”, - сказал Бретт. “Давайте покончим с этим”.

В толпе, пересекавшей площадь, я спросил: “Как дела?”

“Я не собираюсь встречаться с ним после обеда до начала боя. Его люди приходят и одевают его. Он говорит, что они очень сердиты на меня”.

Бретт сияла. Она была счастлива. Выглянуло солнце, и день был ясным.

“Я чувствую себя совершенно другой”, - сказала Бретт. “Ты даже

не представляешь, Джейк”.

“Ты хочешь, чтобы я что-нибудь сделал?”

“Нет, просто сходи со мной на бой”.

“Увидимся за обедом?”

“Нет. Я ужинаю с ним”.

Мы стояли под аркадой у входа в отель. Они выносили столы и устанавливали их под галереей.,

“Хочешь прогуляться по парку?” - спросил Бретт. “Я пока не хочу подниматься”. Я думаю, он спит”.

Мы прошли мимо театра, вышли с площади и направились вдоль ярмарочных павильонов, двигаясь вместе с толпой между рядами киосков. Мы вышли на поперечную улицу, которая вела к Пасео де Сарасате. Мы могли видеть толпу гуляющих , модно одетых людей. Они сворачивали в верхнем конце парка.

“Не пойдем туда”, - сказал Бретт. “Я не хочу, чтобы на меня просто пялились”.

”?

сейчас.

208 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

Мы стояли на солнце. Было жарко и приятно после дождя и облаков с моря.

“Я надеюсь, что ветер стихнет”, - сказал Бретт. “Это очень вредно для него”.

Содул:2

“Он говорит, что с буллами все в порядке”.

“Они хороши”.

“Это Сан-Фермин?”

Бретт посмотрел на желтую стену часовни.

“да. Где шоу началось в воскресенье.”

“Давайте войдем. Вы не возражаете? Я бы предпочел немного помолиться за него или что-то в этом роде”.

Мы вошли через тяжелую кожаную дверь, которая легко подалась . Внутри было темно. Многие люди молились. Ты увидел их, когда твои глаза привыкли к полумраку. Мы опустились на колени у одной из длинных деревянных скамей. Немного погодя я почувствовал, как Бретт напряглась рядом со мной, и увидел, что она смотрит прямо перед собой.

- Давай, - хрипло прошептала она. - Давай убираться отсюда. Я чертовски нервничаю.

Выйдя на залитую солнцем улицу, Бретт посмотрел на верхушки деревьев, раскачивающиеся на ветру. Молитва не принесла особого успеха.

“Не знаю, почему я так нервничаю в церкви”, - сказала Бретт. “Это никогда не приносило мне пользы”.

Мы шли рядом.

“Я чертовски плохо переношу религиозную атмосферу”, - сказала Бретт. “У меня неправильный тип лица.

“Знаешь, ” сказала Бретт, “ я совсем о нем не беспокоюсь. Я просто счастлива за него”.

“хорошо.”

- Хотя я бы хотел, чтобы ветер утих.

- Часам к пяти он может стихнуть.

“Будем надеяться”.

“Ты мог бы помолиться”, - рассмеялся я.

“Мне это никогда не приносило пользы. Я никогда не получал того, о чем молился . А тебе?”

“О, да”.

“О, ерунда”, - сказал Бретт. “Может быть, у некоторых людей это и работает. Ты не выглядишь очень религиозным, Джейк”.

“Я довольно религиозен”.

“О, чушь собачья”, - сказал Бретт. “Не начинай обращать меня в свою веру сегодня. Сегодняшний день и так обещает быть достаточно плохим”.

Это был первый раз, когда я увидел ее такой счастливой и беззаботной с тех пор, как она уехала с Коном. Мы снова стояли перед отелем. Теперь все столы были накрыты, и некоторые из них уже были заняты обедающими.

“Присмотри за Майком”, - сказал Бретт. “Не позволяй ему слишком сильно расстраиваться”.

“Твои друзья ушли наверх”, - сказал немецкий метрдотель по - английски. Он постоянно подслушивал. Бретт повернулся к нему.:

“Большое вам спасибо. Хотите еще что-нибудь сказать?”

“Нет, мэм”.

”Хорошо”, - сказал Бретт.

“Оставьте нам столик на троих”, - попросил я немца. Он улыбнулся своей бело-розовой улыбкой.

“Мадам здесь обедает?”

“Нет”, - сказал Бретт.

“Я думаю, что ”табул” на двоих будет достаточно”.

“Не разговаривай с ним”, - сказал Бретт. “Майк, должно быть, был в плохом состоянии”, - сказала она на лестнице. На лестнице мы встретили Монтойю. Он поклонился и не улыбнулся.

Увидимся в кафе”, ‘ сказала Бретт. “Большое тебе спасибо, Джейкью

Мы остановились на этаже, на котором находились наши комнаты. Она прошла прямо по коридору в комнату Ромеро. Она не постучала. Она просто открыла дверь, вошла и закрыла ее за собой.

Я остановился перед дверью комнаты Майка и постучал. Там

ответа не последовало. Я подергал за ручку, и она открылась. В комнате царил полный беспорядок. Все сумки были раскрыты, а одежда разбросана повсюду. Рядом с кроватью стояли пустые бутылки. Майк лежал на кровати, похожий на посмертную маску самого себя. Он открыл глаза и посмотрел на меня.

- Привет, Джейк, - очень медленно произнес он. “ Я немного посплю. Я давно хотел немного поспать.

- Давай я тебя укрою.

“Нет. [’мне довольно тепло”.

“Не уходи. У меня еще нет десяти, чтобы лечь спать”.

“Ты уснешь, Майк. Не волнуйся, мальчик”.

- У Бретт есть тореадор, - сказал Майк. “ Но ее еврей уехал.

Он повернул голову и посмотрел на меня.

- Чертовски хорошая новость, правда?

“да. А теперь иди спать, Майк. Тебе нужно немного поспать”.

“Я только начинаю. Я собираюсь немного поспать”.

Он закрыл глаза. Я вышла из комнаты и тихо закрыла за собой дверь . Билл был в моей комнате и читал газету.

“Видишь Майка?”

“Да”,

“Пойдем поедим”.

“Я не буду есть внизу с этим немецким метрдотелем. Он был чертовски раздражен, когда я поднимал Майка наверх”.

“С нами он тоже был груб”.

“Давай сходим куда-нибудь и поедим в городе”.

Мы спустились по лестнице. На лестнице мы встретили девушку , которая поднималась с накрытым подносом.

“А вот и ланч Бретта”, - сказал Билл.

“И для ребенка”, - добавил я.

На террасе под аркадой к нам подошел немец-метрдотель. Его красные щеки блестели. Он был вежлив.

“У меня есть столик на двоих для вас, джентльмены”, - сказал он.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ в 211

“Иди, посиди”, - сказал Билл. Мы перешли на другую сторону улицы.

Поужинали в ресторане на боковой улочке рядом с площадью. В ресторане обедали одни мужчины. Там было много дыма, выпивки и песен. Еда была вкусной, как и вино. Мы почти не разговаривали. После мы пошли в кафе и наблюдали , как праздник достигает своей кульминации. Бретт пришел вскоре после обеда. Она сказала, что заглянула в комнату и увидела, что Майк спит.

Когда праздник закончился, мы вместе с толпой направились к арене для боя быков. Бретт сидел на краю ринга между мной и Биллом. Прямо под нами был кальехон, проход между трибунами и красным ограждением барреры. Позади нас бетонные трибуны были плотно заполнены. Впереди, за красным ограждением, песок ринга был ровным и желтым. Она казалась немного тяжелой от дождя, но на солнце высохла, стала прочной и гладкой. По улице спускались фехтовальщики и работники корриды-джон, неся на плечах плетеные корзины с боевыми накидками и мулетами. Они были запачканы кровью, плотно сложены и уложены в корзины. Оружейники открыли тяжелые кожаные чехлы для мечей, так что стали видны завернутые в красное рукояти связки мечей , а кожаный чехол прислонили к забору. Они развернули темно-красную фланель мулет и вложили в нее дубинки, чтобы матадору было за что держаться. Бретт наблюдала за всем этим. Она была поглощена профессиональными подробностями.

“его имя написано по трафарету на всех накидках и мулетах”, - сказала она. “Почему они называются мулетами?”

“Я не знаю”.

“Интересно, их когда-нибудь стирают”.

“Я так не думаю. Это может испортить цвет”.

“Должно быть, от крови они становятся жесткими”, - сказал Билл.

“Забавно”, - сказал Бретт. “Flow one не против крови”.

Внизу, в узком проходе кальехона, фехтовальщики

все было устроено. Все места были заняты. Наверху все ложи были заняты. Не было ни одного свободного места, кроме президентской ложи. Когда он входил, начиналась драка. На ровном песке, в высоком дверном проеме, ведущем в загоны, стояли тореадоры, засунув руки в карманы плащей, и разговаривали, ожидая сигнала, чтобы двинуться через арену. Бретт наблюдал за ними в бинокль.

“Вот, хотите взглянуть?”

Я посмотрел в бинокль и увидел трех матадоров. Ромеро был в центре, Бельмонте слева от него, Марсиаль справа. Позади них стояли их люди, а за бандерильеро , в глубине прохода и на открытом пространстве загона, я увидел пикадоров. Ромеро был одет в черный костюм. Его треуголка была низко надвинута на глаза. Я не мог ясно разглядеть его лицо под шляпой, но оно выглядело плохо различимым. Он смотрел прямо перед собой. Марсиаль осторожно курил сигарету , держа ее в руке. Бельмонте смотрел вперед, его лицо было бледным и желтым, длинная волчья челюсть выпячена вперед. Он смотрел в пустоту. Ни у него, ни у Ромеро, казалось, не было ничего общего с остальными. Они были совсем одни. Вошел Президент; над нами, на большой трибуне, раздались хлопки в ладоши, и я передала бокалы Бретт. Раздались аплодисменты. Заиграла музыка. Бретт посмотрел сквозь бокалы.

“Вот, возьми их”, - сказала она.

В бинокль я видел, как Бельмонте разговаривал с Ромеро. Марсиаль выпрямился, бросил сигарету, и, глядя прямо перед собой, запрокинув головы и размахивая свободными руками, все трое мужчин вышли. За ними двигалась вся процессия, разворачиваясь , все шагали в ногу, все закутались в плащи, все размахивали свободными руками, а позади ехали пикадоры, их пикапы вздымались , как копья, позади всех двигались две вереницы мулов и слуги с корриды. Матадоры поклонились, не снимая шляп, перед президентской ложей, а затем подошли к баррере под нами.

Педро Ромеро снял свой тяжелый плащ из золотой парчи и передал его через ограждение своему фехтовальщику. Он что-то сказал фехтовальщику. Совсем близко от нас мы увидели, что губы Ромеро распухли, оба глаза потемнели. Его лицо было бледным и опухшим. Фехтовальщик взял плащ, посмотрел на Бретта, подошел к нам и протянул плащ.

“Расстели это перед собой”, - сказал я.

Бретт наклонился вперед. Плащ был тяжелым и отделанным золотом. Фехтовальщик оглянулся, покачал головой и что-то сказал. Мужчина рядом со мной наклонился к Бретту.

“Он не хочет, чтобы вы его расправляли”, - сказал он. “Вам следует сложить его и держать на коленях”.

Бретт сложил тяжелую накидку.

Ромеро не смотрел на нас. Он разговаривал с Бельмонте. Бельмонте отослал свою парадную накидку нескольким друзьям. Он посмотрел на них и улыбнулся своей волчьей улыбкой, которая была видна только одними губами. Ромеро перегнулся через ограждение и попросил кувшин с водой. Фехтовальщик принес его, и Ромеро вылил воду на перкалевую ткань своего боевого плаща, а затем затоптал нижние складки на песке ногой в тапочке.

“Для чего это?” - Спросил Бретт.

“Чтобы придать ему вес на ветру”.

“У него плохое выражение лица”, - сказал Билл.

“Он очень плохо себя чувствует”, - сказал Бретт. “Ему следовало бы лечь в постель”.

Первый булл принадлежал Бельмонте. Бельмонте был очень хорош. Но поскольку он получил тридцать тысяч песет и люди всю ночь стояли в очереди, чтобы купить билеты на его выступление, толпа требовала, чтобы он был более чем хорош. Главная достопримечательность Бельмонте - это то, что он работает рядом с быком. При бое быков говорят о местности , на

которой находится бык, и о местности, на которой находится тореадор. Пока тореадор остается на своей территории, он в относительной безопасности. Каждый раз, когда он попадает на территорию быка, он подвергается большой опасности. Бельмонте в свои лучшие дни всегда работал на территории

бык. Таким образом, он создавал ощущение надвигающейся трагедии. Люди шли на корриду, чтобы увидеть Бельмонте, испытать трагические ощущения и, возможно, увидеть смерть Бельмонте. Пятнадцать лет назад говорили, что если хочешь увидеть Бельмонте, нужно ехать как можно скорее, пока он еще жив. С тех пор он убил более тысячи быков. Когда он ушел в отставку легенда рос о том, как его бык-бои были, и когда он вышел на пенсию государственным были разочарованы, потому что никто не мог работать так близко к быков, как Бельмонте был натворил, нет, конечно, даже Бельмонте.

Кроме того, Бельмонте выдвинул условия и настоял на том, чтобы его быки не были слишком крупными и не были слишком опасно вооружены рогами, и поэтому отсутствовал элемент, необходимый для создания ощущения трагедии, а публика, которая хотела от Бельмонте, больного фистулой, в три раза больше, чем от других быков. Бельмонте , который всегда умел отдавать, чувствовал себя обманутым, и челюсть Бельмонте еще больше выпятилась от презрения, а лицо пожелтело еще больше , и он двигался с большим трудом по мере того, как усиливалась боль , и, наконец, толпа активно ополчилась против него, а он был полон презрения и безразличия. Он рассчитывал отлично провести день, а вместо этого в его адрес звучали насмешки, выкрикивались оскорбления и, наконец, в него полетел град подушек, кусков хлеба и овощей на площади, где он одержал свои величайшие победы. Его челюсть только еще больше выдвинулась вперед. Иногда , когда его обзывали особенно оскорбительно, он поворачивался и улыбался своей беззубой улыбкой с удлиненной челюстью, и всегда боль, причиняемая любым движением, становилась все сильнее и сильнее, пока, наконец, его желтое лицо не приобрело цвет пергамента, а после того, как был убит второй бык и прекратилось швыряние хлебом и подушками После того, как он отсалютовал президенту с той же волчьей ухмылкой и презрительным взглядом и передал свою шпагу через барьер, чтобы ее вытерли и убрали обратно в футляр, он

прошел в кальехон и прислонился к ограждению под нами, уронив голову на руки, ничего не видя и не слыша, только переживая свою боль. Когда он, наконец, поднял глаза, то попросил воды. Он немного глотнул, прополоскал рот, выплюнул воду, надел плащ и вернулся на ринг.

Поскольку они были против Бельмонте, публика была за Роммеро. С того момента, как он покинул барреру и направился к быку, ему аплодировали. Бельмонте тоже наблюдал за Ромеро, наблюдал за ним всегда незаметно. Он не обращал внимания на Марсьяля. Марсьяль был из тех, о ком он знал все. Он вернулся из отставки, чтобы посоревноваться с Марсьялем, зная, что это соревнование было заранее подготовлено. Он ожидал, что будет соревноваться с Марсиаль и другие звезды декадансного боя быков, и он знал, что искренность его собственного боя быков будет настолько контрастировать с фальшивой эстетикой борцов с быками периода упадка , что ему достаточно будет выйти на ринг. Его возвращение из отставки было испорчено Ромеро. Ромеро всегда делал плавно, спокойно и красиво то, что он, Бельмонте, мог заставить себя делать только сейчас. Зрители почувствовали это, даже жители Биаррица, даже американский посол, наконец, это увидели . Это было соревнование, в котором Бельмонте не участвовал, потому что это привело бы только к серьезной травме рога или смерти. Бельмонте больше не чувствовал себя достаточно хорошо. У него больше не было лучших моментов на арене для боя быков. Он не был уверен, что бывают какие -то великие моменты. Все было не так, как раньше, и теперь жизнь была только вспышками. У него были проблески былого величия в отношении его быков, но они не представляли ценности, потому что он заранее обесценил их , когда выбирал быков для их безопасности, выходя из машины и облокачиваясь на забор, чтобы посмотреть на стадо на ранчо своего друга быка - заводчик. Итак, у него было два маленьких, послушных бычка без особых рогов, и когда он снова почувствовал, что к нему возвращается величие, то лишь отчасти, несмотря на боль, которая всегда была с ним.

у него это было куплено со скидкой и продано заранее, и это не вызывало у него приятных ощущений. Это было великолепие, но

оно больше не делало бой быков замечательным для него.

Педро Ромеро был великолепен. Он любил бои быков, и я думаю, что он любил быков, и я думаю, что он любил Бретт. В тот день он делал все, что мог, на глазах у нее.

Он ни разу не поднял глаз. Таким образом, он сделал это сильнее, и сделал это как для себя, так и для нее. Поскольку он не поднял глаз, чтобы спросить, нравится ли ему это, он сделал все это для себя, и это придало ему сил, и все же он сделал это и для нее. Но он сделал это не ради нее, не в ущерб себе. Он выиграл от этого весь день.

Его первое “смирно” прозвучало прямо под нами. Три матадора по очереди отбивают быка после каждой атаки, которую он совершает на пикадора. Бель-Монте был первым. Марсьяль был вторым. Затем появился Ромеро. Все трое стояли слева от лошади. Пикадор, надвинув шляпу на глаза и направив острие своего пикапа прямо на быка, пришпорил его и , держа поводья в левой руке, направил лошадь прямо на быка. Бык наблюдал за происходящим. Казалось, он наблюдал за белой лошадью, но на самом деле он наблюдал за треугольным стальным наконечником на картинке. Ромеро, наблюдая, увидел, как бык начал поворачивать голову. Он не хотел нападать. Ромеро взмахнул плащом, чтобы цвет привлек внимание быка. Бык, повинуясь рефлексу, бросился в атаку, но увидел не вспышку цвета, а белую лошадь, и человек, перегнувшийся через лошадь, всадил стальное острие длинного древка из гикори в бугор мышц на плече быка и развернул свою лошадь в сторону на фото - нанесение раны, вонзение железа в плечо быка, заставляющее его истекать кровью ради Бельмонте.

Бык не настаивал под железом. На самом деле он не хотел нападать на лошадь. Он повернулся, и группа разделилась, и Ромеро уводил его своим плащом. Он вынул его мягко и плавно, а затем остановился и, встав прямо перед

о быке, предложил ему плащ. Бык задрал хвост и бросился в атаку, а Ромеро замахал руками, опережая быка, вращаясь , его ноги были тверды. Промокший, пропитанный грязью плащ

распахнулся, как надувается парус, и Ромеро развернулся с ним прямо перед быком. В конце прохода они снова оказались лицом к лицу . Ромеро улыбнулся. Бык снова захотел этого, и плащ Ромеро снова наполнился, на этот раз с другой стороны. Каждый раз он подпускал быка так близко, что человек, бык и плащ, который наполнялся и разворачивался перед быком, сливались в одну четко очерченную массу. Все происходило так медленно и так контролируемо. Это было похоже на то, как если бы он укачивал быка, чтобы тот заснул. Он сотворил таким образом четыре вероники и закончил полувероникой, в которой повернулся спиной к быку и пошел навстречу аплодисментам, уперев руку в бедро, перекинув плащ через руку, а бык смотрел ему вслед, удаляясь.

На своих собственных корридах он был безупречен. Его первый бык плохо видел. После первых двух пасов с мысом Ромеро точно знал, насколько сильно у него ухудшилось зрение. Он работал соответственно. Это был не блестящий бой быков. Это был всего лишь идеальный бой быков. Толпа хотела, чтобы быка заменили. Они устроили большой скандал. Ничего хорошего не могло случиться с быком, который не видит приманки, но президент не отдал приказа о его замене.

“Почему они его не заменят?” - спросил Бретт.

“Они заплатили за него. Они не хотят терять свои деньги”.

“Это несправедливо по отношению к Ромеро”.

“Посмотрите, как он справляется с быком, который не различает цвета”.

“Мне не нравится на это смотреть”.

На это было неприятно смотреть, если тебе было не все равно , кто это делает. В случае с быком, который не мог разглядеть цвета накидок или алой фланели мулеты, Ромеро пришлось заставить быка согласиться своим телом. Он должен был подобраться так близко, чтобы бык увидел его тело и бросился на него, а затем перевести атаку быка на фланг и завершить передачу в классической манере. Болельщикам в Биаррице это не понравилось. Они подумали, что Ромеро

он боялся, и именно поэтому каждый раз слегка отступал в сторону, перенося удар быка со своего тела на фланель. Они предпочитали, чтобы Бельмонте изображал самого себя или Марсьяль - Бельмонте. Их было трое в ряду позади нас.

“Чего он боится быка? Бык такой тупой, что лезет только за тряпкой”.

“Он всего лишь молодой тореадор. Он еще не научился этому”.

“Но я думал, что раньше у него все было в порядке с плащом”.

“Наверное, сейчас он нервничает”.

Выйдя в центр ринга, в полном одиночестве, Ромеро продолжал делать то же самое, подбираясь так близко, что бык мог ясно видеть его, предлагая свое тело, снова предлагая его чуть ближе, бык тупо наблюдал, затем так близко, что бык подумал, что поймал его, предлагая снова и, наконец, оттянул атаку на себя, а затем, как раз перед тем, как появились рога, дал быку красную тряпку, за которой последовал тот маленький, почти незаметный рывок, который так оскорбил критическое мнение экспертов по боям быков в Биаррице.

“Теперь он будет убивать”, - сказал я Бретту. “Бык все еще силен. Он бы не стал изнурять себя”.

Выйдя в центр ринга, Ромеро встал в стойку перед быком, вытащил меч из-под мулеты, поднялся на цыпочки и прицелился вдоль лезвия. Бык бросился в атаку, когда Ромеро бросился в атаку. Левой рукой Ромеро опустил мулету на морду быка, чтобы ослепить его, его левое плечо выдвинулось вперед, между рогами, когда меч вошел в тело, и на мгновение он и бык стали единым целым, Ромеро навис над быком, а правая рука поднялась высоко вверх, туда, где находился меч. рукоять меча вошла между лопаток быка. Затем фигура распалась. Ромеро слегка дернулся, и вот он уже стоит, подняв одну руку, лицом к быку, рубашка на нем распахнута , белое развевается на ветру, а бык - с красным мечом.

он крепко втянул голову в плечи, опустил ноги.

“Вот и он”, - сказал Билл.

Ромеро был достаточно близко, чтобы бык мог его видеть. Все еще держа руку поднятой, он обратился к быку. Бык собрался с силами, затем его голова подалась вперед, и он медленно перевернулся, а затем и весь, внезапно, поднялся на четыре фута в воздух.

Они передали меч Ромеро, и, держа его лезвием вниз, с мулетой в другой руке, он подошел к Президентская ложа, поклонился, выпрямился, подошел к барьеру и передал шпагу и мулету.

“Плохой парень”, - сказал фехтовальщик.

“Он заставил меня вспотеть”, - сказал Ромеро. Он вытер лицо. Фехтовальщик протянул ему кувшин с водой. Ромеро вытер губы. Ему было больно пить из кувшина. Он даже не взглянул на нас.

У Марсиаля был трудный день. Они все еще аплодировали ему, когда Пришел последний бык Ромеро. Это был бык, который выскочил на улицу и убил человека во время утренней пробежки.

Во время первого боя с быком Ромеро его обиженное лицо было очень заметным . Это было заметно по всему, что он делал. Вся сосредоточенность , с которой он неловко и деликатно работал с быком, который плохо видел, выдавала это. Драка с Коном не повлияла на его дух , но его лицо было разбито, а тело изранено. Теперь он старался избавиться от всего этого. Каждое действие, которое он совершал с этим быком, стирало все это еще больше. Это был хороший бык, большой бык с рогами, он поворачивался и перезаряжался легко и уверенно. Он был кем Ромеро хотел играть в “Буллз”.

Когда он закончил свою работу с мулетой и был готов убивать, толпа заставила его продолжать. Они еще не хотели, чтобы быка убили, они не хотели, чтобы это заканчивалось. Ромеро продолжал. Это было похоже на корриду. Все пассы, которые он выполнял, были точными, медленными, выверенными и плавными. Не было никаких трюков

и никаких мистификаций. Не было никакой резкости. И каждый проход по мере достижения вершины вызывал внезапную боль внутри. Толпа не хотела, чтобы это когда-нибудь заканчивалось.

Бык встал на все четыре лапы, чтобы его убили, и Ромеро убил прямо под нами. Он убил не так, как его заставил предыдущий бык, а так, как ему хотелось. Он встал прямо перед быком, вытащил меч из складок мулеты и прицелился вдоль лезвия. Бык наблюдал за ним. Ромеро что-то сказал быку и похлопал его по ноге. Бык бросился в атаку, и Ромеро ждал атаки, держа мулету низко, целясь вдоль лезвия, расставив ноги. Затем, не сделав ни шага вперед, он оказался один на один с быком, меч оказался высоко между лопаток, бык последовал за низко опущенной фланелью, которая исчезла, когда Ромеро резко отклонился влево, и все было кончено. Бык попытался двинуться вперед, его ноги начали подкашиваться, он раскачивался из стороны в сторону, колебался, затем опустился на колени, и Старший брат Ромеро наклонился к нему сзади и вонзил короткий нож в шею быка у основания рогов. В первый раз он промахнулся. Он снова вонзил нож, и бык упал, дергаясь и застыв на месте. Брат Ромеро, держа быка за рога в одной руке, а нож - в другой, посмотрел на ложу президента. По всей арене для боя быков размахивали носовыми платками. То Президент выглянул из ящика и помахал носовым платком. Брат отрезал у мертвого быка черное ухо с зазубринами и подбежал с ним к Ромеро. Бык, тяжелый и черный, лежал на песке, высунув язык. Мальчишки бежали к нему со всех концов арены, образовав вокруг него небольшой круг. Они начали танцевать вокруг быка.

Ромеро взял у брата ухо и поднес его к глазам. Президент. Президент поклонился, и Ромеро, стараясь опередить толпу, подошел к нам. Он прислонился к ограждению и обратился к Бретту. Он кивнул головой и улыбнулся. Толпа окружила его со всех сторон. Бретт придержал накидку.

”Тебе понравилось?” Позвал Ромеро.

Бретт ничего не ответила. Они посмотрели друг на друга и улыбнулись. Бретт держала ухо в руке.

“Только без крови”, - сказал Ромеро и ухмыльнулся. Толпа хотела заполучить его. Несколько парней закричали на Бретта. Толпа состояла из парней, танцоров и пьяниц. Ромеро повернулся и попытался пробиться сквозь толпу. Они окружили его, пытаясь поднять и посадить себе на плечи. Он сопротивлялся, вырывался и побежал, окруженный толпой, к выходу. Он не хотел, чтобы его несли на плечах. Но они подхватили его и подняли. Это было неудобно, ноги у него были раздвинуты , а все тело болело. Его подняли, и все побежали к воротам. Он держал руку на чьем-то плече. Он оглянулся на нас с извиняющимся видом. Толпа побежала за ним к выходу.

Мы все трое вернулись в отель. Бретт поднялся наверх. Мы с Биллом посидели в столовой внизу, поели яиц вкрутую и выпили несколько бутылок пива. Бельмонте спустился вниз в обычной одежде вместе со своим менеджером и еще двумя мужчинами. Они сели за соседний столик и поели. Бельмонте ел очень мало. Они отправлялись семичасовым поездом в Барселону. Бельмонте был одет в рубашку в синюю полоску и темный костюм и ел яйца всмятку. Остальные плотно поели. Бельмонте не разговаривал. Он только отвечал вопросы.

Билл устал после боя быков. Я тоже. Мы оба очень переживали бой быков. Мы сидели и ели яичницу, и я наблюдал за Бельмонте и людьми за его столом. Мужчины, которые были с ним , выглядели суровыми и деловитыми.

“Пойдем в кафе”, - предложил Билл. ”Я хочу абсента”.

Это был последний день фиесты. На улице снова начинало смеркаться. Площадь была полна людей, и специалисты по фейерверкам готовили свои праздничные номера и накрывали их буковыми ветками. Мальчишки наблюдали за происходящим. Мы прошли мимо

стенды с ракетами на длинных бамбуковых стеблях. Перед кафе собралась огромная толпа. Музыка и танцы продолжались. Мимо проходили великаны и гномы.

“Где Эдна?” Я спросил Билла.

“Не знаю”.

Мы посмотрели начало последнего вечера фиесты. После абсента все стало казаться лучше. Я пила его без сахара в бокале, с которого капала вода, и он был приятно горьким.

“Мне жаль Кона”, - сказал Билл. “Он ужасно провел время”.

“Да ну его к черту”, - сказал я.

“Как ты думаешь, куда он поехал?”

“В Париж”.

“Как ты думаешь, что он сделает?”

“Ну и черт с ним”.

“Как ты думаешь, что он сделает?”

“Наверное, встретится со своей бывшей девушкой”.

“Кто была его бывшая девушка?”

“Кто-то по имени Фрэнсис”.

Мы выпили еще абсента.

“ Когда ты возвращаешься? Я спросил.

- Завтра.

Немного погодя Билл сказал: “Что ж, это была великолепная фиеста”.

“Да, - сказал я, - все время что-то происходит”.

“Ты не поверишь. Это похоже на чудесный ночной кошмар”.

“Конечно”, - сказал я. “Я готов поверить во что угодно. Включая ночные кошмары”.

“В чем дело? Чувствуешь себя подавленным?”

“Ужасно подавленным”.

“Выпейте еще абсента. Вот, официант! Еще абсента для этого сеньора”.

“Я чувствую себя ужасно”, - сказал я.

“Выпейте это”, - сказал Билл. “Пей медленно”.

Начинало темнеть. Праздник продолжался. Я начал чувствовать, что пьян, но лучше мне не становилось.

“Как ты себя чувствуешь?”

“Паршиво себя чувствуешь”.

“Выпьешь еще?”

“Ничего хорошего из этого не выйдет”.

“Попробуй”. Ты не можешь сказать наверняка; может быть, это тот, кто понимает. Эй, официант! Еще абсента для этого сеньора!

Я налила воды прямо в стакан и помешала, вместо того чтобы дать ей стечь. Билл положил кусочек льда. Я размешала лед ложкой в коричневатой мутной смеси.

- Ну и как оно?

“хорошо”.

“Не пей это так быстро. Тебя может стошнить”.

Я отставил стакан. Я не хотел пить это так быстро.

“Я чувствую себя напряженным”.

“Тебе следовало бы”.

- Ты ведь этого хотел, не так ли?

“конечно. Затянись. Преодолей свою чертову депрессию”.

“Ну, я затянулся. Ты этого хочешь?”

“Сядь”.

“Я не буду садиться”, - сказал я. “Я иду в отель”.

Я был очень пьян. Я был пьянее, чем когда-либо в жизни . В отеле я поднялся по лестнице. Дверь Бретта была открыта. Я просунул голову в комнату. Майк сидел на кровати. Он помахал бутылкой.

“Джейк”, - сказал он. ”Заходи, Джейк”.

Я вошел и сел. В комнате было неспокойно, если я не смотрел в какую-нибудь неподвижную точку.

“Бретт, ты знаешь. Она ушла с тем парнем, который занимается тореадором.

“нет.”

“да. Она искала тебя, чтобы попрощаться. Они уехали семичасовым поездом.

“Правда?”

“Плохой поступок”, - сказал Майк. - Ей не следовало этого делать.

Поет

“Хочешь выпить? Подожди, я позвоню, чтобы принесли пива”.

“Я пьян”, - сказал я. “Я пойду и лягу”.

“Ты что, слепой? Я сам был слепым”.

“Да, - сказал я, - я слепой“.

“Ну и дела”, - сказал Майк. “Поспи немного, старина Джейк”.

Я вышел за дверь, прошел в свою комнату и лег на кровать.

Кровать покатилась, и я сел на кровати и уставился на стену, чтобы остановить это. Снаружи, на площади , продолжалась фиеста. Это ничего не значило. Позже пришли Билл и Майк и позвали меня спуститься и поужинать с ними. Я притворился спящим.

“Он спит. Лучше оставь его в покое”.

“Он слепой, как клещ”, - сказал Майк. Они вышли.

Я встал, вышел на балкон и посмотрел на танцующих на площади. Мир больше не кружился. Он был просто очень четким и ясным, но по краям слегка расплывался. Я умылся, причесался. Я странно посмотрел на свое отражение в зеркале и спустился в столовую.

“А вот и он!” - сказал Билл. “Старина Джейк! Я знал, что ты не упадешь в обморок”.

“Привет, старый пьяница”, - сказал Майк.

“Я проголодался и проснулся”.

“Съешь немного супа”, - сказал Билл.

Мы втроем сидели за столом, и нам показалось, что не хватает примерно шести человек.

БО.@ Ке итл

или |

‘ЦРУ использует этот компакт-диск

Утром все было кончено. Фиеста была закончена. Я проснулся около девяти часов, принял ванну, оделся и спустился вниз. Площадь была пуста, и на улицах не было ни одного человека. Несколько детей собирали на площади реактивные снаряды. Кафе только открывались, и официанты выносили удобные белые

плетеные стулья и расставляли их вокруг столиков с мраморными столешницами в тени аркады. Они подметали улицы и поливали их из шланга.

Я уселся в одно из плетеных кресел и удобно откинулся на спинку. Официант не спешил подходить. На колоннах пассажа все еще висели объявления о разгрузке вагонов и большие расписания специальных поездов. Подошел официант в синем фартуке с ведром воды и тряпкой и начал срывать объявления, отрывая бумагу полосками, промывая и оттирая прилипшую к камню бумагу. Праздник закончился. ’

Я выпил кофе, и через некоторое время подошел Билл. Я наблюдал за ним

иду через площадь. Он сел за столик и заказал кофе.

“Ну, - сказал он, - все кончено”.

“Да”, - сказал я. “Когда ты собираешься…”

“я не знаю. Думаю, нам лучше взять машину. Ты не собираешься возвращаться в Париж?”

“Нет. Я могу отсутствовать еще неделю. Я думаю, что поеду в Сан-Франциско. Себастьян.”

“ОНО хочет вернуться”.

“Что собирается делать Майк?”

“Он едет в Сен-Жан-де-Люз”.

“Давайте возьмем машину и поедем вместе до Байонны. Оттуда вы можете сесть на поезд сегодня вечером”.

“хорошо. Давай поедем после обеда”.

“Хорошо. Я возьму машину”.

Мы пообедали и оплатили счет. Монтойя к нам не подходил . Счет принесла одна из горничных. Машина стояла на улице. Шофер сложил сумки и закрепил их ремнями на крыше машины, положил их рядом с собой на переднее сиденье, и мы сели. Машина выехала с площади, проехала по боковым улочкам, скрылась под деревьями и спустилась с холма, удаляясь от Памплоны. Поездка показалась мне не очень долгой. У Майка была бутылка Фундадора. Я выпил всего пару стаканчиков. Мы пересекли горы и выехали из Испании , проехали по белым дорогам, через покрытую листвой, влажную, зеленую страну Басков и, наконец, оказались в Байонне. Мы оставили багаж Билла на вокзале, и он купил билет до Парижа. Его поезд отправлялся в семь десять. Мы вышли со станции. Машина стояла _ вышел вперед.

- Что нам делать с машиной? - спросил я. - спросил Билл.

“Да ладно возиться с машиной”, - сказал Майк. “Давай просто оставим машину при себе”.

“Хорошо”, - сказал Билл. “Куда мы поедем?”

“Давай поедем в Биарриц и выпьем”.

“Старина Майк - транжира”, - сказал Билл.

Мы приехали в Биарриц и оставили машину возле очень красивого отеля “Ритц “. Мы зашли в бар, сели на высокие стулья и выпили виски с содовой.

“Это мой напиток”, - сказал Майк.

“Давайте выпьем за это”.

И мы бросили кости для покера из глубокого кожаного стаканчика. Билл бросил первым. Майк проиграл мне и протянул бармену банкноту в сто франков. Виски стоили по двенадцать франков за штуку. Мы выпили еще по одной порции, и Майк

снова проиграл. Каждый раз он давал бармену хорошие чаевые. В комнате рядом со стойкой играл хороший джаз-бэнд . Это был приятный бар. У нас был еще один раунд. При первом броске у меня было четыре короля. Билл и Майк сделали выпад. Майк выиграл первый бросок с четырьмя валетами. Билл выиграл второй. На последнем броске У Майка было три короля, и он позволил им остаться. Он протянул стаканчик с игральными костями Биллу. Билл побрякал ими и бросил, и там оказались три короля, туз и дама.

“Это твое, Майк”, - сказал Билл. “Старина Майк, игрок”.

‘Мне очень жаль”, - сказал Майк. “Я не могу достать”.

“В чем дело?”

“У меня нет денег’, - сказал Майк. “Я в шоке”. У меня всего двадцать франков. Вот, возьми двадцать франков”.

Выражение лица Билла изменилось.

- У меня как раз хватило денег, чтобы заплатить Монтойе. Чертовски повезло, что у меня это есть,

тоже.

Я обналичу тебе чек, - сказал Билл. “Это чертовски мило с твоей стороны, но, как видишь, я не умею выписывать чеки”. “Что ты собираешься делать, чтобы заработать деньги?” “О, кое-что придет. У меня должны быть карманные деньги за две недели . Я могу прожить на них в этом пабе в Сен-Жане.” - Что ты собираешься делать с машиной?“ Спросил меня Билл. “ Ты хочешь оставить ее себе?” - Это не имеет никакого значения. Звучит как-то по-идиотски.

230 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“Давай выпьем еще”, - сказал Майк.

“отлично. Это за мой счет, - сказал Билл. - У Бретта есть какие-нибудь деньги? Он повернулся к Майку.

- Я так не думаю. Она отдала большую часть того, что я отдал старому Монтойя.”

“ У нее нет с собой денег? Я спросил.

- Я бы так не подумал. У нее никогда не было денег. Она получает пятьсот фунтов в год и триста пятьдесят из них выплачивает евреям в виде процентов”.

“Я полагаю, они получают их из первоисточника”, - сказал Билл.

“Вполне. На самом деле они не евреи. Мы просто называем их евреями. Они Шотландцы, я полагаю”.

- А у нее что, совсем ничего с собой нет? Я спросил.

- Я так не думаю. Она отдала все это мне, когда уходила.

- Что ж, - сказал Билл, - мы могли бы с таким же успехом выпить еще.

“Чертовски хорошая идея”, - сказал Майк. “Никто ничего не добьется, обсуждая финансы”.

“Нет”, - сказал Билл. Мы с Биллом сыграли еще два раунда. Билл проиграл и заплатил. Мы пошли к машине.

“Куда бы ты хотел поехать, Майк?” Спросил Билл.

“Давай прокатимся. Это может сделать мне честь. Давай немного покатаемся”.

“отлично. Я бы хотел посмотреть на побережье. Давай поедем в сторону Хендея ”.

“У меня нет никакого кредита на побережье”.

“Никогда нельзя сказать наверняка”, - сказал Билл.

Мы поехали по прибрежной дороге. Там были зеленые мысы, виллы с белыми и красными крышами, участки леса и океан, очень синий во время отлива, и волны , извивающиеся далеко вдоль берега. Мы проехали Сен-Жан-де-Люз и миновали деревни, расположенные дальше по побережью. Позади холмистой местности, по которой мы ехали, мы увидели горы, через которые переехали из Памплоны. Дорога продолжалась дальше. Билл оглянулся

СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ в 231 час.

по его часам. Нам пора было возвращаться. Он постучал в стекло и велел водителю развернуться. Водитель выехал задним ходом на траву, чтобы развернуть машину. Позади нас был лес, за ним луг, а затем море.

У отеля в Сен-Жане, где Майк собирался остановиться, мы остановили машину, и он вышел. Шофер внес его сумки. Майк стоял рядом с машиной.

“До свидания, ребята”, - сказал Майк. “Это была чертовски хорошая фиеста”.

“Пока, Майк”, - сказал Билл.

“Еще увидимся”, - сказал я.

“Не беспокойтесь о деньгах”, - сказал Майк. “Ты можешь заплатить за машину, Джейк, и я пришлю тебе свою долю”.

“Пока, Майк”.

“Пока, ребята. Вы были чертовски любезны”.

Мы все пожали друг другу руки. Мы помахали Майку из машины. Он стоял на дороге и наблюдал. Мы приехали в Байонну как раз перед отправлением поезда. Носильщик внес чемоданы Билла из пункта выдачи. Я дошел до внутренних ворот, ведущих на железнодорожные пути.

- Пока, приятель, - сказал Билл.

“Пока, парень!”

“Это было здорово. Я отлично провел время”.

“Ты будешь в Париже?”

“Нет, я должен отплыть 17-го. Пока, приятель.

“Пока, старина!”

Он прошел через ворота к поезду. Носильщик пошел вперед с чемоданами. Я наблюдал, как поезд трогается. Билл стоял у одного из окон. Окно закрылось, поезд прошел дальше, и пути опустели. Я вышел на улицу к машине.

” Сколько мы вам должны? - Спросил я водителя. Цена, по которой Цена за Байонну была установлена на уровне ста пятидесяти песет.

- Двести песет.

- Насколько больше это будет стоить, если ты отвезешь меня в Сан“Себастьян

{?

на обратном пути?”

232 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

”Пятьдесят песет”.

“Не разыгрывай меня”.

”Тридцать пять песет”.

“Оно того не стоит”, - сказал я. - Отвези меня в отель ”Панье Флери”.

В отеле я расплатился с водителем и дал ему чаевые. Машина была покрыта пылью. Я протер футляр для удочек от пыли. Казалось, это было последнее, что связывало меня с Испанией и фиестой. Водитель завел машину и поехал по улице. Я наблюдал, как она сворачивает на дорогу, ведущую в Испанию. Я вошел в отель, и мне предоставили номер. Это была та самая комната, в которой я спал , когда мы с Биллом и Коном были в Байонне. Казалось, это было очень давно. Я умылся, сменил рубашку и вышел в город.

В газетном киоске я купил номер “Нью-Йорк Таймс”. “Геральд” и посидел в кафе, чтобы почитать ее. Было странно снова оказаться во Франции . Я чувствовал себя в безопасности, как в пригороде. Я пожалел, что не поехал в Париж с Биллом, хотя Париж означал бы больше празднеств. На какое-то время я покончил с праздниками. В Сан-Себастьяне было бы тихо. Сезон там открывается только Август. Я мог бы снять хороший номер в отеле, читать и плавать. Там был прекрасный пляж. Вдоль набережной над пляжем росли чудесные деревья, и перед открытием сезона сюда отправляли много детей с нянями. По вечерам под деревьями напротив кафе проходили концерты музыкальных групп. Пристани для яхт. Я мог сидеть на пристанях и слушать.

“Как здесь едят?” Спросил я официанта. Внутри кафе Был ресторан.

“хорошо. Очень хорошо. Человек очень хорошо питается.”

“хорошо.”

Я вошел в дом и поужинал. Для Франции это был обильный ужин, но после Испании он показался мне очень тщательно

подобранным. Я выпил бутылку вина за компанию. Это было “Шато Марго”. Было приятно пить медленно, пробовать вино и наслаждаться

один. Бутылка вина была хорошей компанией. После этого я выпил кофе. Официант порекомендовал баскский ликер под названием “Иззарра”. Он принес бутылку и наполнил бокал ликером. Он сказал Иззарра была сделана из цветов Пиренеев. Настоящие цветы Пиренеев. Это было похоже на масло для волос и пахло как Итальянская стрега. Я попросил его убрать “цветы Пиренеев ” и принести мне “старые выжимки”. Выжимки были вкусными. После кофе я заказал еще одну выжимку.

Официант, казалось, немного обиделся на “цветы Пиренеев”. Пиренеи, поэтому я дал ему больше чаевых. Это сделало его счастливым. Мне было приятно находиться в стране, где так просто сделать людей счастливыми. Никогда не знаешь, поблагодарит ли тебя официант-испанец. Во Франции все построено на четкой финансовой основе. Это самая простая страна для жизни. Никто не усложняет жизнь, становясь вашим другом по какой-либо непонятной причине. Если вы хотите понравиться людям, вам нужно всего лишь потратить немного денег. Я потратил немного денег, и я понравился официанту. Он оценил мои ценные качества. Он был бы рад видеть меня снова. Я бы как-нибудь пообедал там снова, и он был бы рад меня видеть и хотел бы видеть за своим столиком. Это была бы искренняя симпатия, потому что она имела бы под собой прочную основу. Я вернулся во Францию.

На следующее утро я дал каждому в отеле слишком много чаевых, чтобы завести побольше друзей, и уехал утренним поездом в Сан-Франциско. Себастьян. На вокзале я не дал носильщику на чай больше, чем следовало, потому что не думал, что когда-нибудь увижу его снова. Я просто хотел, чтобы в Байонне у меня было несколько хороших друзей-французов , которые могли бы поддержать меня на случай, если я вернусь туда снова. Я знал, что если они помнят меня, то их дружба будет верной.

В Ируне нам пришлось пересесть на другой поезд и предъявить паспорта. Мне очень не хотелось уезжать из Франции. Жизнь во Франции была такой простой. Я чувствовал себя дураком , возвращаясь в Испанию. В Испании ни о чем не скажешь . Я чувствовал себя дураком, возвращаясь в нее, но я встал в очередь с паспортом, открыл багаж на таможне, купил

купил билет, прошел через ворота, сел в поезд и через сорок минут и восемь туннелей был в Сан-Себастьяне.

Даже в жаркий день в Сан-Себастьяне по-особенному рано. качество. Кажется, что листья на деревьях никогда полностью не высыхали. На улицах как будто только что побрызгали дождевой водой. Даже в самый жаркий день на некоторых улицах всегда прохладно и тенисто. Я отправился в гостиницу в том городе, где останавливался раньше, и мне дали номер с балконом, с которого открывался вид на городские крыши. За “корнями” виднелся зеленый горный склон.

Я распаковал свои сумки и разложил книги на столике у изголовья кровати, разложил бритвенные принадлежности, повесил кое -какую одежду в большой шкаф и собрал вещи для стирки. Затем я принял душ в ванной и спустился пообедать. Испания еще не перешла на летнее время, поэтому я пришел пораньше. Я снова перевел стрелки часов. Приехав в Сан-Себастьян, я сэкономил целый час.

Когда я вошел в столовую, консьерж принес мне полицейский бюллетень для заполнения. Я подписал его и попросил у него два теле— заполнил бланки и написал сообщение в отель “Монтойя ” с просьбой пересылать всю почту и телеграммы для меня по этому адресу. Я подсчитал, сколько дней пробуду в Сан-Себастьяне, а затем отправил телеграмму в офис с просьбой задержать отправку почты, но отложить все отправления для меня в Сан-Себастьян на шесть дней. Затем я зашел домой и пообедал.

После обеда я поднялся к себе в комнату, немного почитал и заснул. Когда я проснулся, было половина пятого. Я нашел свой купальник, завернул его вместе с расческой в полотенце, спустился по лестнице и пошел вверх по улице к Конче. Прилив

был примерно на полпути. Пляж был гладким и твердым, а песок желтым. Я зашел в кабинку для купания, разделся, надел костюм и пошел по гладкому песку к морю. Песок был теплым под босыми ногами. В воде и на пляже было довольно много людей . За тем местом, где почти сходились мысы Кончи

СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ В 235 УТРА.

в гавани виднелась белая полоса прибоя, а за ней - открытое море. Несмотря на то, что начался отлив, было несколько небольших приливов. Они набегали волнами, набирали вес и плавно разбивались о теплый песок. Я вышел из воды. Вода была холодной.:Когда налетел вал, я нырнул, проплыл под водой и вынырнул на поверхность, чувствуя, что холод прошел. Я подплыл к плоту, подтянулся и лег на горячие доски. На другом конце были мальчик и девочка. Девочка расстегнула верхнюю бретельку купальника и загорала на спине. Мальчик лежал на плоту лицом вниз и разговаривал с ней. Она смеялась над его словами и подставляла солнцу свою загорелую спину. Я лежал на плоту на солнышке, пока не обсох. Затем я попробовал несколько погружений. Однажды я нырнул глубоко и доплыл до дна. Я плыл с открытыми глазами, а вокруг было темно-зелено. Плот отбрасывал темную тень. Я вынырнул из воды рядом с плотом, подтянулся, нырнул еще раз, придерживая его для ленита, а затем поплыл к берегу. Я лежал на пляже , пока не обсох, затем зашел в кабинку для купания, снял купальник, ополоснулся свежей водой и насухо вытерся.

Я прогулялся по гавани под деревьями к казино, а затем поднялся по одной из прохладных улиц к кафе “Маринас”. В кафе играл оркестр, и я сел на террасе , наслаждаясь свежей прохладой в жаркий день, выпил стакан лимонного сока со льдом, а затем выпил большую порцию виски с содовой. Я долго сидел перед причалом, читал, наблюдал за людьми и слушал музыку.

Позже, когда начало темнеть, я прогулялся по гавани и набережной и, наконец, вернулся в отель ужинать. В это время проходила велогонка “Тур де Пей Баския”, и в тот вечер гонщики остановились в Сан-Себастьяне. В столовой, с одной стороны, стоял длинный стол, за которым велосипедисты ели вместе со своими тренерами и менеджерами. Все они были французами и

бельгийцами и уделяли особое внимание приготовлению пищи, но при этом хорошо проводили время. Во главе стола сидели два хороших-236 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ.

красивые француженки, в которых много шика с улицы Монмартрского предместья . Я не мог понять, кому они принадлежат. За длинным столом все говорили на жаргоне, и было много шуток между собой и в дальнем конце, которые не повторялись, когда девушки просили их послушать. На следующее утро в пять часов гонка возобновилась последним кругом, Сан-Себастьян-Бильбао. Велосипедисты выпили много вина и обгорели на солнце. Они не воспринимали гонку всерьез, кроме как между собой. Они так часто участвовали в гонках между собой, что не имело большого значения, кто победил. Особенно в чужой стране. О деньгах можно было договориться.

У человека, который лидировал в забеге всего две минуты , начался приступ фурункулеза, который был очень болезненным. Он сидел на пояснице. Его шея была очень красной, а светлые волосы выгорели на солнце. Другие гонщики подшучивали над ним по поводу его фурункулов. Он постучал вилкой по столу.

“Послушайте, - сказал он, - завтра мой нос будет так плотно прижат к рулю, что единственное, что коснется этих фурункулов, - это приятный ветерок”.

Одна из девушек посмотрела на него через стол, и он ухмыльнулся и покраснел. Испанцы, по их словам, не знали, как крутить педали.

Я пил кофе на террасе с менеджером команды одного из крупных производителей велосипедов. Он сказал, что это была очень приятная гонка, и ее стоило бы посмотреть, если бы Боттечиа не сошел с дистанции в Памплоне. Было очень пыльно, но в Испании дороги были лучше, чем во Франции. По его словам, шоссейные велосипедные гонки были единственным видом спорта в мире. Следовал ли я когда-нибудь этому Тур де Франс? Только в газетах. Тур де Франс был величайшим спортивным событием в мире. Наблюдение за шоссейными гонками и их организация помогли ему лучше узнать Францию. Мало кто знает Франция. Всю весну, все лето и всю осень он провел в разъездах с велосипедистами-шоссейниками. Посмотрите, сколько сейчас автомобилей следует за гонщиками из города в город во время

шоссейных гонок. Оно

это была богатая страна, и с каждым годом ее становилось все больше. Это была бы самая спортивная страна в мире. Это были шоссейные велогонки. Это и футбол. Он знал Францию. Франция спортивная. Он разбирался в шоссейных гонках. Мы выпили коньяку. В конце концов, было неплохо вернуться в Париж. Есть только одна панорама. Во всем мире, конечно. Париж - самый спортивный город в мире. Знал ли я “Шоп де Негре”? Не знал. Я бы как-нибудь его там увидел . Обязательно бы увидел. Мы бы выпили еще чего-нибудь вкусненького вместе. Мы бы обязательно выпили. Они начали в шесть часов без четверти . Готова ли я к отъезду? Я бы, конечно, попыталась . Хотела бы я, чтобы он мне позвонил? Это было очень интересно. Я бы оставьте сообщение на ресепшене. Он был бы не прочь позвонить мне. Я не мог позволить ему брать на себя такие хлопоты. Я бы оставил сообщение о звонке на стойке регистрации. Мы попрощались до следующего утра.

Утром, когда я разбудил велосипедистов и их последователей-ревущие машины ехали по дороге уже три часа. Я выпила кофе и почитала газеты в постели, а затем оделась и спустилась в купальнике на пляж. Ранним утром было свежо, прохладно и сыро . Медсестры в униформе и в крестьянских костюмах прогуливались под деревьями с детьми. Испанские дети были прекрасны. Несколько чистильщиков сапог сидели под деревом и разговаривали с солдатом. У солдата была только одна рука. Был прилив, дул легкий ветерок, а на пляже шумел прибой.

Я разделся в одной из кабинок для купания, пересек узкую полоску пляжа и зашел в воду. Я выплыл, пытаясь проплыть сквозь волны, но иногда мне приходилось нырять. Затем, оказавшись в спокойной воде, я повернулся и поплыл. Плывя, я видел только небо и чувствовал, как опускаются и поднимаются волны. Я поплыл обратно к полосе прибоя и лег лицом вниз на большой вал, затем повернулся и поплыл, стараясь удержаться на поверхности и не дать волне захлестнуть меня. Я устал плавать в желобе, повернулся и поплыл к плоту. Вода была упругой и холодной. Казалось, что ты никогда не утонешь. Я плыл

медленно, мне казалось, что это долгий путь.

поплыли с приливом, а потом забрались на плот и сели, обливаясь потом, на доски, которые становились горячими на солнце. Я оглядел залив, старый город, казино, ряд деревьев вдоль набережной и большие отели с белыми верандами и названиями, написанными золотыми буквами. Справа, почти закрывая гавань, виднелся зеленый холм с замком. Плот покачивался в такт движению воды. По другую сторону узкого прохода, который вел в открытое море, был еще один высокий мыс. Я подумал , что хотел бы переплыть залив, но побоялся, что меня сведет судорогой.

Я сидел на солнышке и наблюдал за купальщиками на пляже. Они казались очень маленькими. Через некоторое время я встал, ухватился пальцами ног за край плота, когда он накренился под моим весом, и нырнул чисто и глубоко, чтобы вынырнуть из светлеющей воды, стряхнул соленую воду с головы и медленно и уверенно поплыл к берегу.

После того, как я оделся и заплатил за ванную, я вернулся в отель. Участники велогонки оставили несколько экземпляров Я бродил по окрестностям, собрал их в читальном зале, достал оттуда и уселся в мягкое кресло на солнышке, чтобы почитать и узнать побольше о спортивной жизни Франции. Пока я там сидел , вышел консьерж с голубым конвертом в руке.

” Для вас телеграмма, сэр.

Я просунул палец под складку, которая была застегнута

положите, разверните и прочтите. Оно было отправлено из Париж:

НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПРИЕХАТЬ В ОТЕЛЬ “МОНТАНА МАДРИД” У МЕНЯ БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ, БРЕТТ.

Я дал чаевые консьержу и перечитал сообщение еще раз. По

тротуару шел почтальон. Он зашел в отель. У него были пышные усы, и он выглядел очень по-военному. Он снова вышел из отеля . Консьерж шел прямо за ним.

- Вот еще одна телеграмма для вас, сэр.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ 239 “Спасибо”, - сказал я. Я открыл письмо. Оно было отправлено из Памплоны.

НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПРИЕХАТЬ В ОТЕЛЬ “МОНТАНА МАДРИД” У МЕНЯ БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ, БРЕТТ.

Консьерж, вероятно, ждал еще чаевых.

“Во сколько отправляется поезд на Мадрид?”

“Он отходит в девять утра. В одиннадцать отправляется медленный поезд, а Южный экспресс - в десять вечера”.

“Купите мне билет на “Южный экспресс”. Вам нужны деньги сейчас?”

“Как пожелаете”, - сказал он. “Я внесу их в счет”.

“Сделайте это”.

Что ж, это означало, что весь Сан-Себастьян полетел ко всем чертям. Я смутно догадывался, что ожидал чего-то в этом роде. Я увидел консилиум, стоявший в дверях.

“Принесите мне, пожалуйста, бланк телеграммы”.

Он принес его, и я достал свою авторучку и напечатал:

ЛЕДИ ЭШЛИ, ОТЕЛЬ МОНТАНА, МАДРИД ПРИБЫВАЮ ЗАВТРА ЮЖНЫМ ЭКСПРЕССОМ, ЛЮБЛЮ ДЖЕЙКА.

Кажется, это все. Вот и все. Отправляю девушку с одним мужчиной. Знакомлю ее с другим, чтобы она ушла с ним. А теперь иди и приведи ее обратно. И подпиши телеграмму с любовью. Все было в порядке. Я пошел обедать.

В ту ночь в “Южном экспрессе” я почти не спал. Утром я позавтракал в вагоне-ресторане и полюбовался на скалы и сосны между Авилой и Эскориалом. Я увидел Эскориал из окна, серый, длинный и холодный в лучах солнца, и мне было на это наплевать. Я увидел Мадрид, возвышающийся над равниной, - плотную белую линию горизонта на вершине небольшого утеса, вдали от выжженной солнцем страны.

Северный вокзал в Мадриде - конечная станция линии. Все поезда

на этом заканчиваем. Дальше они никуда не едут. Снаружи стояли такси и вереница курьеров из отелей. Это было похоже на провинциальный городок. Я взял такси, и мы поднялись через сады, мимо пустого дворца и недостроенной церкви на краю обрыва, и так далее , пока не оказались в высоком, жарком, современном городе. Такси покатило по ровной улице к площади Пуэрта-дель-Соль, а затем в потоке машин выехало на Каррера-Сан-Херонимо. Во всех магазинах были опущены тенты из-за жары. Окна, выходящие на солнечную сторону улицы, были закрыты ставнями. Такси остановилось у обочины. Я увидел вывеску “ОТЕЛЬ МОНТАНА” на втором этаже. Таксист внес сумки внутрь и оставил их у лифта. Я не смог заставить лифт работать, поэтому поднялся пешком. На втором этаже висела латунная табличка “ОТЕЛЬ Монтана”. Я позвонил, но никто не подошел к двери. Я позвонил еще раз, и дверь открыла горничная с угрюмым лицом.

- Леди Эшли здесь? - спросил я. Я спросил.

Она тупо посмотрела на меня.

“Здесь есть англичанка?”

Она повернулась и позвала кого-то в дом. На пороге появилась очень полная женщина. Ее седые волосы были уложены в виде гребешков вокруг лица. Она была невысокой и властной.

- Мой добрый день, - сказал я. - Здесь есть англичанка? 1 хотел бы увидеть эту английскую леди”.

“Добрый день. Да, здесь есть англичанка. Конечно, вы можете встретиться с ней, если она захочет вас видеть”.

“Она хочет видеть меня”.

“Эта красотка пригласит ее”.

“Здесь очень жарко”.

“Летом в Мадриде очень жарко”.

“А как холодно зимой”.

“Да, зимой здесь очень холодно”.

Хотел ли я лично остановиться в отеле Montana?

Насчет этого я еще не решил, но это доставило бы мне удовольствие

если мои чемоданы были подняты с первого этажа, чтобы их не украли. В отеле никогда ничего не крали Монтана. В других фондах - да. Не здесь. Нет. Персонал этого заведения проходил строгий отбор. Я был рад это слышать . Тем не менее, я был бы рад, если бы мне принесли мои сумки.

Вошла горничная и сказала, что англичанка-женщина хочет видеть англичанина-мужчину сейчас же, немедленно.

“Хорошо”, - сказал я. “Вот видите. Все так, как я и сказал”.

“Ясно”.

Я последовал за горничной по длинному темному коридору. В конце она постучала в дверь.

“Здравствуйте”, - сказала Бретт. “Это ты, Джейк?”

“Это я”.

“Входите. Входите”.

Я открыл дверь. Горничная закрыла ее за мной. Бретт был в постели. Она только что расчесывала волосы и держала щетку в руке. В комнате царил такой беспорядок, какой бывает только у тех , у кого всегда были слуги.

- Дорогая! - сказал Бретт.

Я подошел к кровати и обнял ее. Она поцеловала меня, и, пока она целовала меня, я почувствовал, что она думает о чем-то другом. Она дрожала в моих объятиях. Она казалась такой маленькой.

“Дорогая! Я так здорово провел время”.

“Расскажи мне об этом”.

“Нечего рассказывать. Он ушел только вчера. Я заставила его уйти”.

“Почему ты его не оставил?”

“Я не знаю. Так не поступают. Не думаю, что я причинила ему боль”.

- Вероятно, ты была чертовски хороша для него.

- Ему не следовало ни с кем жить. Я правильно это поняла

прочь”.

242 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСТАЕТ

“нет.”

“О, черт! - сказала она. - Давай не будем об этом говорить. Давай никогда не будем об этом говорить”.

”Хорошо”.

“Это было довольно странно, что он стыдился меня. Знаешь, какое-то время он стыдился меня”.

“нет.”

- О, да. В кафе ему, наверное, рассказали обо мне. Он хотел, чтобы я отрастила волосы. Я, с длинными волосами. Я бы выглядела ужасно”.

“Это забавно”.

“Он сказал, что это сделает меня более женственной. Я бы выглядела ужасно”.

“что случилось?”

- О, он с этим справился. Он недолго стыдился меня”.

“Что такого было в том, что я попал в беду?”

“Я не знал, смогу ли я заставить его уйти, и у меня не было ни гроша, чтобы уйти и оставить его. Знаешь, он пытался дать мне много денег. Я сказал ему, что у тебя их много. Он знал, что это ложь. Я не мог взять его деньги, понимаешь.”

“нет.”

- О, давай не будем об этом говорить. Правда, были и забавные моменты . Пожалуйста, дайте мне сигарету”.

Я закурил.

“Он выучил английский, работая официантом в Гибдд”.

Да, да

“В конце концов, он хотел жениться на мне”.

«действительно?»

- Конечно. Я даже не могу выйти замуж за Майка”.

“Возможно, он думал, что это сделает его лордом Эшли”.

“Нет. Дело было не в этом. Он действительно хотел жениться на мне. Поэтому я не могла уйти от него, сказал он. Он хотел убедиться, что я никогда не смогу уйти от него. Конечно, после того, как я стану более женственной .”

“Ты должен чувствовать себя бодрым”.

“Нет. Я снова в порядке. Он уничтожил этого проклятого Кона”.

“хорошо.”

“Ты знаешь, я бы жила с ним, если бы не видела, что это плохо для него”. Мы прекрасно ладили.”

“Если бы не твоя внешность”.

“О, он бы к этому привык”.

Она затушила сигарету.

- Знаешь, мне тридцать четыре. Я не собираюсь быть одной из тех сук, которые портят детей.

“нет.”

- Я не собираюсь быть таким. Я чувствую себя довольно хорошо, знаете ли. Я чувствую себя вполне устроенным.

“хорошо.”

Она отвела взгляд. Я подумал, что она ищет еще сигарету. Потом я увидел, что она плачет. Я чувствовал, как она плачет. Она дрожала и плакала навзрыд. Она не поднимала глаз. Я обнял ее,

“Давай никогда не будем говорить об этом. Пожалуйста, давай никогда не будем говорить об этом вслух.:

”Дорогая Бретт”.

“Я возвращаюсь к Майку”. Я чувствовал, как она плачет, когда крепко прижимал ее к себе. “Он такой чертовски милый и в то же время такой ужасный. Он в моем вкусе ”.

Она не поднимала глаз. Я погладил ее по волосам. Я чувствовал, как она дрожит.

“Я не буду одной из этих сучек”, - сказала она. “Но, о, Джейк, пожалуйста, давай никогда не будем говорить об этом”.

Мы покинули отель “Монтана”. Женщина, управляющая отелем , не позволила мне оплатить счет. Счет был оплачен.

“О, хорошо. Забудь об этом, - сказал Бретт. - Теперь это не имеет значения.

Мы доехали на такси до отеля “Палас”, оставили сумки, договорились о ночлеге в “Суд Экспресс” и отправились

мы зашли в бар отеля выпить по коктейлю. Мы сидели на высоких стульях у стойки, пока бармен взбивал мартини в большом никелированном шейкере.

“Забавно, что в баре большого отеля царит удивительная атмосфера аристократизма”, - сказал я. ;

“Бармены и жокеи - единственные люди, которые еще остаются вежливыми”.

“Каким бы вульгарным ни был отель, в баре всегда приятно”.

“Это странно”.

“Бармены всегда были прекрасны”.

“Знаешь, - сказал Бретт, “ это чистая правда. Ему всего девятнадцать. Разве это не удивительно?”

Мы прикоснулись к двум бокалам, которые стояли рядом на стойке. Они были покрыты холодными бусинками. За занавешенным окном стояла летняя мадридская жара.

“Я как оливка в мартини”, - сказал я бармену.

“Вы правы, сэр. Вот и вы”.

“спасибо”.

- Знаешь, я должна была спросить.

Бармен отошел достаточно далеко от стойки, чтобы не слышать нашего разговора. Бретт отпила из бокала с мартини, который стоял на деревянной подставке. Затем она подняла его. Ее рука была достаточно твердой, чтобы поднять бокал после первого глотка.

“Это вкусно. Не правда ли, хороший бар?”

“Они все хорошие”.

“Знаете, я сначала не поверила. Он родился в 1905 году. Я тогда учился в школе в Париже. Подумай об этом.

“Ты хочешь, чтобы я что-нибудь подумал по этому поводу?”

“Не будь ослом. Не угостишь ли ты даму выпивкой?”

“Мы выпьем еще по два мартини”.

“Такими, какими они были раньше, сэр?”

“Они были очень хороши”. Бретт улыбнулась ему.

СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВСХОДИТ ЧЕРЕЗ 245 МИНУТ

“Спасибо, мэм”.

“Ну что ж, спасибо”, - сказал Бретт.

“Спасибо!”

“Вы знаете, - сказал Бретт, - до этого у него было всего две женщины . Его никогда ничего не интересовало, кроме боя быков”.

“У него полно времени”.

“я не знаю. Он думает, что это был я. А не шоу в целом”.

“Ну, это был ты”.

“да. Это был я.

“Я думал, ты никогда не заговоришь об этом”.

“Что я могу поделать?”

“Ты потеряешь самообладание, если будешь говорить об этом”.

“Я просто обхожу это стороной. Ты знаешь, я чувствую себя чертовски хорошо, Джейк”.

“Ты должна”.

“Знаешь, когда решаешь не быть стервой, чувствуешь себя гораздо лучше”.

“да.”

“Это что-то вроде того, что у нас есть вместо Бога”.

“У некоторых людей Бог есть”, - сказал я. “Довольно у многих”.

“Мы с ним никогда особо не ладили”.

“Может, выпьем еще мартини?”

Бармен взболтал еще два мартини и разлил их по новым бокалам.

“Где мы будем обедать?” - Спросил я Бретта. В баре было прохладно. Через окно можно было почувствовать жару снаружи.

- Здесь? - спросила Бретт.

Здесь, в отеле, все испорчено. Ты знаешь место под названием У Ботина? - Спросил я бармена.

- Да, сэр. Хотите, я запишу ваш адрес?”

“спасибо”.

Мы пообедали наверху, в ресторане Botin’s. Это один из лучших ресторанов Р

246 СОЛНЦЕ ТОЖЕ ВОСХОДИТ

в мире. Мы ели жареного молочного поросенка и пили риоху альта. Бретт почти ничего не ел. Она никогда много не ела. Я очень плотно поела и выпила три бутылки “риохи альта”.

“Как ты себя чувствуешь, Джейк?” Спросила Бретт. “Боже мой! что за вкуснятину ты съел”. - Чувствую себя неважно. Хочешь десерт?”

Шорд,. 0.4

Бретт курил.

“Ты любишь поесть, не так ли?” - спросила она.

“да.” Я сказал. “Мне нравится многое делать”.

“Чем ты любишь заниматься?”

“О, - сказал я, - мне нравится многое делать. Ты не хочешь десерт?”

“Ты как-то спрашивала меня об этом”, - сказал Бретт.

“Да”, - ответил я. “Я так и сделал. Давай выпьем еще бутылочку риохи альта”.

“Она очень вкусная”.

“Ты почти ничего не выпил”, - сказал я.

“Я выпил. Ты еще не видел”.

“Давайте возьмем две бутылки”, - сказал я. Бутылки принесли. Я налил немного в свой бокал, потом в бокал Бретта, затем наполнил свой бокал. Мы чокнулись бокалами.

”Бум-бум!” Сказал Бретт. Я выпил свой бокал и налил себе еще. Бретт положила руку мне на плечо.

“Не напивайся, Джейк”, - сказала она. “Ты не обязан”.

“Откуда ты знаешь?”

“Не надо”, - сказала она. “У вас все получится”.

“Я не собираюсь напиваться”, - сказала я. “Я просто выпью немного вина. Я люблю пить вино”.

“Не напивайся”, - сказала она. ”Джейк, не напивайся”.

- Хочешь прокатиться верхом? Я сказал. “Хочешь прокатиться по городу?”

“Хорошо”, - сказал Бретт. “Я еще не видел Мадрид. Я должен увидеть Мадрид”.

СОЛНЦЕ ВСХОДИТ 24 часа в сутки.

Пока не закончу с этим, - сказал я.

Спустившись по лестнице, мы вышли через столовую на первом этаже на улицу. Официант пошел ловить такси. Было жарко и ярко. Дальше по улице была небольшая площадь с деревьями и травой, где были припаркованы такси. К нам подъехало такси, официант стоял в стороне. Я дал ему чаевые, сказал водителю, куда ехать, и сел рядом с Бреттом. Водитель тронулся с места. Я откинулся на спинку сиденья. Бретт придвинулась ко мне. Мы сидели, прижавшись друг к другу. Я обнял ее, и она удобно прижалась ко мне. Было очень жарко и ярко, и дома казались ярко-белыми. Мы свернули на Гран-Виа.

“О, Джейк, - сказал Бретт, - мы могли бы чертовски хорошо провести время вместе”.

Впереди показался конный полицейский в форме цвета хаки, регулировавший движение. Он поднял свою полицейскую дубинку. Машина внезапно замедлила ход, и Бретт прижался ко мне.

- Да, - сказал я. “ Разве не приятно так думать?

ОПУБЛИКОВАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА “СЫНОВЬЯ” В НЬЮ-ЙОРКЕ

“И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ”

“Захватывающее, прекрасное и нежно-абсурдное, душераздирающее повествование… Никакое количество анализов не сможет оценить качество “И восходит солнце”. Это по-настоящему захватывающая история, рассказанная в лаконичной, жесткой спортивной прозе….Это великолепное произведение, наполненное органичным действием, которое создает неотразимую картину характера”.— New York Times

Другие книги Хемингуэя в библиотеке Скрибнера

~ ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ В ЗЕЛЕНЫХ ХОЛМАХ АФРИКИ (СЛ. 4) (СЛ. 50) ПРОЩАНИЕ С ОРУЖИЕМ В НАШЕ ВРЕМЯ (СЛ. 61) (СЛ. 56)

СНЕГА КИЛИМАНДЖАРО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ (стр. 32)

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

Родился в Оук-Парке, штат Иллинойс, в 1899 году, Эрнест Хемингуэй получил там образование в государственной школе. Он стал репортером на “Канзас-Сити Стар” и в В Первую мировую войну служил водителем скорой помощи и пехотинцем в итальянской армии. После войны он поселился в Париже в качестве корреспондента газеты “Торонто” Звезда, и именно там он начал свою серьезную писательскую карьеру. Он служил военным корреспондентом во время гражданской войны в Испании Война и Вторая мировая война. В 1954 году он был удостоен Нобелевской премии по литературе. Он умер в Айдахо в 1961 году.

АРНОЛЬД